

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Чибисов Борис Игоревич

**ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТИНА НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ В XV ВЕКЕ
(НЕСЛАВЯНСКИЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук
Стефанович П. С.

Москва – 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Древнерусская ономастика в этноисторических исследованиях: историография вопроса.....	40
§ 1. Исследования неславянской топонимии Новгородской земли	40
§ 2. Изучение неславянской антропонимии и этноантропонимии.....	47
Глава 2. Состав населения Обонежья в конце XV в.	63
§ 1. Население Заонежских погостов.....	63
§ 2. Этнический состав населения южного Обонежья.....	78
§ 3. «Лопское» население Новгородской земли: проблема этнической принадлежности.....	89
Глава 3. Население северо-западного Приладожья.....	104
§ 1. Этнический состав населения Корельского уезда Водской пятины....	104
§ 2. «Дети корельские» в северо-западном Приладожье.....	124
Глава 4. Население северо-запада Новгородской земли.....	140
§ 1. Ореховский и Ладожский уезды.....	140
§ 2. Копорский, Ямской и Новгородский уезды.....	154
§ 3. Этнические прозвища на территории Водской пятины.....	168
Глава 5. Население южных пятин Новгородской земли	178
§ 1. Состав населения Ивангорода по данным писцовой книги Шелонской пятины 1497 / 1498 г.	178
§ 2. Население Русы в конце XV в.	188
§ 3. Сельское население Шелонской, Деревской и Бежецкой пятин.....	198
Заключение.....	210
Список источников и литературы.....	215
Приложение 1. Новгородская земля в конце XV–XVI в. Часть 1.	241
Приложение 2. Новгородская земля в конце XV–XVI в. Часть 2.	242

Приложение 3. Неславянская антропонимия и этнотопонимия Обонежской пятины в конце XV в.	243
Приложение 4. Прибалтийско-финская ойконимия Корельского уезда в конце XV в.	244
Приложение 5. Прибалтийско-финская антропонимия Корельского уезда в конце XV в.	245
Приложение 6. География земельных владений «корельских детей».....	246
Приложение 7. Неславянская ойконимия северо-запада Новгородской земли.....	247
Приложение 8. Неславянская антропонимия северо-запада Новгородской земли.....	248
Приложение 9. Неславянская ойконимия Шелонской пятины в конце XV в.....	249
Приложение 10. Неславянская антропонимия Шелонской пятины в конце XV в.	250
Приложение 11. Этнотопонимия Деревской пятины в конце XV в.	251
Приложение 12. Неславянская и прозвищная антропонимия Деревской пятины в конце XV в.	252

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы.

Исследователи неоднократно подчеркивали полиэтничность населения средневековой Новгородской земли. Однако если её ранняя этническая история основательно изучена историками и археологами, то период XV в. привлекал внимание ученых главным образом в социально-экономическом ключе. Это связано с тем, что концом XV в. датируется ценный источник – новгородские писцовые книги. Хотя ценность писцовых книг с социально-экономической точки зрения не подлежит сомнению, содержащийся в них топонимический и антропонимический материал пока недооценен. Рассмотрение этого материала дает возможность пролить свет на этническую историю Новгородской земли.

Кроме того, конец XV в. – важный период образования Русского централизованного государства. Во второй половине 70-х гг. XV в. Новгород был присоединен к Москве. Политические и экономические изменения, происшедшие в Новгородской земле после присоединения к Москве, изучены историками весьма подробно. Тем не менее, остаются неизученными проблемы, связанные с инкорпорацией прибалтийско-финских этнических групп, проживавших в Новгородской земле, в новую социально-политическую систему, выстраиваемую великим князем в Новгороде. Изучение этого вопроса позволяет сделать выводы относительно характера Русского государства с этнической точки зрения.

Одной из особенностей современной исторической науки является использование междисциплинарного подхода, важная грань которого – усиленное возрождение историко-филологического единства в исследованиях. Данная работа представляет собой попытку аккумулировать достижения смежных дисциплин, опираясь, прежде всего, на применение исторической ономастики, без которой изучение межэтнических отношений невозможно.

Степень изученности темы.

Большинство историков, писавших о Новгородской земле, так или иначе касались истории населявших её этносов. Учитывая длительную традицию российской историографии и огромное количество исследований, в данном разделе следует уделить внимание только тем концептуальным работам, которые напрямую относятся к этнической истории Новгородской земли в XV в. Обзор историографии по частным вопросам приводится далее, в соответствующих разделах.

Систематическое изучение истории этносов, входивших в состав населения Новгородской земли, началось в 40-е гг. XX в. Во многом это было связано с комплексом внешне- и внутривосточных факторов. 13–15 апреля 1940 г. VI сессия Верховного Совета СССР приняла закон о преобразовании Карельской АССР в Карело-Финскую ССР, что повысило её государственный статус и прибавило территорию с почти 200 тыс. населения¹. Судьба карелов определена постановлением ЦК ВКП(б) от 31 августа 1944 г. «О недостатках массово-политической работы среди населения районов КФ ССР, освобожденных от финской оккупации».

В рамках «массово-политической работы» появились первые крупные исследования по истории карельского народа, показывающие его тесную связь с Новгородом и славянами. Одна из ранних отечественных работ по истории Карелии принадлежит С. С. Гадзяцкому. Он отметил, что топонимы западного Приладожья, территории между Ладожским и Онежским озерами, восточного побережья последнего в XV в. были преимущественно карельского происхождения. По мнению С. С. Гадзяцкого, это свидетельствует в пользу автохтонности карелов на указанных территориях². Кроме того, автор считал, что топонимические данные подтверждают факт расселения вепсов в районе Свири и

¹ Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции Российского государства. М., 2012. С. 286.

² Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941. С. 5.

Южном Прионежье: географические названия этих мест «можно считать чисто вепскими по происхождению»³. Относительно саамов он в общих чертах заметил, что миграционные потоки карелов, продвигавшиеся на Север, сталкивались с саамским населением, в том числе на Кольском полуострове. Гадзяцкий утверждал, что земли, примыкающие к юго-западным берегам Белого моря, сохранили топонимы «лопарского», т. е. саамского, происхождения. При этом он не привлекал антропонимические данные и умолчал о методике выявления неславянских топонимов.

Непосредственным продолжением книги С. С. Гадзяцкого был труд Р. Б. Мюллер, охватывающий историю Карелии конца XV–XVII вв. Р. Б. Мюллер указывала, что в XV в. карелы составляли большинство населения в северо-западном и западном Приладожье, а к востоку уступали в своей численности славянам. Она делала особый акцент на анализе отдельных топонимов Корельского уезда, которые, с её точки зрения, были финского происхождения. Неславянскими были преимущественно гидронимы. При этом автор подчеркивала, что прибалтийско-финские названия урочищ, озер и рек необязательно дают сведения о составе окрестного населения; они могут говорить лишь о том, что в какое-то время в этой местности проживали карелы⁴. Большое значение имеют ойконимы, т. е. названия поселений: Р. Б. Мюллер предполагала, что большинство деревень в XV в. едва ли могли быть очень древнего происхождения. Обилие карельских названий деревень могло косвенно указывать на значительную долю карельского населения в той или иной местности, однако «писцовые книги мало дают подобных названий»⁵. Также Р. Б. Мюллер полностью повторила выводы С. С. Гадзяцкого о взаимоотношениях карелов и саамов. Тем не менее, это крупное исследование затронуло лишь отдельные топонимы без антропонимических данных; кроме того, остается неясным, на

³ Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941. С. 5.

⁴ Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947. С. 16.

⁵ Там же. С. 17.

основе каких источников автор приходит к выводам о соотношении тех или иных этнических групп.

Этническая проблематика поднималась в коллективной монографии «История Карелии с древнейших времен до наших дней». Применительно к XV в. в работе встречаются выводы общего характера: на территории Корельского уезда проживали преимущественно карелы, при этом в самом городе Кореле и Сванском Волочке имелось «какое-то количество русских жителей». В области Онежско-Ладожского межозерья проживало вепсское население⁶.

А. Ю. Жуков на основании писцовой книги Водской пятины 1499 / 1500 г., отдельных берестяных грамот и новгородских актов выявил особенности административного устройства Корельского уезда⁷. Работа посвящена исторической территории Карелии, однако этническая проблематика занимает в ней второстепенное место. Пользуясь результатами археологических изысканий и отдельными топонимическими данными писцовой книги, А. Ю. Жуков утверждал, что именно в северо-западном Приладожье располагались главные племенные земли карелов. Также он соотнес топонимы Приладожья, зафиксированные в писцовых книгах, с современными топонимами Карелии и пришел к выводу, что многие карельские поселения сохранились с конца XV до начала XXI в. Основываясь на актах Обонежья XV в., исследователь полагает, что подавляющее большинство вотчинников в городе Кореле и Задней Кореле принадлежало к местной, карельской знати и именовалось понятием «корельские дети», при этом «на долю русских городчан оставалась меньшая часть земли»⁸.

⁶ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 143.

⁷ Жуков А. Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII – начале XVII в. Петрозаводск, 2013.

⁸ Жуков А. Ю. Приладожье в 1500 году // Вуокса: Приозерский краеведческий альманах, 2002–2003. СПб., 2003. Вып. 3. С. 104–114; *Он же*. Самоуправление в политике России: Карелия в XII – начале XVII в. Петрозаводск, 2013.

Давнюю традицию имеет изучение северо-западных земель Новгорода: южного побережья Финского залива, бассейна Невы и Ижоры. Одним из первых ученых, обративших внимание на прибалтийско-финскую антропонию в составе новгородских писцовых книг, был С. С. Гадзяцкий. Прибалтийско-финская форма некоторых имен привела его к заключению, что они принадлежали представителям води и ижоры. По мнению С. С. Гадзяцкого, подсчеты неславянских антропонимов позволяют определить приблизительное соотношение славянского и прибалтийско-финского (водского и ижорского) населения. Автор не ограничился общими рассуждениями, но привел свои подсчеты неславянской антропонимии. Так, в Копорском и Ямском уездах водское население составляло 4, 4 %. В Ореховском уезде проживала ижора, которая составляла 2, 6 % населения уезда. Водь и ижора не были рассеяны по всей территории северо-запада Новгородской земли, но жили компактными островками среди славянского населения, преимущественно в погостах по южному побережью Финского залива⁹. Таким образом, С. С. Гадзяцкий связал административные границы уездов с этнографическими границами – ареалами проживания неславянских этносов. Кроме того, он связал неславянские антропонимы и этническую принадлежность человека, так что носитель прибалтийско-финского имени в представлении автора обязательно оказывался прибалто-финном. Однако остается неясным, по какому критерию С. С. Гадзяцкий отбирал неславянские имена и разделял их на водские и ижорские.

Во второй половине XX в. началась продолжительная дискуссия вокруг этнической принадлежности археологических памятников северо-запада Новгородской земли. В этой дискуссии В. В. Седов несколько отошел от традиции

⁹ Гадзяцкий С. С. Ижорская земля в начале XVII в. // Исторические записки. М., 1947. Т. 21. С. 3–62.

археологических исследований и привлек в качестве источника помимо собственно археологических данных показания писцовых книг¹⁰. Он критически отнесся к тому, что по неславянскому имени можно однозначно определить этническую принадлежность человека, так как в конце XV в. широко использовались христианские / календарные имена. По его мнению, из-за отсутствия в писцовых книгах прямых указаний на этнический состав населения, они не могут являться самостоятельным источником для воссоздания этнической картины Новгородской земли. Сравнивая карту распространения неславянских археологических материалов с распределением прибалтийско-финских имен в писцовой книге, В. В. Седов пришел к заключению, что выводы об этнических группах, сделанные на основании археологических данных, полностью подтверждаются антропонимией писцовых книг. Также он обратил внимание на то, что специальная этническая карта Новгородской земли XV в. отсутствует.

Е. А. Рябинин придерживался мнения о тесном этнокультурном взаимодействии славян и прибалто-финнов. Выводы археологического изучения «чудских» погостов (Толдожского и Ополецкого), по мнению Рябинина, ясно указывают на присутствие в данной местности прибалтийско-финского населения, сохранившего своеобразный облик материальной культуры. С водскими древностями коррелирует карта распространения прибалтийско-финской антропонимии. Аналогичная корреляция прослеживается и в случае с ижорскими памятниками¹¹.

Эту историографическую традицию продолжил А. Г. Новожилов. Его диссертационное исследование охватывает регион северо-запада Новгород-

¹⁰ Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX–XIV вв.) // Советская археология. 1953. № 18. С. 190–229.

¹¹ Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских культурных связей: Историко-археологический очерк. СПб., 1997.

ской земли, расположенный между Нарвой и Волховом в конце XV в. На основе анализа антропонимии писцовой книги Водской пятины 1500 г. автор выделил несколько этнокультурных районов: северо-западный в «чудских» погостах, западный на Ижорском плато, восточный в Приневье и на южном побережье Финского залива, юго-западный в среднем Полужье¹².

Методика В. В. Седова и Е. А. Рябикина была использована О. И. Коньковой в обобщающих работах по истории води и ижоры¹³. Она привлекла более широкий археологический материал, относящийся к води и ижоре, и подтвердила вывод своих предшественников: там, где наблюдается скопление прибалтийско-финских антропонимов, выявляются памятники води и ижоры, восходящие к XII–XV вв.

В целом историография северо-запада Новгородской земли имеет историко-археологическую направленность. Методика исследований писцовых книг осталась неизменной: это, в первую очередь, поиск связи между распространением неславянской антропонимии и аналогичной материальной культуры. С середины XX в. продолжается выявление новых археологических данных, уточняющих уже сделанные выводы.

Этнический состав населения Обонежья также неоднократно обсуждался в историографии. М. В. Витов, занимавшийся проблемой происхождения гнездового типа расселения на Севере, на основе писцовых книг пришел к выводу, что группы деревень Обонежской пятины обычно носят прибалтийско-финские названия, а отдельные деревни – славянские. Изучая новгородские акты, автор определил, что там встречаются «явно нерусские имена». Как

¹² *Новожиллов А. Г.* Этническая история междуречья Волхова и Наровы XV–XVI вв.: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2000; *Он же.* Этническая ситуация на Северо-Западе Новгородской земли в XV–XVI вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2004. № 1–2. С. 79–92.

¹³ *Конькова О. И.* Водь: Очерки истории и культуры. СПб., 2009; *Она же.* Ижора: Очерки истории и культуры. СПб., 2009.

и его предшественники, М. В. Витов воздержался от однозначной «этнической» интерпретации имен, упомянутых в актах и писцовых книгах, ограничившись общим заключением о присутствии неславянских народов в Обонежье¹⁴.

Историография Обонежья отличается тем, что она направлена преимущественно на изучение истории конкретных неславянских народов – карелов, вепсов и саамов. Средневековую историю вепсов по данным новгородских писцовых книг затронул В. В. Пименов. Анализ топонимов в его книге, согласно авторской характеристике, «самый поверхностный». При этом, по мнению В. В. Пименова, писцовые книги – это довольно надежный источник по этнической истории: учет всех неславянских имен, прозвищ и топонимов позволяет точно определить, какой именно этнос новгородские писцы подразумевали в том или ином месте¹⁵. Применительно к концу XV в. В. В. Пименов строил свои выводы не только на современной тому периоду писцовой книге 1495 / 1496 г., но и на более поздней книге 1564 г. Такая ретроспекция характерна для всех последующих исследований этнической истории Обонежья, поскольку писцовая книга 1495 / 1496 г. сохранилась в отдельных фрагментах.

Эстонская исследовательница М. Йоалайд подчеркнула, что писцовые книги содержат лишь косвенные данные о проживании вепсов. Свидетельством неславянских истоков заселения выступает топонимия прибалтийско-финского происхождения, а также тот факт, что значительная территория, описываемая писцовой книгой 1495 / 1496 г., входит в вепсский ареал, изученный этнографами. По мнению М. Йоалайд, славянская антропонимия не всегда означает, что жители были славянами; в то же время, топонимы прибалтийско-финского происхождения не всегда однозначны, так как мы можем иметь дело

¹⁴ Витов М. В. Гнездовой тип расселения на русском севере и его происхождение // Советская этнография. 1955. № 2. С. 37.

¹⁵ Пименов В. В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965.

с обрусевшим населением¹⁶. В ряде работ М. Йоалайд представлены результаты этимологического исследования вепских топонимов, зафиксированных писцовой книгой Обонежской пятины 1495 / 1496 г.¹⁷ Автор соотнесла вепские названия деревень конца XV в. с поселениями XX в. и пришла к выводу, что в большинстве деревень, известных в средневековье, вепсы проживали как минимум до середины XX в.

Современные исследования, посвященные вепской истории и культуре, носят по преимуществу этнографический характер – период средневековья имеет характер очерков. З. И. Строгальщикова лишь заметила, что Обонежская пятина объединяла земли с вепским населением¹⁸. С. Б. Егоров в диссертации уделил внимание некоторым поселениям, где в XIX–XX вв. этнографы отмечали вепсов. Автор заметил, что многие названия вепских деревень были зафиксированы в писцовой книге 1495 / 1496 г., при этом сами жители носили по преимуществу календарные имена, что говорит о тесных этнокультурных контактах славян-христиан и вепсов¹⁹. Однако в работе Егорова обращение к писцовым книгам и новгородским актам носит скорее иллюстративный характер, нежели систематический.

¹⁶ Йоалайд М. Вепские погосты в XV–XVI вв. // Традиционная культура финно-угров и соседних народов. Проблемы комплексного изучения: Тезисы докладов. Петрозаводск, 1997. С. 61–62; Она же. Топонимия писцовых книг как источник этнической истории // Массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв.: Материалы конференции. Архангельск, 2002. С. 133–138.

¹⁷ Joalaid M. Russian cadastral registers as a source of Vepsian Onomastics // XX International Congress of Onomastic Sciences: Abstract. Santiago di Compostela, 1999. P. 101–102; Joalaid M. Keelevahetus Novgorodimaa Äänise viiendikus // Mitmekeelisus ja keelevaihtus õda-gumeresoomõ maiõ pääl. Võro Instituudi toimõndusõq. Tartu, 2006. L. 97–115.

¹⁸ Строгальщикова З. И. Вепсы: Очерки истории и культуры. СПб., 2014.

¹⁹ Егоров С. Б. Традиционная культура южных вепсов: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2014.

Менее обширна историография средневековой истории саамов. Многочисленные топонимические исследования Г. М. Керта говорят о том, что саамы жили южнее и восточнее современных ареалов, которые ограничены Кольским полуостровом. Топонимы саамского происхождения широко представлены не только на Кольском полуострове, но и в бассейнах реки Ояти, Водлы, Онеги, Северной Двины и Мезени²⁰. А. Ю. Жуков на основе новгородских летописей и актов XIII – начала XVI вв. выделил несколько территориальных групп саамов, которые в русских источниках назывались *лопью*. Первая группа саамов, *Терская лопь*, проживала на Терском берегу Кольского полуострова, где по крайней мере с XIII в. существовала новгородская «волость Тре». Вторая и третья группа саамов жили южнее: *Лешая лопь* получила наименование от лесных территорий на севере Корельской земли и Обонежья, а *Дикая лопь* – от кочевого образа жизни в том же регионе. А. Ю. Жуков пришел к выводу, что в результате миграций карелы постепенно оттесняли саамов на север и ассимилировали их²¹.

²⁰ Керт Г. М. Некоторые саамские топонимические названия на территории Карельской АССР // Вопросы языкознания. 1969. № 2. С. 86–92; *Он же*. Саамская топонимная лексика. Петрозаводск, 2009; *Он же*. Саамские элементы в топонимии Карелии // Рябининские чтения: Сб. докладов. Петрозаводск, 1995. С. 195–200; *Он же*. Саамы // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 39–57; *Он же*. Субстратная топонимика Терского берега Кольского полуострова // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы лексикологии и лексикографии. Л., 1981. С. 64–68.

²¹ Жуков А. Ю. Правовое положение саами и вепсов в системе российской государственности IX–XVII вв. // Финно-угорская мозаика: Сб. статей. Петрозаводск, 2016. С. 292–307; *Он же*. Саами в XIII–XVII вв. (публикация источников и комментариев) // Антропологический форум. Современные тенденции в антропологических исследованиях. 2004. № 1. С. 298–322.

Гораздо меньше внимания уделялось славянскому населению Новгородской земли в XV в.²² Основной акцент в таких работах поставлен на социально-экономических вопросах, в частности – на процессах колонизации и хозяйственного освоения северных территорий Новгорода славянами. Однако аспекты этнокультурного взаимодействия различных этнических групп в подобных публикациях практически отсутствуют. В конце XX в. стал заметен отход от исключительно социально-экономической проблематики; появились работы антропологической направленности, посвященные славянскому населению Новгорода и его генетическим связям с другими этническими группами²³.

Существует обширный комплекс топонимических исследований, основанных на материале Обонежья. Крупные работы в этой области принадлежат И. И. Муллонен, Е. В. Захаровой, А. В. Приображенскому²⁴. Ряд статей опубликован А. И. Соболевым²⁵. Авторы выявили топонимические системы Обоне-

²² *Витов М. В.* Этнические компоненты русского населения Севера (в связи с историей колонизации XII–XVII вв.). М., 1964; *Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955; Очерки по истории колонизации Севера. Пг., 1922. Вып. 1; *Платонов С. Ф.* Прошлое Русского севера: Очерки по истории колонизации Поморья. Пг., 1923.

²³ *Гончарова Н. Н.* Антропология словен новгородских и их генетические связи: дисс. ... канд. биол. наук. М., 1995; *Санкина С. Л.* Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. Saarbrücken, 2012.

²⁴ *Захарова Е. В.* Интеграция субстратных прибалтийско-финских топонимов в русскую топонимическую систему Восточного Обонежья: дисс. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2015; *Муллонен И. И.* Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994; *Она же.* Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002; *Она же.* Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008; *Приображенский А. В.* Русская топонимия Карельского Поморья и Обонежья в историческом аспекте. Петрозаводск, 2013.

²⁵ *Соболев А. И.* Вепское прошлое Юго-Восточного Обонежья по данным ономастики // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы исследования. СПб., 2015. С.

жья – славянскую, карельскую, вепскую и саамскую. Существенным достижением является фиксация конкретных топонимических основ, определение их языковой принадлежности и этимологии.

Таким образом, к началу XXI в. появилось большое количество этноисторических и этнолингвистических исследований, касающихся Новгородской земли в XV в. Тем не менее, эта проблематика не получила комплексного изучения – целостного взгляда на этническую картину региона так и не сложилось. Большинство работ касается истории отдельных регионов Новгородской земли и населявших их этнических групп.

Цель исследования – выявить ареалы и отдельных представителей неславянских этнических групп на территории Новгородской земли в границах пятин конца XV в. и, по возможности, определить факторы и механизмы этнического взаимодействия.

Задачи исследования:

1. на основании исследований лингвистов определить информативные возможности топонимии и антропонимии в этноисторических исследованиях;
2. выявить в письменных источниках XV в. топонимы и антропонимы неславянского происхождения;
3. определить ареалы неславянских этнических групп по данным топонимии и антропонимии Новгородской земли;
4. проследить возможные направления миграции неславянского населения в Новгородской земле;
5. охарактеризовать способы инкорпорации неславянского населения в социально-политическую систему Новгородской земли.

438–508; *Он же*. Карельское наследие в топонимии Юго-Восточного Обонежья // Вопросы ономастики. 2015. №1 (18). С. 47–68; *Он же*. Названия населенных мест юго-восточного Обонежья в контексте формирования культурного ландшафта // Труды Карельского научного центра РАН. 2012. № 4. С. 191–196.

Объектом исследования являются данные письменных источников (писцовых книг, актов, берестяных грамот и летописных текстов), позволяющие выявить и охарактеризовать неславянские этнические группы и их отдельных представителей в составе населения Новгородской земли в XV в. **Предмет исследования** – особенности расселения неславянских этнических групп Новгородской земли, а также их взаимодействия с социально-политической системой Новгорода в указанный период.

Географические рамки исследования. Изучаемое в настоящем исследовании пространство, которое именуется Новгородской землей, ограничено пределами новгородских пятин конца XV в.: Обонежской, Водской, Шелонской, Бежецкой и Деревской. Важно учитывать то, что пятинная система лишь условно может быть соотнесена с исторически сложившейся на Новгородской земле территориальной структурой. Речь идет, следовательно, о центральной новгородской территории. Кроме того, в пятины конца XV в. уже не входили Торжок, Великие Луки и Ржева Пустая, права на которые частично принадлежали Новгороду до ликвидации его независимости (см. приложение 1 и 2)²⁶.

Хронологические рамки работы охватывают XV в. Нижнюю хронологическую границу составляет начало XV в.: во-первых, именно с этого времени систематически появляются акты Обонежья, во-вторых, началом XV в. датируется важнейший новгородский летописный свод – протограф Новгородской I летописи младшего извода и общего протографа Новгородской IV и Софийской I летописей. Верхнюю хронологическую границу – конец XV в. – определяет составление писцовых книг. По мере необходимости в отдельных случаях привлекаются источники, выходящие за указанные временные границы.

²⁶ См.: Фролов А. А. Административная система центральных районов Новгородской земли в X – начале XVII века в контексте истории территориальных юрисдикций // Историческая география. М., 2012. Т. 1. С. 115.

Источниковая база исследования. Основным источником исследования послужили новгородские писцовые книги конца XV в. Писцовые книги – это кадастры, систематизированные по административно-территориальному принципу (т. е. по пятинам) и созданные с целью государственного учёта земельных владений, проживающего на них податного и неподатного населения, а также объёмов налогообложения. После того, как зимой 1477/1478 г. Новгородская земля была окончательно присоединена к Русскому государству, её территория была подвергнута писцовым описаниям. Материалы первого описания не сохранились и известны только по ссылкам писцовых книг 1490-х гг. как «старое письмо». Второе описание Новгородской земли было произведено в 1496–1500 гг.²⁷

Писцовые работы начались в 1495/1496 г. в Деревской и Обонежской пятинах. Деревскую пятину описывали Прокофий Зиновьевич Скурат и Петр Борисов сын Волк²⁸. Одновременно в Деревской пятине описывались некоторые оброчные земли, писцами которых были Семен Дятлов и Матвей Валуев. Текст писцовой книги великокняжеских, церковных, помещичьих и своеземческих земель сохранился довольно хорошо, хотя и с незначительными утратами. Книга была опубликована под редакцией П. И. Савvaitова в первых двух томах издания Археографической комиссии²⁹. А. И. Никитский указал на некоторые неисправности публикации источника: так, листы рукописи были

²⁷ Писцовые книги Новгородской земли (далее – ПКНЗ). М., 1999. Т. 1: Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. С. 6.

²⁸ Там же. С. 8.

²⁹ Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией (далее – НПК). СПб., 1859. Т. 1: Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. Первая половина; НПК. СПб., 1862. Т. 2: Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. Вторая половина.

напечатаны не по порядку, встречались неверно прочитанные слова или неоговоренные ошибки текста³⁰. Точный порядок расположения листов рукописи дал А. М. Андрияшев³¹. В 1999 г. издание «Писцовых книг Новгородской земли» было дополнено публикацией писцовой книги дворцовых земель Деревской пятины, впервые введенной в научный оборот Г. А. Победимовой³². В этом же издании были опубликованы выписи на вотчины Троицкого Хлавицкого монастыря в Холмском погосте и Рождественского монастыря в Деманском уезде³³.

Описание Обонежской пятины 1495/1496 г. производилось под руководством Юрия Константиновича Сабурова. В 1501 г. он наместничал в Кореле³⁴. Книга Ю. К. Сабурова сохранилась с наибольшими утратами текста – остались только её отрывки. В историографии длительное время бытовало представление о дефектности материалов писцового описания Обонежья³⁵. Издание, подготовленное А. М. Андрияшевым, вышло в 1930 г. как первый выпуск «Материалов по истории Карельской АССР». В книге были опубликованы сохранившиеся части писцовой книги 7004 (1495/1496) г.: выпись XVII в. с описанием Никольского в Шунге погоста и отрывок подлинной книги, содержащей описания Вытегорского Покровского, Никольского Готславля волока, Никольского в Пелушах, Никольского на Оште, Ильинского в Веницах, Егорьевского в Колгушах и Михайловского в Озёрах погостов. В первом томе ПКНЗ был

³⁰ *Никитский А. И.* Заметки об издании новгородских писцовых книг // Журнал Министерства народного просвещения. 1880. № 12. С. 272–295.

³¹ *Андрияшев А. М.* О необходимости предварительного изучения текстов писцовых книг // Русский исторический журнал. Пг., 1917. Т. 1. С. 110.

³² Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. Л., 1971. С. 119. Прим. 51; ПКНЗ. Т. 1. С. 29–104.

³³ ПКНЗ. Т. 1. С. 82–88.

³⁴ См.: Разрядная книга 1475–1598. М., 1966. С. 32.

³⁵ ПКНЗ. Т. 1. С. 20.

опубликован ряд фрагментов из писцовой книги великокняжеских, церковных, помещичьих и своеземческих земель по рукописи XVII в. Отрывки содержат описание погостов Михайловского на реке Черной, Климецкого в Колбагах и Мытенского на реке Вишере. Хотя некоторые листы сохранились плохо, текст нигде не прерывался пропусками³⁶. Во втором томе ПКНЗ была опубликована выпись на вотчину Никольского Вяжицкого монастыря в Егорьевском в Толвуе погосте из писцовой книги Ю. К. Сабурова. Выпись дошла до нашего времени в списке XVIII в.³⁷ Таким образом, в распоряжении исследователей есть сведения по 12 погостам Обонежской пятины: оригинальные описания 7 погостов и поздние копии с переписью 5 погостов.

В 1497/1498 г. Шелонскую пятину описывал Матвей Иванович Валуев. Произведенное им описание Шелонской пятины имеет дату 7006 (1497/1498) г. Описание части дворцовых земель той же пятины, заново сделанное М. И. Валуевым, датировано 7007 (1498/1499) г. Писцовая книга великокняжеских, церковных, помещичьих и своеземческих земель опубликована в IV и V томах НПК³⁸. Причиной раздельной публикации рукописей было их плохое состояние и переплетение при реставрации в разные переплеты. Том V был составлен из разных памятников. К концу XV – началу XVI в. в этом томе принадлежат следующие источники: книги 1498 г. (платежная книга 7006 г. и часть писцовой книги М. И. Валуева 7006 г., опубликованной в IV томе), книга 1501 г. (писцовая книга дворцовых земель письма М. И. Валуева 7006 (1497/1498) г.), книга 1499 г. (книга письма М. И. Валуева 7007 г. новоприписных дворцовых волостей), книга 1505 г. (дозорная книга Сумерского погоста дворцового дьяка Обреска Иванова сына Микитина).

³⁶ ПКНЗ. Т. 1. С. 240–285.

³⁷ ПКНЗ. СПб., 1999. Т. 2: Писцовые книги Обонежской пятины XVI в. С. 183–196.

³⁸ НПК. СПб., 1886. Т. 4: Переписные оброчные книги Шелонской пятины; НПК. СПб., 1905. Т. 5: Книги Шелонской пятины.

Отдельные листы с описанием посада Русы и Околорусья были обнаружены и опубликованы А. А. Зиминим³⁹. В ПКНЗ был издан ряд отрывков из писцовой книги великокняжеских, церковных, помещичьих и земецких земель. Это отдельные листы из книги, опубликованной в V томе НПК, но оставшиеся неизвестными её издателю⁴⁰. В связи с находками новых материалов было решено включить в состав публикации часть писцовой книги, посвященной посаду Русы. В этом издании остается ряд пропусков, что является следствием плохой сохранности рукописи. В 2009 г. И. Ю. Анкудиновым, К. В. Барановым и А. А. Селиным была осуществлена публикация всех известных писцовых и переписных книг Старой Руссы, составленных до конца XVII в.⁴¹

Бежецкая пятина была описана в 1498/1499 г. под руководством Василия Григорьевича Наумова. Вторым писцом при В. Г. Наумове был Семен Захарьин сын Дятлов. Произведенное описание Бежецкой пятины датировано 7007 (1498/1499) г⁴². Книга сохранилась в отрывках, которые содержат менее половины объема описания пятины. При издании книга дворцовых земель получила ошибочную дату 1501 г., которая основывается на времени присылки книги в Новгород. Сама книга дворцовых земель составлена ранее⁴³. На это обратила внимание Р. Г. Петрова, опубликовавшая продолжение дворцовой книги по другому списку⁴⁴. В ПКНЗ были опубликованы фрагменты писцовой

³⁹ *Зимин А. А.* Два отрывка из Новгородской писцовой книги // Исторический архив. 1959. № 1. С. 155–159.

⁴⁰ ПКНЗ. С. 18, 105–142.

⁴¹ Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв. М., 2009.

⁴² НПК. СПб., 1910. Т. 6: Книги Бежецкой пятины.

⁴³ ПКНЗ. Т. 1. С. 20.

⁴⁴ *Петрова Р. Г.* Отрывок из Писцовой книги конца XV в. // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1979. М., 1980. С. 238–275.

книги Бежецкой пятины великокняжеских, церковных, помещичьих и своеземческих земель, в выдержках опубликованные Д. Я. Самоквасовым⁴⁵.

Последней в 1499/1500 г. была описана Водская пятина. Главой писцовой комиссии был Дмитрий Васильевич Китаев, которого сопровождал дьяк Никита Семенович Губа Моклоков. Писцовая книга великокняжеских, церковных, помещичьих и своеземческих земель сохранилась довольно полно, однако издатели иногда неправильно определяли порядок печатания отдельных листов. Кроме того, многочисленны неверно прочитанные слова, неоговоренные приписки и ошибки текста⁴⁶. В 1905 г. Д. Я. Самоквасов частично опубликовал выписку из дворцовых писцовых книг Водской пятины 7008 (1499/1500) г.⁴⁷ Вскоре после этой публикации А. М. Гневушевым была опубликована еще одна часть писцовой книги 1499/1500 г. дворцовых земель трех уездов письма Д. В. Китаева и Н. С. Моклокова⁴⁸. Во второй книге дел Тайного приказа была опубликована выписка из писцовой книги Д. В. Китаева с именами служилых людей, испомещенных в ряде погостов пятины⁴⁹. Выписка была сделана в XVII в., видимо, с родословными целями. Публикатор смешал выписку с другим памятником из той же рукописи, так называемой Поганой

⁴⁵ ПКНЗ. Т. 1. С. 145–239; *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал: в 2 т. Т. 2: Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV–XVII вв. М., 1909.

⁴⁶ НПК. СПб., 1868. Т. 3: Переписная оброчная книга Водской пятины, 1500 года. Первая половина; Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года // *Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских*. М., 1851. Кн. 11. С. 1–464; Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года (Продолжение) // *Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских*. М., 1852. Кн. 12. С. 1–188.

⁴⁷ *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал... С. 89–91.

⁴⁸ *Гневушев А. М.* Отрывок писцовой книги Вотской пятины второй половины, 1504–1505 г., содержащий в себе опись части дворцовых земель этой пятины. Киев, 1908.

⁴⁹ См.: *Русская историческая библиотека*. СПб., 1908. Т. 22, кн 2: Дела Тайного приказа. Стб. 18–28.

книгой⁵⁰. В ПКНЗ был напечатан ряд памятников, связанных с писцовым описанием Водской пятины 1499/1500 г., при этом некоторые из них были известны ранее: выпись из писцовой книги дворцовых земель на волость Победище и выпись на рыбные тони, расположенные на реке Волхов и Ладожском озере⁵¹.

Надежность этноисторических исследований, построенных исключительно на основе анализа ономастикона писцовых книг, воспринимается некоторыми учеными скептически по ряду причин. Во-первых, фиксации в писцовых книгах подлежало далеко не все население, а только непосредственные налогоплательщики, владельцы дворов и иных облагаемых налогом объектов (сенокосов, промысловых угодий). Во-вторых, основным средством идентификации налогоплательщика в писцовой книге было указание его имени собственного (личного имени, отчества и в некоторых случаях прозвища) и места жительства, а не его этнической принадлежности. В-третьих, в писцовых книгах практически отсутствуют женщины, что не позволяет проследить тенденции в сфере межэтнических браков.

По этой причине помимо писцовых книг привлекаются и иные источники. Берестяные грамоты № 130, 243, 248, 249, 278 и 403, найденные в слоях XIV – первой четверти XV в., содержат прибалтийско-финские топонимы и антропонимы, встречающиеся также в описании Корельского уезда 1499 / 1500 г.⁵² Актовый материал представлен новгородскими мировыми, купчими, данными, духовными грамотами XV в.⁵³ Изучаемые грамоты относятся к территории Обонежья, северо-западного Приладожья и карельского Беломорья.

⁵⁰ ПКНЗ. Т. 1. С. 15.

⁵¹ Там же. С. 16, 89–104.

⁵² *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.

⁵³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова (далее – ГВНП). М.; Л., 1949.

Привлекаются различные летописные памятники. Во-первых, это Новгородская I летопись, а также летописи, восходящие к Новгородско-Софийскому своду⁵⁴. Во-вторых, это «Летописный свод 1497 г.», представляющий собой летописную компиляцию конца XV – начала XVI в.⁵⁵ В-третьих, важен текст Софийской I летописи по списку И. Н. Царского (СЦ), которая содержит протограф своей конечной части – московский великокняжеский свод начала XVI в. (в СЦ доходит до 1508 г.)⁵⁶.

Ряд уникальных свидетельств находится в Симеоновской летописи конца XV в., доведенной до 7002 (сентябрь 1493 г.)⁵⁷, а также в Псковских летописях, особенно в Псковской I летописи (ПЛ) по Погодинскому списку, включающему в себя свод 1547 г. Совпадение оригинала псковских летописей доходит до 1481 г., а их протограф относится ко времени до 40-х гг. XV в. Несмотря на свою полувековую отдаленность от событий конца XV в., свод 1547 г. отражает псковскую летописную работу при церкви Св. Троицы. Следы этой работы можно проследить вплоть до событий 1510 г.⁵⁸

«Летопись Авраамки» представляет собой сборник-конволют, состоящий из древнего основания новгородского происхождения (конец 1460-х –

⁵⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). М., 2000; Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 2000. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись; ПСРЛ. М., 2000. Т. 6, вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода; ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись.

⁵⁵ ПСРЛ. М., 1963. Т. 28: Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись).

⁵⁶ ПСРЛ. М., 1994. Т. 39: Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского.

⁵⁷ ПСРЛ. М., 2007. Т. 18: Симеоновская летопись.

⁵⁸ ПСРЛ. М., 2003. Т. 5, вып. 1: Псковские летописи. С. 17; ПСРЛ. М., 2000. Т. 5, вып. 2: Псковские летописи.

начало 1470-х гг.) и последующей части, составленной Авраамкой в Смоленске в 1495 г.⁵⁹ Наконец, официальным характером известий о Новгороде отличается великокняжеская летопись 1490-х гг. – Московский летописный свод конца XV в.⁶⁰ В комплексе перечисленные источники представляются репрезентативными для изучения этнической истории Новгородской земли в XV в.

Новизна исследования состоит в новом подходе к отбору источников и методике работы с ними. За основу взяты новгородские писцовые книги конца XV в., но они дополняются свидетельствами иных источников (летописей, актов, берестяных грамот). Писцовые книги впервые в историографии полностью и систематически исследуются в качестве источника по этнической истории Новгородской земли XV в. Междисциплинарный подход с опорой на ономастику позволил дать целостную картину расселения этнических групп и этнического взаимодействия в Новгородской земле в последний период её «республиканской» независимости.

Научная и практическая значимость исследования состоит в том, что примененные методики и полученные результаты могут быть использованы в научной и научно-педагогической деятельности, в частности, при дальнейшей научной разработке этнической истории средневековой Руси, создании учебных и лекционных курсов по истории России.

Методология исследования.

1. 1. Методологическую основу исследования составляют принципы историзма и научной объективности. Принцип историзма предусматривает опору на комплекс достоверных источников, их всесторонний анализ, а также изучение этнической истории с учетом исторической динамики. Принцип

⁵⁹ Бобров А. Г., Введенский А. М. Летопись Авраамки: проблемы изучения // Русская литература: Историко-литературный журнал. 2017. № 4. С. 129; ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки.

⁶⁰ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в.

научной объективности предполагает отказ исследователя от априорных суждений и сознательной идеологической ангажированности, максимально полный анализ всей информации вне зависимости от её соответствия / несоответствия той или иной научной концепции. При разработке темы использовался междисциплинарный подход, сочетающий в себе традиционные методики исторического исследования (историко-генетический, историко-сравнительный методы) и методы ономастики – дескриптивный, ареальный и количественно-качественный.

Писцовые книги сохранили различные имена собственные – названия географических объектов (топонимы), а также личные имена, отчества и прозвища людей (антропонимы). Дескриптивный, или описательный метод состоит в выявлении и фиксации топонимов и антропонимов, упоминаемых в источниках. Ономастический материал писцовых книг требует систематизации – это предполагает составление списков топонимов и антропонимов. Ареальный метод позволяет определить географию функционирования определенных групп географических названий и имен. Количественный метод состоит в подсчете абсолютного числа топонимов прибалтийско-финского происхождения, а также жителей с неславянскими именами; определяется их доля в общем числе записанных жителей того или иного погоста. Относительные данные топонимов и антропонимов удается привести не всегда: это зависит как от сохранности и полноты источника, так и от возможности этимологизации имени или географического названия. Относительные показатели играют важную роль: они позволяют проследить соотношение славянских и неславянских антропонимов и топонимов; это соотношение, в свою очередь, иллюстрирует тенденции этнокультурных взаимоотношений.

По сравнению с антропонимией, названия географических объектов более стабильны и устойчивы, поэтому они позволяют изучить более древние

(по сравнению с концом XV в.) периоды освоения территории. Внутри топонимов писцовых книг выделяется обширная группа ойконимов – названий поселений (в подавляющем большинстве – сельских)⁶¹.

Существуют различные формы ойконимов. В основе так называемых «вторичных», или локативных ойконимов находились названия физико-географических объектов, распространившиеся на образованные при них поселения⁶². Значительную часть вторичных ойконимов составляют названия, производные от гидронимов – названий озёр, рек, заливов, проливов. Писцовые книги содержат многочисленные названия, образованные по предложно-падежному типу при помощи неславянских гидронимов: *деревня в Лахте (lahti «залив»)*, *деревня в Пягвиярве (järvi «озеро»)*, *деревня на Лавуе (oja «ручей»)* и др. Из всех топонимов именно гидронимы обладают наибольшей устойчивостью⁶³. Названия водных объектов почти никогда не меняются по нелингвистическим причинам и сохраняются на протяжении нескольких веков⁶⁴. Изучение гидронимов содействует решению такой важной проблемы, как определение направления колонизационных и миграционных процессов.

Среди неславянских ойконимов особое место занимают наименования поселений, образованные посредством онимизации локальных физико-географических терминов, отражающих характер местности. Так, в этой группе ойконимов находятся названия, восходящие к финноязычным географическим терминам и / или имеющие их в своей структуре: *Мягисела (mägi «гора»)*, *Сарь (suari «остров»)*, *Кересурья (syrja «возвышенность, гряда, гора»)*, *Варбоселка (selkä «гора, возвышенность»)*, *Гуемкумба (kumri, kumbi «холм»)* и др. По

⁶¹ Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. С. 93.

⁶² Там же. С. 139.

⁶³ Топоров В. Н., Трубачев В. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С. 3.

⁶⁴ Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки (список рек и озер). М., 1976. С. 3.

сравнению с гидронимами, названия гор, возвышенностей, полей, рощ и т. п. имеют более молодой возраст – в пределах одного-двух столетий⁶⁵.

Наиболее изменчивыми и нестабильными являются посессивные ойконимы, т. е. названия поселений, образованные от личных имен, патронимов и прозвищ людей, поскольку здесь можно усматривать тесную связь названия поселения с его основателем и / или владельцем⁶⁶. В работе уделяется внимание неславянским ойконимам, образованным от прибалтийско-финских некалендарных имен (*Игалово, Лембитово*) и календарных антропонимов в неславянской форме (*Таруево, Митчуево, Силуево* и т. п.). Такие ойконимы в ряде случаев имели в своей структуре славянский ойконимический формант *-во*, что может говорить о процессе славянизации территории. Особую группу составляют этнотопонимы – географические названия (в том числе именованя поселений), образованные от этнонимов (*Корельское, Татарово, Чудиново* и т. п.). Кроме того, отмечались ойконимы, в структуре которых находится прибалтийско-финский *-l*-овый формант (*Кургала, Кавгала, Вихкала* и др.).

В тесной связи с ойконимией находится антропонимия – совокупность собственных имен людей. Древнерусская антропонимия разделяется на календарную и некалендарную. Календарная антропонимия основывается на христианском месяцеслове (святцах); человек получает календарное имя в таинстве крещения. Некалендарные антропонимы, в свою очередь, не связаны с христианской традицией имянаречения. Нередко к имени прибавлялось прозвище – дополнительное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством или по какой-либо аналогии⁶⁷. Личные имена, или первичные именован-

⁶⁵ Васильев В. Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012. С. 26.

⁶⁶ Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. С. 139.

⁶⁷ Там же. С. 115.

ния, в структурной модели имени человека занимают первую позицию и отражают семантику, связанную с новорожденным. Прозвища занимают последнюю позицию в структуре именованного и относятся к представителям взрослого социума⁶⁸.

Прибалтийско-финские антропонимы выявляются, во-первых, на основе результатов лингвистических исследований В. Ниссиля⁶⁹, Я. Саарикиви⁷⁰, О. Л. Карловой⁷¹ и И. А. Кюршуновой⁷²; во-вторых, на основе анализа формальных показателей заимствования антропонимов. Формальными показателями являются: 1) фонетический маркер – сочетание звуков, не характерных для русской звуковой системы, переданных в текстах графически: *кк, лл, нн, пп, рр, тт, вг, вк, гп, лг, мб, мп, мк, нг, нж, нт, рг, рл, хк, ге, ги, гю, гя, ке, ки, кю, кя, хе, хи, хя* и др. 2) структурный маркер – формант *-уй (-ой, -ей, -ий)*, отмеченный

⁶⁸ *Мирославская А. Н.* О древнерусских именах, прозвищах и прозваниях // Перспективы развития славянской ономастики: Сб. статей. М., 1980. С. 203–204.

⁶⁹ *Nissilä V.* Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita. 1976. Т. I. S. 43–172.

⁷⁰ *Saarikivi J.* Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents // Slavica Helsingiensia. 2007. № 32. P. 196–246.

⁷¹ *Карлова О. Л.* Карельская антропонимия нехристианского происхождения (на материале писцовой книги Водской пятины 1500 г.) // V Всероссийская конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России»: материалы конференции. Петрозаводск, 2014. С. 33–36.

⁷² *Кюршунова И. А.* Антропозоонимы в полиэтничном пространстве Карелии XV–XVII вв. // Ученые записки ПетрГУ. 2013. № 7. Т. 2. С. 43–49; *Она же.* Календарные имена средневековой Карелии в когнитивном аспекте // Вопросы ономастики. 2013. № 2. С. 108–127; *Она же.* Отражение процессов этнического взаимодействия в антропонимиконе Карелии донационального периода // Carelica. 2014. № 2. С. 22–30; *Она же.* Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб., 2010.

в составе личного имени или патронима, например: *Meloi, Romoi, Prokoi, Kukoi, Reboi*⁷³.

Прибалтийско-финский именованослов писцовых книг Новгородской земли представлен как календарными, так и некалендарными личными именами и образованными от них патронимами. Календарные, христианские антропонимы перешли в именованослов прибалтийско-финских народов под влиянием славянского населения и его ономастической системы. Календарная антропонимия трансформировалась в прибалтийско-финских языках согласно нормам последних, например: *Матчурев < Матчур < Матфей, Михурев < Михур < Михаил, Олфурев < Олфур < Елевферий, Пекурев < Пекур < Пётр, Тимурев < Тимур < Тимофей* и др. Хотя такие антропонимы по своему происхождению не являются прибалтийско-финскими, в своей неславянской форме они могут свидетельствовать о языковой принадлежности их носителей.

Среди неславянских антропонимов особую группу составляют древние некалендарные имена прибалтийско-финского происхождения, такие как *Вихтур / Вихтур (Vihtoi), Игала (Iha, Ihala), Лембит (Lemmity / Lemmetti), Ускал (Uskali), Тоивод (Toivottu)*⁷⁴. Указанные имена имеют в писцовых книгах формы личного имени и патронима: *Лембит / Лембитов, Вихтурко / Вихтурев, Ускал / Ускалов, Тоив, Тоивал, Тоивур, Тоивалов, Тойвурев, Тойвуртов*. Записанные в новгородских писцовых книгах прибалтийско-финские антропонимы фиксировались и изменялись в соответствии с русской антропонимической

⁷³ Карлова О. Л. Карельская антропонимия... С. 15; Кюришунуова И. А. Историческая антропонимия Карелии в новых парадигмах лингвистического знания: дисс. ... докт. филол. наук. Петрозаводск, 2017. С. 309.

⁷⁴ Кюришунуова И. А. Словарь... С. 536; Саарикиви Я. Прибалтийско-финская антропонимия в субстратных названиях Русского Севера: перспективы изучения // Этимологические исследования: Сб. научных трудов. Екатеринбург, 2003. Вып. 8. С. 136–148.

формой рубежа XV–XVI вв.⁷⁵ Тем не менее, основным показателем принадлежности таких имен к неславянскому ономастикону является генезис апеллятивной основы, т. е. этимологический маркер.

1. 2. Подходы к пониманию этничности. Исследователи этнической истории зачастую имеют дело с теориями и методологическими подходами, которые в равной степени убедительны и обоснованны⁷⁶. В сущности, ни одна из теорий не пытается охватить весь спектр общих вопросов, которые можно поставить в отношении этнических явлений. Сюда можно отнести вопросы о происхождении, формировании и основе этнических общностей, а также о природе этнической идентичности. Существующие теории этноса расколоты между собой фундаментальными разногласиями и конкурирующими подходами, каждый из которых обращается только к тому или иному аспекту обширной сферы «этнического».

Наиболее ранним подходом к объяснению сущности этноса является примордиализм, в своей историко-культурной форме ярко проявившийся в советской историографии. Применительно к Древней Руси в русле примордиалистского подхода работали Д. С. Лихачев⁷⁷, А. И. Рогов, Б. Н. Флоря⁷⁸, В. В. Седов⁷⁹, П. П. Толочко⁸⁰. На основе анализа письменных и вещественных источников исследователи утверждали, что уже к XI в. сформировалось представление о Руси («Русской земле») как едином государстве, охватывающем

⁷⁵ Карлова О. Л. Карельская антропонимия... С. 10.

⁷⁶ См.: Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004.

⁷⁷ Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси. М.; Л., 1945.

⁷⁸ Рогов А. И., Флоря Б. Н. Формирование самосознания древнерусской народности (по памятникам древнерусской письменности X–XII вв.) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 96–119.

⁷⁹ Седов В. В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М., 1999.

⁸⁰ Толочко П. П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб., 2005.

ареал восточных славян, а также о населении этого государства как «русских людях», составляющих особую этническую общность – древнерусский этнос, или «древнерусскую народность». Она обладала особым языком, этническим самосознанием, материальной культурой, определенной территорией проживания, а главное – собственной государственностью.

Примордиализм считает средневековые этносы априорными, изначальными и естественными «данностями», предшествующими любому социальному взаимодействию. Средневековые этносы воспринимаются как группы, сформированные на основе проведения объективных различий между «своими» и «чужими» по определенным критериям, среди которых важную роль играли язык, территория и в некоторых случаях – религия. Примордиализм позволяет проследить тесную взаимосвязь этноса и языка, этноса и территории, а также этноса и родства. Кроме того, он показывает, каким образом язык, территория и родство могут порождать чувства коллективной принадлежности⁸¹.

Примордиалистский подход был подвергнут серьезной критике со стороны конструктивистов. П. Брасс показал, что некоторые этнические компоненты, считавшиеся «примордиальными» и неизменными, при определенных условиях могут быть изменчивы: например, язык, место проживания, родственные связи. Кроме того, конструктивисты рассматривают этнос и этничность как ресурс для коллективной мобилизации преследующими наибольшую выгоду элитами⁸². Их анализ в значительной степени направлен на взаимоотношения элиты и низов. Относительно Древней Руси в историографии высказывались суждения конструктивистского направления. Так, И. Н. Данилевский поставил вопрос о роли государства в формировании «древнерусской

⁸¹ Смит Э. Национализм и модернизм... С. 405.

⁸² Brass P. R. Ethnic groups and the state. London, 1985; Brass P. R. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. Newbury Park, 1991.

народности» и выразил сомнение в том, что авторы древнерусских текстов вообще имели «национальное самосознание»⁸³.

Несмотря на то, что конкурирующие подходы пока что далеки от какого-то теоретического сближения, попытки примирить их уже предпринимались. Выступая против этнического конструктивизма как надежной объяснительной категории, Э. Смит в целом не отрицал множественные попытки конструирования и «изобретения» этнической идентичности. Мысль Смита состоит в том, что для того, чтобы увенчаться успехом, попытки этнического конструирования должны основываться на реальных культурных связях. При этом этнические общности имеют древний, глубоко исторический характер, отчего такой подход получил название «перенниализма» (*perennial* «вечный»). Этнос понимается здесь как чисто социальный и исторический феномен.

Работа Б. Н. Флори, посвященная этническому самосознанию Руси в XV в., содержит тезисы как примордиалистской, так и конструктивистской направленности. Наблюдая за характером употребления термина «Русь» в древнерусских источниках, Б. Н. Флоря пришел к выводу, что «Русь» и производные от этого слова означают как территорию, так и особый народ – в сопоставлении с иноэтничными соседями или в противопоставлении к ним. Кроме того, автор показал, что существовали «русские земли» вне Руси как государства, а именно – в Великом княжестве Литовском. Эти «русские земли» как раз соответствовали восточнославянскому ареалу, который противопоставлялся «Литве»⁸⁴. Иными словами, различия между этносами объективно существовали, ощущались современниками и в разной форме отражались в источниках.

⁸³ Данилевский И. Н. Древнерусская государственность и «народ Русь»: возможности и пути корректного описания // *Ab Imperio*. 2001. № 3. С. 147–168.

⁸⁴ Флоря Б. Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII–XV веках (к вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995. С. 10–37.

Вместе с тем, Б. Н. Флоря показал, что в московском летописании периода «собираия» русских земель понятие «Русь» в отношении Москвы заключало в себе политическую программу. Показательно, что из источников московского происхождения исчезает обозначение русских городов и земель в составе Великого княжества Литовского как собственно «русских»: они стали называться только «литовскими» и изображаться в качестве враждебных Руси вместе с их населением, включая славян⁸⁵. Таким образом, политическая конъюнктура и военное противостояние Руси и Литвы влияло на формирование идентичностей.

С. Н. Плохий предположил, что летописи, созданные в разных центрах Руси, выражали интересы элиты и духовенства, присваивая именно своей земле обозначение «Русская земля» или «Русь», утверждая таким образом свое право на власть над восточными славянами. Изменения этнической терминологии в древнерусских источниках автор связал с различными моделями политических «проектов по построению идентичности»⁸⁶. Однако это вовсе не означает, что каждому проекту соответствовала этническая идентичность, а идентичности – этническая группа. Проект по созданию идентичности сам по себе не позволяет создать этническую принадлежность, поскольку для этого необходимы реальные культурные и социальные связи. В этом точка зрения С. Н. Плохого близка воззрениям Э. Смита.

Австрийский историк В. Поль противопоставлял два подхода к определению этничности: примордиализм с опорой на набор таких объективных критериев, как родство, язык и культура, и конструктивизм, указывающий на субъективное самоопределение как главный критерий. В. Поль предложил

⁸⁵ *Литаурин Г. Г., Флоря Б. Н.* Общее и особенное в этническом самосознании славян в XV веке // Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995. С. 216–217.

⁸⁶ *Plokhy S.* The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus. Cambridge, 2006. P. 355–356.

найти компромиссный подход между объективным и субъективным в этничности, ссылаясь, в частности, на работы Э. Смита. Поль считал, что этничности не существует без её субъективного ощущения. Но в то же время этничность выступает «как организующий принцип общества, который формировал социальный мир и его восприятие», причем социальный мир уже существует объективно⁸⁷.

В. Поль понимал этническую идентичность как одну из социальных идентичностей, куда входит ряд идентификаций: во-первых, личное выражение принадлежности к какой-либо группе; во-вторых, коллективная самопрезентация группы через её представителей или всей группой; в-третьих, идентификация социальных групп внешними наблюдателями. При этом В. Поль отметил трудности, с которыми сталкиваются историки: 1) личной самоидентификации бывает недостаточно для определения этнической идентичности – мнение индивида нуждается в подтверждении группы; 2) при изучении прошлого зачастую нет возможности зафиксировать субъективные представления о групповой идентичности. Это напрямую относится к средневековым источникам, которые практически ничего не сообщают о личном самосознании, а также об индивидуальной или групповой самоидентификации⁸⁸.

Здесь важно заметить, что большинство современных исследований этнической истории не базируется на каком-либо одном подходе в его «чистом» виде. С одной стороны, необходимо учитывать тезисы конструктивистов о

⁸⁷ Pohl W. Strategies of Identification: A Methodological Profile // Strategies of Identification. Ethnicity and Religion in Early Medieval Europe. Turnhout, 2013. P. 26.

⁸⁸ Ibid. P. 3–6, 26–27. Подробнее см.: Дмитриев М. В. Проблематика проекта «Confessiones et nationes: конфессиональные традиции и протонациональные дискурсы в истории Европы» // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время. М., 2008. С. 19–29; Шпирт А. М. Венская школа исторической этнографии и проблема этногенеза в эпоху раннего Средневековья (опыт историографического обзора) // Альманах по истории средних веков и раннего Нового времени. 2013. № 3–4. С. 42–52.

«незаданности», субъективности и, следовательно, потенциальной изменчивости этнической идентичности под влиянием различных факторов – в особенности политических. С другой стороны, невозможно отрицать роль объективных факторов – языка, территории и родственных связей – в складывании этноса как исторического и социального феномена. Кроме того, важным показателем средневекового этноса является специфика материальной культуры: в этом случае особую роль приобретают вещественные источники⁸⁹. Однако изучения какой-либо одной характеристики этноса явно недостаточно для построения выводов: в этом случае необходимо обращать внимание на ряд этнических характеристик как субъективного, так и объективного порядка.

1. 3. Терминология исследования. Для характеристики отдельных этнических групп Новгородской земли в работе используются различные этнонимы. Так, понятие *славяне* применяется для обозначения восточнославянского населения, говорящего на древнерусском языке и обладающего специфическими особенностями материальной культуры⁹⁰. Конечно, необходимо учитывать, что древнерусский язык (как, впрочем, и материальная культура) не был единым. В XV в. существовала наддиалектная московская форма древнерусского языка, которая использовалась при составлении официальных документов. Эта форма языка была распространена по всей территории Руси. Некоторые диалекты и говоры носили местный, новгородский характер: 1) древнепсковский диалект – совокупность говоров Псковской земли, а также Шелонской и Водской пятин; 2) говоры новгородских земель к востоку и северо-востоку от Новгорода; 3) диалект Новгорода и его ближайшей округи⁹¹. Если термин *славяне* в большей степени является «техническим» и научным,

⁸⁹ В западной историографии подход к объяснению этничности сквозь призму вещественных источников наглядно продемонстрирован в работе: *Killebrew A. E. Biblical peoples and ethnicity. Atlanta, 2005.*

⁹⁰ См.: *Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002.*

⁹¹ *Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 5–6.*

то сами источники говорят о *новгородцах* и *руси*. Именно эти понятия выступают как самоназвание и самоидентификация славянского населения Новгородской земли.

По языковому критерию выделяются прибалтийско-финские этнические группы – карелы, водь, ижора, вепсы и саамы⁹². В работе используются современные формы этнонимов, хотя в XV в. они могли быть совершенно иными. Некоторые этнонимы (корела, водь, ижора), хотя и сохранились в славянской форме в древнерусских источниках, могли отражать оригинальный эндоэтноним – самоназвание этноса⁹³, а также выступать в качестве этнической идентичности. Отдельного рассмотрения в данной работе требует вопрос о разграничении этнонимов и катойконимов, т. е. именовании людей по месту проживания⁹⁴ (например, *Кореляне*, *Ижерыне* и др.).

В источниках сохранились этнонимы, значение которых зачастую не очевидно и не имеет соответствия в современной этнологии, например – *лопь* и *чудь*. В данном случае речь идет о средневековых экзоэтнонимах. Экзоэтноним представляет собой именование этнической группы, данное ей другой, обычно соседней этнической группой⁹⁵. В случае с *лопью* и *чудью* эти именованья не были самоназванием – они использовались славянским населением и могли не отражать этнической самоидентификации обозначаемой группы. Определение значения таких средневековых этнонимов проводится в данной работе.

Положения, выносимые на защиту.

1. Топонимический и антропонимический материал обладает высокой степенью информативности для этноисторических исследований. Информативность обеспечивается системностью ономастического материала.

⁹² См.: Прибалтийско-финские народы России. М., 2003.

⁹³ Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. С. 168.

⁹⁴ Там же. С. 64.

⁹⁵ Там же. С. 168.

2. Население Новгородской земли XV в. имело полиэтнический состав и состояло из славян, прибалтийско-финских (саамы, карелы, вепсы, водь, ижора) и тюркских (татары) народов. Кроме того, в Новгородской земле проживали мигранты из европейских государств.

3. Славянское население проживало на всём пространстве Новгородской земли и оказывало влияние на этнокультурные традиции неславянских этнических групп. Действенным способом влияния была христианизация, следствием которой было абсолютное преобладание календарного антропонимикона в регионах исторического проживания прибалтийско-финских народов. Тем не менее, небольшие анклавные с нехристианскими религиозными и антропонимическими традициями сохранялись в XV в.

4. В Новгородской земле позднего средневековья выделяются области, в которых относительно компактно проживало неславянское население. Это Кольский полуостров (саамы), северо-западное Приладожье (карелы), Заонежье, территория между Ладожским, Онежским и Белым озерами, северная часть Бежецкой пятины (вепсы), Приневье, бассейн реки Ижоры и южное побережье Финского залива (ижора), «чудские» погосты и северная часть Шелонской пятины (водь).

5. Твердые этнические границы отсутствовали, что обеспечивалось активными миграционными процессами. Факторами миграций были внешнеполитические конфликты (миграции карелов в северное Приладожье, постройка Ивангорода, реконструкции городов), ухудшение природно-климатических условий (миграции водь и ижоры в Новгородский уезд и на север), экономические интересы (миграции населения в города и волости с более низким уровнем обложения налогами и повинностями).

6. В XV в. у прибалтийско-финских этнических групп Новгородской земли была своя знать, обозначаемая у водь и ижоры славянским понятием «бояре», а у карелов – «дети корельские». Эта знать инкорпорируется в новгородскую социально-политическую систему на определенных условиях, среди которых – принятие православия, охрана и защита границы Новгородской

земли, выступление на стороне Новгорода в военных походах, сбор дани с подконтрольных Новгороду этнических групп.

7. Социальная организация водских и ижорских крестьян в конце XV в. не отличалась от аналогичной организации славян. В погостах с водским и ижорским населением существовала децимальная система и должности десятских.

Апробация результатов работы проведена на XI конгрессе антропологов и этнологов России (Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г.), VIII международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (Москва, 15–18 сентября 2015 г.), XXIII международном научном форуме «Ломоносов – 2016» (Москва, 11–15 апреля 2016 г.), международной научной конференции «Поляковские чтения» (Самара, 15–17 сентября 2016 г.), семинаре молодых исследователей-медиевистов ИРИ РАН (Москва, 26 января 2017 г.), межвузовской конференции «Исторические исследования в образовательном пространстве Тверского региона» (Тверь, 20 апреля 2017 г.), IX международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» (Москва, 11–15 сентября 2017 г.), IX международной научно-богословской конференции Санкт-Петербургской Духовной Академии (Санкт-Петербург, 28–29 сентября 2017 г.), а также на заседаниях Центра по истории Древней Руси ИРИ РАН.

Основное содержание диссертационного исследования нашло отражение в 7 научных работах общим объемом 4, 1 а. л., в том числе в 4 публикациях в изданиях, включенных в Перечень рецензируемых журналов и изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки РФ:

1. Чибисов, Б. И. Состав населения Ивангорода по данным писцовой книги Шелонской пятины 1497/1498 г. / Б. И. Чибисов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2016. – № 3. – С. 103–114. (0, 7 а. л.).

2. Чибисов, Б. И. Состав населения Русы по данным писцовой книги Шелонской пятины 1497/1498 г. / Б. И. Чибисов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2017. – № 1. – С. 149–160. (0, 7 а. л.).

3. Чибисов, Б. И. «Дети корельские» в контексте этнической истории северо-западного Приладожья XV в. / Б. И. Чибисов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2017. – № 2 (68). – С. 18–25. (0, 6 а. л.).

4. Чибисов Б. И. «Лопское» население Новгородской земли: проблема этнической принадлежности / Б. И. Чибисов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2017. – № 3 (69). – С. 164–165. (0, 1 а. л.).

Другие публикации по теме диссертационного исследования:

1. Чибисов, Б. И. Дискуссии об информативных возможностях антропологии для исследования этнической истории Древней Руси / Б. И. Чибисов // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. – СПб.; Казань: Контраст, 2016. – Вып. 6. – С. 453–462. (1, 0 а. л.).

2. Чибисов, Б. И. Этнический состав населения Ивангорода и Старой Руссы по данным писцовой книги Шелонской пятины 1497/1498 г. / Б. И. Чибисов // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2016» / Отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов. [Электронный ресурс]. – М.: МАКС Пресс, 2016. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM) (0, 2 а. л.).

3. Чибисов, Б. И. Этнический состав сельского населения Шелонской, Деревской и Бежецкой пятин в конце XV в. / Б. И. Чибисов // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах. – СПб.; Казань: Контраст, 2017. – Вып. 8. – С. 357–366. (0, 8 а. л.).

ГЛАВА 1. ДРЕВНЕРУССКАЯ ОНОМАСТИКА В ЭТНОИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

§ 1. Исследования неславянской топонимии Новгородской земли

Начало полемике вокруг этнолингвистического потенциала топонимии было положено А. Х. Востоковым в его заметке «Задача любителям этимологии», где автор предложил использовать географические названия с той целью, чтобы определить «какие племена в России первобытно жительствовавали»⁹⁶. В XIX в. было предложено несколько теорий, которые объясняли происхождение большинства неславянских топонимов Русского Севера и Северо-Запада из финно-угорских языков.

Прибалтийско-финской топонимией заинтересовались финно-угроведы XIX в. академик А. И. Шёгрэн и М. А. Кастрен. Они пытались решить вопрос этнической принадлежности древнейшего населения Севера и Северо-Запада России до появления там славян. Шёгрэн привлек около 400 названий и пришел к выводу, что до прихода славян на Севере и Северо-Западе России жили главным образом карелы и саамы⁹⁷. К аналогичному заключению пришел языковед М. А. Кастрен⁹⁸. В некоторых случаях авторы использовали этимологии топонимов, а также учитывали славянскую адаптацию и последующее изме-

⁹⁶ *Востоков А. Х.* Задача любителям этимологии // Санкт-Петербургский вестник. 1812. Т. 1. № 2. С. 204–214.

⁹⁷ *Sjogren J. A.* Die Syrjanen, ein historisch-statistischphilologischer Versuch // Idem. Gesammelte Schriften. Band I. Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. VII. SPb., 1861. S. 292–293.

⁹⁸ *Castrén M. A.* Bemerkungen über sawolotscheskaja Tschud // Nordische Reisen und Forschungen. V. Kleinere Schriften. VII. SPb., 1862. S. 98–105.

нение прибалтийско-финских географических названий. Работы И. Н. Смирнова⁹⁹, С. К. Кузнецова¹⁰⁰ и А. Л. Погодина¹⁰¹ в разной степени развивали и корректировали основные положения изысканий Шёгрена и Кастрена.

Принципиально новым был подход М. Фасмера. Он дал довольно полный и глубокий обзор неславянской топонимии, где привел сотни названий и их этимологий. Фасмер подчеркнул, что исследование отдельных топонимов не дает должного результата: необходимо учитывать топонимы на широкой территории¹⁰². М. Фасмер использовал в своих работах некоторые достижения Й. Микколы и Я. Калимы о русско-финских языковых контактах¹⁰³. В целом Фасмер пришел к выводу, что на севере России в древности проживали прибалтийско-финские этнические группы: в районе Ладожского и Онежского озера жили саамы, а на побережье Финского залива – воть и ижора. Таким образом, первый этап изучения неславянской топонимии Русского Севера и Северо-Запада был связан прежде всего с выявлением и накоплением топонимических данных.

Следующий этап изучения неславянской топонимии Севера и Северо-Запада России связан с трудами А. И. Попова. Его интересовали прежде всего переводные топонимы (кальки) с прибалтийско-финских языков на русский, фиксируемые на исторической территории Карелии – в Корельском уезде и

⁹⁹ Смирнов И. Н. Восточные Финны. Историко-этнографический очерк. СПб., 1898.

¹⁰⁰ Кузнецов С. К. Русская историческая география. М., 1910.

¹⁰¹ Погодин А. Л. К вопросу о древнем населении нашего Севера, лопарях и чуди // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. № 11. С. 94–111.

¹⁰² Vasmer M. Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprach-forschung // Preussische Akademie der Wissenschaften. Vorträge und Schriften. Heft 5. Berlin, 1941. S. 80–99.

¹⁰³ См.: Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // Mémoires de la Société finno-ougrienes. XLIV. Helsingfors, 1919. S. 45–65; Mikkola J. J. Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. I. Slavische Lehnwörter in den west-finnischen Sprachen // Mémoires de la Société finno-ougrienes. VIII. Helsingfors, 1894. S. 87–105.

Обонежье. Используя топонимический материал летописей, актов, берестяных грамот и писцовых книг конца XV–XVI вв., автор пришел к выводу, что наличие переводных топонимов свидетельствует о двуязычии населения¹⁰⁴.

К изучению топонимии севера Новгородской земли обращался М. В. Витов. Топонимические данные, извлеченные в основном из актов Обонежья и новгородских писцовых книг конца XV–XVI в., позволили автору сделать заключение, что в некоторых случаях первоначальные прибалтийско-финские ойконимы менялись с течением времени на славянские (например, местность *Верговичи* конца XV в. стала называться *Юревичи* в середине XVI в.)¹⁰⁵. Наблюдая видимые изменения ойконима, автор утверждал, что на территории новгородского Севера в XV–XVI вв. происходила ассимиляция прибалтийско-финского населения славянским. Стоит отметить, что Витов был одним из первых исследователей, совместивших данные топонимии и антропонимии: на основании «явно не русских имен» Витов сделал вывод, что, предположительно, «нерусское население» жило на севере Новгородской земли большими коллективами, в отличие от пришлого, славянского. Однако этот вывод, как писал автор, не слишком надежен: на основании одних календарных имен рискованно заключать о принадлежности их носителей к славянскому населению. М. В. Витов сомневался в информативных возможностях не столько прибалтийско-финских имен, сколько календарных¹⁰⁶.

Значительный вклад в изучение неславянской топонимии внесла уральская топонимическая школа во главе с А. К. Матвеевым. С появлением его работ в 1960-х гг. началась оживленная дискуссия относительно методов топонимических исследований и языковой принадлежности топонимов Русского

¹⁰⁴ Попов А. И. Географические названия (введение в топонимику). М.; Л., 1965; *Он же*. Материалы по топонимике Карелии // Советское финно-угроведение. Петрозаводск, 1949. Вып. 5. С. 46–66.

¹⁰⁵ Витов М. В. Гнездовой тип расселения на русском севере и его происхождение. С. 33.

¹⁰⁶ Там же. С. 37.

Севера, к которому Матвеев относил территорию Архангельской и Вологодской областей. Он уделил особое внимание этнотопонимам – названиям поселений, образованным от различных этнонимов. Матвеев считает, что этнотопонимы прямо указывают на пребывание здесь неславянского населения¹⁰⁷. Но при этом не стоит преувеличивать роль отдельно взятых этнотопонимов. Значение материала такого рода возрастает в том случае, если он привлекается системно на обширной территории, а также в комплексе с данными других наук, в частности – археологии¹⁰⁸. А. К. Матвеев подверг критике утверждение Попова о том, что этнотопонимы встречаются чаще всего в районе пограничных контактов различных этнических групп. По мнению Матвеева, появление таких топонимов в зоне проживания разных этносов не является обязательным. Этнотопонимы могут указывать вовсе не на этническую группу, а на пребывание отдельных неславян-мигрантов или их семей.

Прибалтийско-финская топонимия стала объектом специальных исследований И. И. Муллонен. На примере вепсского топонимического материала И. И. Муллонен доказала тезис, выдвинутый еще Фасмером: методологически некорректно анализировать одно, отдельно взятое название – результат такого анализа будет крайне ненадежен. Надежность ономастического материала для этноисторических исследований обеспечивается его системностью. При кажущемся разнообразии ойконимов их набор ограничен, причем, чем шире территориальные границы привлекаемого материала, тем больше повторений. Топонимический материал хронологически неоднороден: если гидронимия сохраняется веками, то ойконимия крайне нестабильна, изменчива и недолговечна в силу своей социальной обусловленности: смена владельцев поселений,

¹⁰⁷ Матвеев А. К. Субстратная топонимика Русского Севера // Вопросы языкознания. 1964. № 2. С. 64–83; *Он же*. Субстратная топонимия Русского Севера: в 2 ч. Екатеринбург, 2001. Ч. 1. С. 66.

¹⁰⁸ Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1. С. 70.

изменения этнического состава отражались в изменении названий поселений¹⁰⁹.

О. Л. Карлова указала на то, что идентификация прибалтийско-финских топонимов основывается на выявлении формантов, среди которых *-l-*овый суффикс, распространенный в прибалтийско-финской топонимии и образующий топонимы на *-la* (*Kuikkala, Narhila, Kellola* и т.п.). Топонимия на *-la* представляет собой одну из центральных карельских ойконимных моделей. Этимологический и формантный анализ ойконимов позволил автору сделать вывод, что в основе топонимов на *-la* лежали прибалтийско-финские календарные и некалендарные антропонимы и термины родства. Автором отмечено, что характерной чертой карельской ойконимии было наличие значительного числа названий, образованных от антропонимов. В условиях малодворной деревни (преимущественно однодворной) главная роль в номинации поселений отводилась имени человека. Иными словами, ойконим вполне мог указывать на основателя деревни и / или владельца крестьянского двора. «Этнический» характер ойконимов прослеживается не только в их истоках – прибалтийско-финских именах, но и в ареале распространения ойконимов. Так, наиболее интенсивные скопления ойконимов на *-la* находились в южной Финляндии, на Карельском перешейке, в восточном Приладожье. Формант *-la* локализуется также по материалам новгородских писцовых книг на территории Межозерья (между Ладожским и Онежским озером), особенно на реке Ояти и Капше¹¹⁰.

А. В. Дмитриев проследил эволюцию водских топонимов со времен средневековья до конца XIX в. В частности, изучение комплекса древнерусских источников позволило А. В. Дмитриеву сделать вывод, что водская топонимия сформировалась задолго до прихода славянского населения на северо-

¹⁰⁹ Муллонен И. И. Очерки вепской топонимии. СПб., 1994; Она же. Топонимический метод в исследовании этноязыковой истории Карелии // Бубриховские чтения: Материалы научной конференции. Петрозаводск, 2015. С. 247–256.

¹¹⁰ Карлова О. Л. -L-овая модель в топонимии Карелии: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004.

запад Новгородской земли. К концу XV в. водская топонимия сильно трансформировалась под влиянием древнерусского языка. Это привело к смешению на территории Водской пятины славянских и прибалтийско-финских топонимов. В местах особого присутствия славянского населения формантная структура древнерусского языка поглощала прибалтийско-финскую в названиях поселений (*-ово /-ево* вместо *-la /-cula*)¹¹¹. Тем не менее, оставались многочисленные гнезда поселений с прибалтийско-финскими названиями, которые в ряде случаев сохранялись до конца XIX в. в местах исторического проживания воды.

В. Л. Васильев провел комплексное историко-этимологическое исследование славянских топонимов Новгородской земли. Исследователь отметил, что в Новгородской земле присутствовали, наряду со славянскими по происхождению, многочисленные прибалтийско-финские, балтские и скандинавские топонимы. В. Л. Васильев выявил ряд ойконимов, в основе которых находились именованя «этнического» характера. Среди отмеченных автором ойконимов – названия *Ляхово, Ляшково, Варягово, Литвиново, Прусское*. Эти ойконимы сами по себе не являются этническим маркером, однако названия с производящим этнонимом хотя бы на первых порах существования поселения могли функционировать как обозначение поселений выходцев из Польши, Великого княжества Литовского и иных европейских государств. Показательно, что именно ойконимы *Ляхово* и *Литвиново* сосредоточены на территории земель, входивших в XV в. в состав Великого княжества Литовского¹¹². Указание на первопоселенца – естественный способ номинации поселения, по

¹¹¹ Дмитриев А. В. Водская топонимика в историко-культурном аспекте // Псковский регионологический журнал. 2007. № 4. С. 115; *Он же*. Проблемы водской топонимии в свете русских и зарубежных источников XI–XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. № 4 (1). С. 56.

¹¹² Васильев В. Л. Архаическая топонимия Новгородской земли: Древнеславянские деантропонимные образования. Великий Новгород, 2005. С. 266.

мысли В. Л. Васильева. По этой причине ойконим может условно выступать как этнический маркер поселения.

Взаимосвязь русской и прибалтийско-финской топонимии проследил А. В. Приображенский. Этимологический и формантный анализ топонимов Обонежья, содержащихся в писцовых книгах, позволил автору сделать заключение, что прибалтийско-финские топонимы новгородских писцовых книг – это транслитерированные оригинальные прибалтийско-финские наименования, причем в источниках встречается множество топонимов, записанных по-разному. В местах контактирования славян и прибалто-финнов происходило усвоение и адаптация славянами прибалтийско-финских названий. Это достигалось разными способами: прямой адаптацией (или фонетическим усвоением названия, например *Толвуя* < *talvi*, «зима»), суффиксацией (когда в основе названия находился прибалтийско-финский антропоним с прибавлением славянского суффикса – *Лембитово*), переводом и полупереводом (когда в основе топонима присутствовали слова *jarvi* «озеро», *saari* «остров» и т.п.). Подобная адаптация топонимов – это проявляющийся в языке результат взаимодействия прибалтийско-финских этнических групп со славянами. При этом автор подчеркнул, что зачастую неславянские топонимы являются таковыми лишь по своему происхождению, т. к. впоследствии они были адаптированы и усвоены славянами в местах их проживания¹¹³.

При всей многочисленности и фундаментальности топонимических исследований стоит отметить, что поначалу данные писцовых книг привлекались в них обрывочно, с лингвистических позиций диахронии (т. е. для изучения исторического развития того или иного топонима как языкового явления) и синхронии (с целью анализа топонимической системы в определенный момент времени). Этноисторические вопросы если и ставились лингвистами, то главным образом в отношении истории до XV в. Применительно к Северу и

¹¹³ Приображенский А. В. Русская топонимия Карельского Поморья и Обонежья в историческом аспекте. Петрозаводск, 2013. С. 12–13, 41, 126.

Северо-Западу Руси это соотносилось с дославянским периодом истории. Тем не менее, в новейших работах лингвистов и историков представлен огромный топонимический материал, как взятый из средневековых источников (в частности, новгородских писцовых книг), так и полученный в результате полевых исследований. Таким образом, системность и комплексность топонимов, их взаимосвязь с антропонимией и данными других наук могут пролить свет на этническую картину изучаемого региона.

§ 2. Изучение неславянской антропонимии и этноантропонимии

В историографии существует устойчивое представление о том, что писцовые книги не содержат прямых указаний на этнический состав жителей, из-за чего этот вид источника не стоит использовать для исследования этнической истории без использования археологических данных¹¹⁴. То, что этническую принадлежность человека можно определить по имени, отчеству или прозвищу, зафиксированному в писцовой книге, – вопрос сомнительный¹¹⁵. Такой взгляд нуждается в оценке с учетом истории развития научных методик и исследовательских подходов.

Уже в публикациях второй половины XIX – начала XX в. был накоплен и упорядочен антропонимический материал, связанный с бытованием некалендарных имен. Предметом зародившейся в этот период дискуссии стало содержание прозвищ, образованных от этнонимов и топонимов. Так, М. Я. Морошкин в работе «Славянский именовослов» отметил: «Родители и рожденные могли быть пришельцами в известной земле и так сказать одинокими среди

¹¹⁴ См., например: *Седов В. В.* Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX–XIV вв.). С. 204.

¹¹⁵ *Смольников С. Н.* Функциональные аспекты исторической антропонимики (на материалах деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв.): дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 2005. С. 295–298.

малознакомых им людей. Родители, в воспоминание о своей любезной Родине, давали своему дитяти имя своей родной земли. Таково происхождение личных славянских имен от названий народных, племенных или географических»¹¹⁶. М. Я. Морошкин заложил научную идею, впоследствии развитую исследователями антропонимии: прозвища, образованные от этнонимов и топонимов, использовались мигрантами в иных областях своего проживания. Однако М. Я. Морошкин, выстроив умозрительную концепцию, вовсе не аргументировал её и не приводил конкретных примеров «этнически окрашенных» антропонимов.

Некалендарной антропонимией писцовых книг интересовался Н. Д. Чечулин, в краткой работе которого приводится алфавитный перечень отэтнонимических прозвищ¹¹⁷. Содержание этнических прозваний не стало предметом специальных научных изысканий Н. Д. Чечулина. Более подробный анализ некалендарной антропонимии средневековой Руси дал Н. Н. Харузин, где автор особенно выделил группу прозвищ, образованных «по народности»: *Черемисин, Мордвин, Чудин, Чухна* и др. По мнению Н. Н. Харузина, перечисленные некалендарные имена – это не прозвища, а личные имена в узком смысле этого слова¹¹⁸. Архимандрит Сергей (Тихомиров) в своей работе о Новгородском уезде Водской пятины отметил, что ключевым элементом населения Новгородского уезда были «крестьяне-туземцы»¹¹⁹. Незначительное количество ми-

¹¹⁶ *Морошкин М. Я., священник*. Славянский именовослов, или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. СПб., 1867. С. 42.

¹¹⁷ *Чечулин Н. Д.* Личные имена в писцовых книгах XVI века, не встречающиеся в православных святцах. СПб., 1890.

¹¹⁸ *Харузин Н. Н.* К вопросу об употреблении некалендарных имен в допетровской Руси // Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине. Нежин, 1899. Т. 2. С. 150–171.

¹¹⁹ *Сергий (Тихомиров), архимандрит*. Новгородский уезд Водской пятины по писцовой книге 1500 года: историко-экономический очерк. М., 1900. С. 29.

грантов отмечалось составителями переписи посредством прозвищ – *Корелянин, Заволочанин, Ижерянин*. Автор все же уклонился от разъяснения природы таких антропонимов.

Итог этого периода в изучении исторической антропонимии средневековой Руси подведен фундаментальным трудом Н. М. Тупикова. Автором сделаны наблюдения о бытовании неканонических имен, их фиксации в письменных источниках¹²⁰. Однако исследователь так и не затронул вопроса о том, что же скрывалось за «этническими» антропонимами. К началу XX в. историческая ономастика подошла, прежде всего, с обширным комплексом некалендарных антропонимов и этнонимических прозвищ, выявленных в древнерусских письменных источниках.

Более чем тридцатилетний перерыв в изучении некалендарной антропонимии завершился в 1948 г. выходом статьи А. М. Селищева «Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ». Положения этой статьи были развиты в монографии В. К. Чичагова¹²¹. По мысли исследователя, прозвища, восходящие к названиям народов, не могут считаться исконно славянскими личными именами (таковы прозвища *Чудин, Черемисин, Татарин* и др.). В. К. Чичагов указал на то, что этнонимическое прозвище в большинстве случаев обозначает именно указание на этническое происхождение именуемого. Это связано с характерными чертами древнерусских прозвищ: во-первых, это неофициальные имена, используемые в условиях ограниченного календарного антропонимикона; во-вторых, это именованья, которые выделяли ключевую характеристику их носителей и делали последних известными в замкнутом кругу общества. Так, «этнические» прозвища составляли обширную семантическую группу антропонимов, образованных непосредственно от этнонимов. Повторяемость таких прозвищ и их широкое хождение в древнерусских

¹²⁰ Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.

¹²¹ Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий: Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв. М., 1959.

текстах позволяли автору считать, что за «этническими» прозвищами скрывалась реальная этническая принадлежность их носителей. При этом В. К. Чичагов осторожно заметил, что «этнические» именованья иногда могли в действительности и не соответствовать происхождению их носителей. Поэтому отэтнонимические антропонимы обладают предположительным, вероятным, но не абсолютным значением. В. К. Чичагов выделил некоторые прозвища новгородских писцовых книг и отнес их к разным группам, предложив классификацию прозвищ: так, прозвище *Немчин* образовано от этнонима, а *Корелин* / *Корелинов* – от географической области Корела¹²². Однако автор не прояснил критерия отнесения прозвищ к той или иной группе.

Отдельные замечания относительно летописных антропонимов сделал С. С. Гадзяцкий. Новгородская прозвищная антропонимия этнического характера, по мнению автора, убеждает в полиэтничном составе населения Новгородской земли¹²³. Основным методом работы С. С. Гадзяцкого был терминологический анализ этнонимов, лежащих в основе прозвищ. Автор тесно связывал значения этнонима и «этнического» прозвища на основании самого факта их лексического сходства.

Единственным историком первой половины XX в., обращавшим внимание на древнерусскую антропонимию, был академик С. Б. Веселовский: изданный после смерти автора «Ономастикон» оказал существенное влияние на развитие методики антропонимических исследований. Ученый отметил ряд отэтнонимических антропонимов и указал примеры из письменных источников, где встречаются такие именованья. Среди подобных имен упомянуты *Литвин* / *Литвинов*, *Лях* / *Ляхов*, *Корела* / *Корелка*, *Татаров*¹²⁴. С. Б. Веселовский отметил прозвище *Вожко* и соотнес его с формой *Вошко*: он показал, что оба прозвища часто встречаются в писцовых книгах Водской пятины. Несмотря на

¹²² Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий... С. 33.

¹²³ Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в Новгородское время. С. 38.

¹²⁴ Веселовский С. Б. Ономастикон: древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.

обширный перечень некалендарной антропонимии и значительную источниковую базу, работа С. Б. Веселовского имеет схожие черты со словарем Н. М. Тупикова: главная из них заключается в практически полном отсутствии объяснения генезиса и содержания тех или иных этнонимических прозвищ.

Важной работой историка в области древнерусской антропонимики является обстоятельная статья В. Б. Кобрин¹²⁵. На основании терминологического анализа прозвищ *Черемисин* и *Чудин* В. Б. Кобрин допустил, что некалендарные имена, образованные от этих этнонимов, носили люди, связанные с мари́йцами или чудью. Автор также заметил, что было бы наивно считать всех носителей тюркских имен (или хотя бы большинство) выходцами с Востока.

Исследователь исторической ономастики В. Д. Бондалетов выявил существенные черты и функциональные особенности древнерусских некалендарных антропонимов. По мнению исследователя, некалендарные имена на Руси могли выступать в различных функциях: личного имени, прозвища, имени-характеристики, имени-уточнителя, наследственного именованья¹²⁶. Среди многочисленных древнерусских прозвищ можно выделить обширные семантические группы, а именно: прозвища, характеризующие человека по внешности, роду занятий, личным качествам, месту проживания и, наконец, этнической принадлежности. Этнонимы, лежавшие в основе ряда прозвищ и личных имен, были призваны выделять человека из его непосредственного окружения «иной» этнической принадлежности. В других случаях характеризующим признаком человека могла выступать не этническая принадлежность, а род занятий, выделяющаяся внешность и др. Отсюда следует, что и этно-

¹²⁵ Кобрин В. Б. Генеалогия и антропонимика (по русским материалам XV–XVI вв.) // Опричина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. М., 2008. С. 169–198.

¹²⁶ Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М., 1983. С. 106.

нимические прозвища могли иметь одну из подобных функций в социуме: возможно, они возникали по причинам, тесно связанным с носителем прозвища, среди которых важной была и этническая принадлежность индивида.

Интересны наблюдения М. Войтовича над древнерусской антропонимией XIV–XVI вв. Изучив на обширном материале древнерусские прозвища Северо-Восточной Руси, ученый пришел к выводу, что этнонимические прозвища были весьма многочисленны. Среди таковых – прозвища *Корела*, *Мордвин*, *Татарин*, *Черемисин*, *Чудин* и др. Эти прозвища были широко представлены в официально-деловых документах XIV–XV вв. (актах, писцовых книгах), сочетаясь с другими частями антропонима. Это связано с большей идентифицирующей способностью прозвищ в сравнении с календарными / крестильными именами, круг которых был ограничен¹²⁷. Ограниченность древнерусского календарного именника была отмечена в монографии А. Бэклунд¹²⁸. Как показал М. Войтович, значение прозвища не дает возможности точно определить, какие конкретные признаки и какие ассоциации послужили мотивами возникновения определенного индивидуального прозвища. Поэтому трактовка этнонимических прозвищ как этнической принадлежности именуемого является вполне возможной, очень вероятной, хотя и не единственной.

По сравнению с дореволюционными антропонимическими изысканиями, в 40–80-е гг. XX в. исследования по исторической ономастике выстраивались на комплексе письменных источников разного вида. Это позволило ученым сделать важные заключения: во-первых, прозвища и личные имена «этнического» характера были широко распространены в Древней Руси и представляли собой развитую систему; во-вторых, прозвища выполняли характеризующую индивида функцию. Некалендарные антропонимы такого

¹²⁷ *Wojtowicz M.* Древнерусская антропонимия XIV–XV вв.: Северо-Восточная Русь. Poznan, 1986. С. 67.

¹²⁸ *Baecklund A.* Personal names in medieval Velikij Novgorod. Stockholm, 1959.

рода выделяли человека из его окружения по какой-либо характерной черте: в их числе могла быть и этническая принадлежность. Основными методами изучения прозвищ были терминологический и этимологический анализ – значение отэтнонимического прозвища выводилось из значения этнонима, лежавшего в основе прозвища. Несмотря на ясность значений «этнических» прозвищ, исследователи затруднялись ответить на вопрос, какие именно мотивы приводили к номинации конкретного индивида конкретным прозвищем.

Поворот в осмыслении функций некалендарной антропонимии произошел в конце XX в. Исследователю финно-угорских археологических памятников Е. А. Рябину принадлежат наблюдения над взаимосвязью прибалтийско-финской антропонимии новгородских писцовых книг и археологическими древностями неславянского населения Новгородской земли. Автор пришел к выводу, что появление прозвищ с этнонимической основой связано с подселением представителей определенного этноса в города или деревни с иным ведущим этносом. Отэтнонимические прозвища появлялись внутри неоднородных по этническому составу областей и поселений¹²⁹. Так, прозвища *Чудин* и *Ижерянин* часто встречаются в «чудских» погостах, где, по данным Е. А. Рябина, локализуется значительное число как прибалтийско-финских, так и славянских памятников.

Важное место в исторической ономастике занимает работа А. Г. Мосина, посвященная историческим корням уральских фамилий¹³⁰. Исследователь выявил ряд фамилий, образованных непосредственно от «этнических» антропонимов – *Корелин / Карелин*, *Чудинов*, *Немчинов* и др. Автор заметил, что не во всех случаях исходное именование обязательно указывало на этническую принадлежность родоначальника. Помимо того, что А. Г. Мосин не работал непосредственно с новгородскими писцовыми книгами рубежа XV–XVI в., он не

¹²⁹ *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси... С. 42–44.

¹³⁰ *Мосин А. Г.* Исторические корни уральских фамилий: опыт историко-антропонимического исследования: автореферат дисс. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2002.

привел конкретных примеров интерпретации «этнических» прозвищ, оставив свое утверждение без доказательств.

Статья А. Г. Новожилова посвящена локализации неславянских этносов Новгородской земли в конце XV в. Используя новгородские писцовые книги, автор выявил различные этнонимические прозвища и привязал их к конкретным географическим объектам. К районам компактного проживания прибалтийско-финского населения, по мнению автора, относилось южное и восточное побережье Финского залива, а также бассейн Невы. Количественный анализ прозвищ позволил А. Г. Новожилову сделать вывод, что *Ижерыне* и *Чудины* были наиболее крупными группами прибалтийско-финского населения¹³¹. Одновременно автор писал, что прозвище *Ижерынин* могло иметь как этническое, так и территориальное значение. Непонятной остается и бездоказательность А. Г. Новожилова в суждениях о некоторых прозвищах: так, прозвище Лопин он связывает по неизвестным причинам с волостью Лопцой, а не с Лопским погостом; прозвище «*Корелянин* обозначает не представителя карельского этноса, а переселенца из Корельского уезда»¹³². Часть работы посвящена определению доли носителей прибалтийско-финских имен среди общего числа «людей», проживавших в погостах Водской пятины. Однако ни методика подсчетов, ни критерии выявления прибалтийско-финских имен автором никак не проясняются. Учитывая отсутствие ссылок на работы лингвистов, выводы исследователя вызывают сомнения.

И. А. Кюршунова предприняла попытку комплексного исследования некалендарной антропонимии Новгородской земли XV–XVII в. Основным методом работы автора стал этимологический анализ антропонимических основ и выявление апеллятивов, к которым восходят некалендарные имена и прозвища. И. А. Кюршунова определила, что ономастикон прибалтийско-фин-

¹³¹ Новожилов А. Г. Этническая ситуация... С. 90.

¹³² Там же. С. 86, 89.

ского населения Новгородской земли имеет в своей основе разделение на дохристианский и христианский элементы, причем анализ новгородских писцовых книг и актов показывает, что второй существенно преобладал: подавляющее число антропонимов можно отнести к календарным. В свою очередь, христианские антропонимы адаптировались в прибалтийско-финских языках согласно нормам последних. Такие прибалтийско-финские патронимы, как *Лаккуев, Лентуев, Мелгуев, Михкуев, Мичуев, Олфуев, Селуев, Тимуев*¹³³, восходят к календарным именам. Важную роль в определении языковой основы имени является анализ его структуры. Так, к прибалтийско-финским именам можно отнести личные имена, оканчивающиеся в своей русифицированной форме на *-уй* или *-ой*, а также патронимы на *-уев / -иев / -оев*¹³⁴. Носители подобных антропонимов проживали главным образом в Водской пятине, хотя некоторые упомянутые антропонимы можно встретить и в Обонежской пятине – исторических регионах проживания води, ижоры, карелов, саамов, финнов.

Источники XV–XVI вв. позволили автору отметить широкое распространение так называемых «гибридных именований», когда в одном имени соединялись элементы из разных ономастических систем: календарные (христианские) имена и календарные / некалендарные прибалтийско-финские имена и образования от них¹³⁵. Подобный разноязыковой синтез в антропонимической структуре свидетельствует, по мысли И. А. Кюршуновой, о тесном взаимодействии русской и прибалтийско-финской ономастических систем. Это, в свою очередь, не может не являться следствием активных межэтнических контак-

¹³³ Кюршунова И. А. Антропозоонимы в полиэтничном пространстве Карелии XV–XVII вв. С. 43–49; Она же. Календарные имена средневековой Карелии в когнитивном аспекте. С. 108–127; Она же. Словарь... С. 341, 345.

¹³⁴ Кюршунова И. А. Историческая антропонимия Карелии... С. 309; Она же. Словарь... С. 92, 355.

¹³⁵ Кюршунова И. А. Отражение процессов этнического взаимодействия в антропонимиконе Карелии донационального периода. С. 24.

тов. Автором выделен круг имен, которые не вошли в славянскую ономастическую систему и вряд ли использовались славянами. Среди таких имен – прибалтийско-финские антропонимы *Вихтуй, Игала, Товкой, Тоивод, Лембит, Ускал*. Данные имена имели хождение преимущественно в отдельных регионах Водской и Обонежской пятин – в «чудских», ижорских и лопских погостах, Карельском уезде.

И. А. Кюршунова на ономастическом материале Карелии XV–XVII вв. показала, что основная информативная миссия именованных, мотивированных различными названиями мест или этносов, – отражение процессов миграции населения. Прозвищем выделялся не только человек, пришедший из других земель Руси, но и тот, кто был жителем какого-либо региона или поселения и отличался в той среде, которая дала ему устойчивую номинацию по прежнему месту жительства или этнической принадлежности. Такие прозвища входят в парадигму «свой – чужой», где «чужой» представлен через название лица по местности или этносу¹³⁶.

Прибалтийско-финская нехристианская антропонимия стала предметом специального исследования О. Л. Карловой¹³⁷, которая в своей работе опиралась на писцовую книгу Водской пятины 1500 г. По мнению О. Л. Карловой, из почти 4000 антропонимов писцовой книги можно выделить только около 150 фиксаций самобытных карельских имен, косвенно указывающих на этническую принадлежность именуемого. Причина такой немногочисленности прибалтийско-финских антропонимов – усиление роли календарного антропонимикона. Христианские имена усваивались прибалтийско-финским населением Новгородской земли согласно нормам, принятым в его языках. Например, фамильное прозвание *Матчурев* образовано от имени *Матфей, Прохурев*

¹³⁶ Кюршунова И. А. Историческая антропонимия Карелии... С. 234.

¹³⁷ Карлова О. Л. Карельская антропонимия... С. 33–36.

– от *Прокопий*¹³⁸. Имеют параллели и личные имена: *Таруй–Тарас*, *Танпуй–Степан*, *Мельгуй–Емельян*¹³⁹. Использование человеком адаптированного (ка- релизированного) календарного имени могло свидетельствовать о языковой принадлежности самого носителя имени и / или его ближайшего окружения. Помимо календарных имен источники содержат нехристианскую антропони- мию прибалтийско-финского происхождения. В писцовой книге Водской пя- тины 1500 г. присутствует ряд имен, восходящих к древним прибалтийско- финским именам *Ihala* (*Игала* писцовых книг), *Lemmity / Lemmetti* (*Лембит*), *Uskali* (*Ускал*), *Вихтуй*, *Тоивод*. По мнению автора, значительное присутствие вышеназванных имен в исторических регионах проживания финнов, карел, са- амов, води, ижоры позволяет предположить, что носителями прибалтийско- финских имен было преимущественно неславянское население Новгородской земли. Что касается славянского населения, то оно в большинстве своем ис- пользовало неадаптированные в иных языках календарные имена (*Ивашко*, *Федко*, *Васко* и т.п.). Вместе с тем, в XV–XVI вв. календарная антропонимия широко использовалась в Водской пятине, что не позволяет исследователю ви- деть в носителях календарных имен исключительно славян.

Финский исследователь Я. Саарикиви на примере изучения берестяных грамот отметил важность фиксации не только антропонимов, но и топонимов прибалтийско-финского происхождения. Это позволяет более точно опреде- лить этническую принадлежность носителя имени за счет привязки антропо- нима к определенной территории¹⁴⁰. Связь прибалтийско-финских имен с эт- нической принадлежностью, по мнению автора, прослеживается и в фонема- тическом характере антропонима: сочетания звуков прибалтийско-финских имен в ряде случаев нехарактерны для славянских языков.

¹³⁸ *Зайков П. М.* Адаптация русских христианских имен в кольско-саамских диалектах // Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1981. С. 55–61; *Карлова О. Л.* Карельская антро- понимия... С. 34.

¹³⁹ *Кюршунова И. А.* Словарь... С. 341, 526, 527.

¹⁴⁰ *Saarikivi J.* Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents. P. 241, 243.

Существенным элементом древнерусской ономастической системы были тюркские антропонимы, охарактеризованные в монографии Н. А. Баскакова. В областях, где славянское и тюркское население входили в тесные, прямые контакты, тюркские антропонимы становились частью славянской ономастической системы. Совсем не обязательно, что тюркские антропонимы происходят непосредственно от имени выходца из узо-печенежской, половецкой или золотоордынской среды: можно предположить, что тюркский антропоним был дан представителю славянской по происхождению семьи тюрками-родичами (при смешанных браках) или соседями-представителями тюркских по происхождению семей¹⁴¹.

Особую категорию антропонимии составляют отэтнонимические антропонимы – личные имена и прозвища. Писцовые книги конца XV – начала XVI в. фиксируют следующие антропонимы: *Армян, Вошка / Вошко, Ижерянин, Корела, Корелка, Корелянин, Корельской, Литвин / Литвинов, Лопин, Моравин, Немчин, Русин, Татарин / Татаров, Чудин*. Подавляющее большинство названных антропонимов рассматриваются лингвистами и историками как именованья, возникшие на основе этнонимов. Отэтнонимические прозвища являются предполагаемым уточнителем индивида в условиях широкого хождения календарных имен и / или этнической неоднородности региона или поселения¹⁴². Значения некоторых прозвищ вызывают дискуссию. Содержание прозвища *Чудин* исследователи интерпретируют по-разному: с одной стороны, *Чудином* мог быть вожанин, житель погоста «в чуди», где присутствовали водские археологические памятники и водское население, сохранившее свое самоназвание и свой язык до XVIII в., с другой – это мог быть вепс и даже эст¹⁴³.

¹⁴¹ Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. С. 27.

¹⁴² Смольников С. Н. Антропонимия верхнего Подвинья... С. 45; Кюргишнова И. А. Словарь... С. 195, 247, 306, 313, 372, 528; Рябинин А. Е. Финно-угорские племена в составе Древней Руси... С. 42; Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий... С. 33; Wojtowicz M. Древнерусская антропонимия XIV–XV вв... С. 67.

¹⁴³ Прибалтийско-финские народы России. С. 347, 559.

По мнению О. И. Коньковой, под этнонимом «чудь» фигурирует сложное по этническому составу водско-ижорское население, что подтверждается смешанным характером памятников погостов «в чуди»¹⁴⁴. Следовательно, *Чудином* мог оказаться как вожанин, так и *Ижорянин*. Археологические источники погостов «в чуди» не позволяют однозначно интерпретировать этническую принадлежность находок, однако можно уверенно говорить о значительном присутствии здесь смешанного прибалтийско-финского населения¹⁴⁵.

В прозвище *Корелянин* одни исследователи видят указание на происхождение или место жительства носителя прозвища, т. е. Корельский уезд¹⁴⁶, другие – на этническую принадлежность этого человека¹⁴⁷. А. И. Соболев показал, что *Корелянин* – это адаптированное в древнерусском языке оригинальное этническое самоназвание *Karjalaine*¹⁴⁸. Важно заметить, что топонимичным является скорее прозвище *Корельской*, нежели *Корелянин*, т. к. прозвище, отражавшее топоним, имело в своей структуре формант *-ский / -ской*¹⁴⁹. Прозвище *Корельской* как раз могло быть связано с переселенцами с Карельской стороны¹⁵⁰, а также с выходцами из города Корелы¹⁵¹. Этническую и территори-

¹⁴⁴ Конькова О. И. Ижора... С. 59.

¹⁴⁵ Saarikivi J. Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents. P. 209.

¹⁴⁶ Новожилов А. Г. Этническая ситуация... С. 86; Попов А. И. Следы времён минувших: Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981; Сакса А. И. Карелы в системе международной торговли в Восточной Прибалтике в Средние века // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник. СПб., 2007. С. 332–342.

¹⁴⁷ Кюриунова И. А. Словарь... С. 246–247.

¹⁴⁸ Соболев А. И. Карельское наследие в топонимии Юго-Восточного Обонежья. С. 50.

¹⁴⁹ Кобрин В. Б. Генеалогия и антропонимика... С. 180.

¹⁵⁰ Витов М. В. Историко-географический очерк Заонежья XVI–XVII вв.: Из истории сельских поселений. М., 1962. С. 59.

¹⁵¹ Кюриунова И. А. Словарь... С. 247.

альную принадлежность индивида можно усматривать в прозвище *Ижерианин*¹⁵². В прозвище *Литвин* можно видеть обозначение как собственно литовца¹⁵³, так и славянина, жителя западнорусских земель в составе Великого княжества Литовского или мигранта из этих земель¹⁵⁴. С. Б. Веселовский отмечал, что прозвище *Литвин* добавлялось к именам некоторых великокняжеских бояр, находившихся на службе в Великом княжестве Литовском¹⁵⁵.

И. М. Ганжина указала на то, что интерпретация этнонимического антропонима зависит от его места в структуре имени. Например, имя «этнического» характера, стоящее на первом месте или имеющее в своем составе формант *-ко / -ка* (*Русин Черемисинов, Литвинко, Корелка, Чудинко*), являлось некалендарным личным именем и могло не относиться напрямую к этнической или территориальной принадлежности носителя имени. Если речь идет о положении «этнического» имени во второй части антропонима (*Ивашко Чудин*), то исследователь имеет дело с прозвищем, характеризующим или уточняющим индивида в окружении других людей. Можно допустить, что такое уточнение основывалось на этнической принадлежности человека или территории, где он некогда проживал. Однако в случае с конкретными личными именами и прозвищами важно изучать исторический контекст¹⁵⁶.

¹⁵² *Кюришнова И. А.* Словарь... С. 195.

¹⁵³ *Шилов А. Л.* Этнонимы и неславянские антропонимы берестяных грамот // Вопросы ономастики. 2010. № 1 (8). С. 35.

¹⁵⁴ *Ганжина И. М.* Словарь современных русских фамилий. М., 2001. С. 5; *Флоря Б. Н.* Исторические судьбы Руси... С. 24.

¹⁵⁵ *Веселовский С. Б.* Ономастикон... С. 181.

¹⁵⁶ Благодарю за консультацию И. М. Ганжину, канд. филол. наук, доцента кафедры русского языка ТвГУ. См. также: *Ганжина И. М.* О месте христианских имен в системе именования лица периода становления официальной антропонимической нормы // Проблемы современной филологии: Сб. статей. Тверь, 1999. С. 190–195; *Она же.* Прозвищные имена в тверских писцовых книгах XVI в. // Слово в синхронии и диахронии (лексико-семантический аспект). Тверь, 1993. С. 146–152.

Таким образом, к рубежу XX–XXI вв. лингвисты выявили обширный антропонимический комплекс, содержащийся в древнерусских письменных источниках. Особое место здесь занимает прибалтийско-финская календарная и некалендарная антропонимия, а также этнонимические прозвища. По всей видимости, носителями прибалтийско-финских имен были представители карел, води, ижоры, саамов и финнов. Это подтверждается, во-первых, географически: прибалтийско-финские имена чаще встречаются в исторических регионах проживания прибалтийско-финских этнических групп («чудские», «ижорские» и «лопские» погосты, Карельский уезд); во-вторых, фонематическая структура прибалтийско-финских антропонимов нехарактерна для славянских языков. Так, целый ряд календарных имен, используемых славянами, был адаптирован в карельском языке его носителями.

Прозвища, образованные от этнонимов, как и иные древнерусские прозвища, имели характеризующую и уточняющую функцию. В качестве признака, который выделял индивида из его окружения, могла выступать этническая принадлежность. Однако этнонимические прозвища не всегда следует понимать именно в «этническом» ключе: таковые прозвища могли указывать на территорию, административную единицу, к которой принадлежал человек.

Итак, к началу XXI в. лингвисты обобщили значительный по объему ономастический материал, содержащийся в древнерусских источниках. В частности, в Новгородской земле конца XV в. фиксируются многочисленные топонимы и антропонимы прибалтийско-финского происхождения. Они отмечаются в регионах исторического проживания прибалтийско-финских этнических групп – Водской и Обонежской пятинах. Это подтверждают как археологические источники, так и результаты этимологического и формантного анализа имен и названий. Так, использование прибалтийско-финских имен славянами допускается с большой долей условности по причине отсутствия в древнерусском языке звуковых сочетаний, характерных для прибалтийско-фин-

ских языков. В свою очередь имена, не входившие ранее в антропонимическую систему прибалтийско-финских этносов, зачастую адаптировались последними в соответствии с их языковыми нормами.

Особую семантическую группу антропонимов составляют этнонимические прозвища, которые функционировали в качестве характеризующих и уточняющих имен в условиях ограниченного календарного антропонимикона. За этническим прозвищем мог находиться мотив, отражающий реальную принадлежность индивида к этнической группе. В этом случае и номинатор, и номинируемый ощущали себя представителями различных этносов. Прозвища, образованные от этнонимов, изучаемые в системе, позволяют судить об особенностях определения этнической идентичности в период Средневековья.

Этнические прозвища, по данным лингвистов, присваивались взрослому члену социума «другими» в процессе коммуникации. Это пересекается с тезисом В. Поля о том, что этническая идентификация между индивидами, группой, к которой он принадлежит, и внешними группами, происходит именно в процессе коммуникации. Различные имена, наименования в этом случае – это своего рода стратегия идентификации, которая ведет к «утверждению этничности» в обществе. Это утверждение этничности фиксируется внешними наблюдателями, которые затем присваивают его соответствующей этнической группе.

ГЛАВА 2. СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ОБОНЕЖЬЯ В КОНЦЕ XV В.

§ 1. Население Заонежских погостов

Обонежская пятина, самая северная и крупная по площади из новгородских пятин, тянулась расширяющейся полосой от Новгорода к северо-востоку, до Белого моря. Граница между Обонежской и Водской пятинами проходила по Волхову от Новгорода до Ладожского озера. От Ладоги до Белого моря граница была обозначена многочисленными реками и озерами. На юго-востоке Обонежская пятина граничила с Бежецкой пятиной.

Несмотря на обширную историографию, представления исследователей об этнической картине Обонежья в XV в. довольно аморфны. Свою роль играет устоявшееся преувеличенное представление о дефектности материалов писцового описания Обонежской пятины 1495 / 1496 г. Не стоит забывать, что в течение XVI в. в Новгородской земле описывались только отдельные категории земель, поэтому столь широкого охвата населения, как в конце XV в., уже не наблюдается. По этим причинам текст писцовой книги Обонежской пятины 1495 / 1496 г., пусть даже в сохранившихся фрагментах, требует особого внимания исследователей.

Несмотря на огромную территорию, Обонежская пятина вовсе не имела городов. Расположение 12 погостов, описания которых сохранились, определяется довольно точно. Никольский Шунгский и Егорьевский Толвуйский погосты находились на северо-востоке Заонежского полуострова, по мелким заливам северного побережья Онежского озера. На юго-восточном побережье Онежского озера находился Покровский Вытегорский погост на реке Вытегре, на южном – Никольский Оштинский на реке Оште. Далее, к югу от Свири, отмечен Ильинский Веницкий погост на реке Ояти. В южной части Обонежской пятины, вдоль границы с Бежецкой пятиной, располагались погосты Ни-

кольский в Пелушах, Егорьевский в Коигушах (известный также как Койвушский погост), Михайловский в Озерах, Михайловский на реке Черной, Климецкой в Колбагах, Никольский Готславль волок и Мытенский на реке Вишере. Таким образом, сохранившиеся отрывки писцовой книги содержат описание погостов, расположенных преимущественно к югу от Онежского озера.

Применительно к территории Заонежья информативен топонимический материал. В Шунгском погосте в конце XV в. располагались деревни, названия которых имеют общее прибалтийско-финское происхождение: оно прослеживается у названий деревень *Цилополе* < кар. *puoli*, вепс. *pol'* «бок, край, сторона»¹⁵⁷, в *Куд-наволоке* < кар. *kut*, вепс. *kudo* «нерест», в *Няне* < кар. *näri*, вепс. *när* «конец» и на *Валгом озере* < кар. *valkamo*, вепс. *valdmad* «причал, мостки»¹⁵⁸. Перевод последнего лимнонима подтверждает расположенная рядом «деревня противу погоста за мостком»¹⁵⁹. Деантропонимные названия представлены в подавляющем большинстве ойконимами, образованными от календарных имен в славянской форме. Прибалтийско-финские именованья были единичными: *Лембитово* < *Лембит* < *Lemmity*, *Вачуево* < *Вачуй* < *Иван*, *Ходрилское* < *Huotarila* < *Huotari* < *Феодор*, *Оринское* < *Orih* < вепс. «конь, жеребец». Имена, лежащие в основе этих ойконимов, могут иметь как карельское, так и вепсское происхождение, поэтому невозможно отнести их к конкретной этнической группе.

В Шунгском погосте на уровне топонимии отражены пути сообщения – волоки и зимние дороги. Об этом говорят названия деревень на *Виж-матке*,

¹⁵⁷ В данном случае слово *-поле* выступает в качестве второго элемента прибалтийско-финских топонимов со значением «бок, край, сторона», например: *Рамполе* / *Randpuoli*, *Вянешполе* / *Änižpuoli*. Необходимо различать прибалтийско-финский элемент *-поле* и славянский, например *Угличе поле* (Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. С. 50).

¹⁵⁸ ПКОО. С. 2, 4, 6; Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. С. 91.

¹⁵⁹ ПКОО. С. 7.

на Лопской матке и у Региматки (кар. *matka*, вепс. *matk* «волок»). Топоним Региматка связан с зимней дорогой, идущей через Шунгский погост (кар., вепс. *regi* «сани»). Славянской калькой прибалтийско-финского топонима Региматка является название деревни «у зимника»¹⁶⁰.

Самое крупное гнездо поселений в Шунгском погосте – это группа из более чем 10 деревень в Хоймове губе. Возможной оригинальной формой топонима было название *Hoimelahti*¹⁶¹. Сохранение звука [x] при адаптации в древнерусском языке прибалтийско-финских топонимов на *h* свойственно карельским топонимам¹⁶². Карельское происхождение можно усматривать у названий деревень на Хаши-озерке / Фаши-озерке, на Вир-наволоке < *viarä* «кривой», на Кокшину острове / Куксоинском острове < *kuikso* «кукша, ронжа», на Лембой-наволоке < *lemboi* «нечистая сила, злой дух, дьявол». С карельским словом *selkä* («каменистая гряда») связан ойконим Кягреево селга.

Вепское происхождение имеют названия поселений на Пуд-берегу (*rüüd, röüd* «поле»), на Киштове (*kišt* «заросли кустарника или ягодного растения») и на Самбине (*samba* «лягушка»). В писцовой книге зафиксированы полные кальки последнего гидронима, полученные в результате его полного перевода: деревни на Жаб-губе и на Жаб-наволоке. Несмотря на их славянский облик, оба топонима имеют вепское происхождение. Присутствие в Заонежье топонимов-калек свидетельствует о двуязычии местного населения и проживании здесь как прибалто-финнов, так и славян¹⁶³. К вепским ойконимам могут быть отнесены ойконимы со славянскими формантами *-ичи* / *-ицы*: деревня Кайбиницы, деревни в Пайницах на берегу, в Паханичах, в Верговичах, на усть

¹⁶⁰ ПКОП. С. 2–4, 8.

¹⁶¹ Агапитов В. А. О происхождении названий заонежских деревень Вороний Остров, Фоймогуба, Мягрозеро, Сайпелда и Мунозеро // Кижский вестник. 2001. № 6. С. 51.

¹⁶² Захарова Е. В. Интеграция субстратных прибалтийско-финских топонимов... С. 129.

¹⁶³ Соболев А. И. К вопросу об этническом взаимодействии... С. 308.

*Кехтиницы*¹⁶⁴. Перечисленные названия – это в своей основе скрытая славянской адаптацией вепсская топонимия с *-l*-овым формантом¹⁶⁵.

В Толвуйском погосте также отмечается прибалтийско-финская топонимия, значительная часть которой может принадлежать и к карельскому, и к вепсскому языку. Название погоста происходит от гидронима *Толвуя* со значением «зимний ручей» (кар. *talvi*, вепс. *tal'v* «зима», кар. / вепс. *oja* «ручей»). Топонимические основы названия *Толвуя* не принадлежат к этнодифференцирующим, однако И. И. Муллонен осторожно высказывается в пользу вепсского происхождения гидронима¹⁶⁶. Общую основу имеют названия *Кузаранда* и *Куз-наволок* < кар. *kuuzi*, вепс. *kuz* «ель». Топоним *Кузаранда* – транслитерированное в древнерусском языке прибалтийско-финское географическое название со значением «еловый берег» (кар. *randu*, вепс. *rand* «берег»). Топонимы *Корбо-речка* и *Корбо-наволок* имеют в своей основе ландшафтный термин *korbi / ko'rb* «дебри, глушь, тайга». Славянской калькой гидронима *Корбо-речка* было название *Бор-речка*¹⁶⁷. Фиксация двух названий одной реки свидетельствует о том, что население использовало как прибалтийско-финский оригинал, так и славянский перевод гидронима. Карельское происхождение имеет лимноним *Вирозеро* (*viarä* «кривой»), предположительно вепсское – *Туб-озеро* (*tob'g* «большой»).

Таким образом, подавляющее большинство прибалтийско-финских ойконимов Заонежья являются вторичными: они образованы от названий географических объектов, рядом с которыми располагались поселения. В Шунгском и Толвуйском погостах широко распространены полукальки, возникшие в результате адаптации сложных по структуре прибалтийско-финских топонимов славянской системой географических именовании. Продуктивность полукалек

¹⁶⁴ ПКОП. С. 1, 2, 5, 8.

¹⁶⁵ Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. С. 75.

¹⁶⁶ Муллонен И. И. Дороги старой Толвуи в топонимии // Кижский вестник. 2002. № 7. С. 71.

¹⁶⁷ ПКНЗ. Т. 2. С. 187.

с элементами *-озеро*, *-река*, *-губа* и *-наволок*, возникших путем перевода прибалтийско-финских топонимов, должна рассматриваться как свидетельство прочного освоения северного побережья Онежского озера карелами и вепсами¹⁶⁸. Широкое распространение прибалтийско-финской гидронимии может считаться аргументом в пользу освоения прибалто-финнами территории Заонежья. Ко времени описания конца XV в. многие названия поселений уже получили форму славянских калек и полукалек, что свидетельствует о тесных этнокультурных контактах славян и прибалто-финнов.

Некоторые наблюдения позволяет сделать антропонимикон Заонежья. Писцовая книга фиксирует по преимуществу календарные антропонимы в их славянской форме, что, несомненно, отражает влияние славян на практики имянаречения местного населения. Что касается прибалтийско-финских имен, то с точки зрения лингвистики значительная часть этих антропонимов может восходить в равной степени к карельским и вепским корням¹⁶⁹. Ввиду близкого родства этих языков однозначная этническая интерпретация имен не всегда возможна. Прибалтийско-финская антропонимия концентрируется в погостах, расположенных на Заонежском полуострове. В Шунгском погосте отмечено наибольшее число носителей прибалтийско-финских патронимов: они составляли приблизительно 4, 5 % от записанных в писцовую книгу жителей.

В деревне *Пайницы на берегу* проживали *Першка да Якушка да Кондратко Керкины*, в деревне *Строгово – Ивашко Керкин, да его дети, Микитка да Янушко*¹⁷⁰. Патроним *Керкин* имеет известное происхождение: «Мотив именования связан с переосмыслением апеллятива *керка*, зафиксированного в говорах в значении “деревянный кружок, надеваемый на конец шеста, которым

¹⁶⁸ Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. С. 172.

¹⁶⁹ Соболев А. И. К вопросу об этническом взаимодействии... С. 474.

¹⁷⁰ ПКООП. С. 1–2.

при рыбной ловле ударяют по воде»¹⁷¹. Географическое расположение упомянутых деревень и значение антропонимов позволяют предположить, что население занималось преимущественно рыбной ловлей. В *Паницах же* упоминается *Гаврилко Киркин*: возможно, его патроним восходит к прибалтийско-финской форме имени *Кирилл* – *Kirki*¹⁷². Неоднократно в погосте встречаются носители патронима *Вачуев*, производного от календарного имени *Василий* (*Vatšoi*): «Деревня в наволоке ж: Гридка Вачуев да сын ево Сенка», «деревня Вачуево Гричковская: Петрок Вачуев да сын его Федко да Ивашко», «деревня на Товойсне наволоке: Васко Вачюй»¹⁷³. Ойконимы, образованные от патронима *Вачуев*, сохраняются в писцовой книге Обонежской пятины 1563 г.: отмечены *деревня Вачуевых* и *деревня Вачуевская словет Кайдушова на горки*¹⁷⁴.

Среди носителей прибалтийско-финских имен в Шунгском погосте встречаются *Микулка Кокуев*, *Пантелейко Нечюев*, *Ларионик Мелгуев*, *Ивашко Габунув*, *Фофанко Поскочев*. Патроним *Кокуев* восходит к распространенному в карельской и вепсской среде прозвищу *Kikoi* (*kikoi* «петух»). Отчества *Мелгуев* и *Нечуев* также имеют прибалтийско-финскую форму. Первое связано с календарным именем *Мелгуй* < *Мелентий* / *Емельян*, второе – с некалендарным славянским именем *Нечай* или карельским словом *neišoi* «девушка»¹⁷⁵. Патро-

¹⁷¹ Кюргишнова И. А. Словарь... С. 212–213.

¹⁷² Nissilä V. Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö. S. 81.

¹⁷³ ПКООП. С. 3–5; Захарова Е. В. Интеграция субстратных прибалтийско-финских топонимов... С. 35; Кюргишнова И. А. Словарь... С. 85. У близкого в фонетическом отношении имени *Вачюта* А. А. Зализняк предполагает гипокористическую форму с исходным элементом Ва- (*Василий* или *Иван*). См.: Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 517–518.

¹⁷⁴ ПКООП. С. 149, 150.

¹⁷⁵ Кюргишнова И. А. Историческая антропонимия Карелии... С. 322; Она же. Словарь... С. 341, 377.

нимы *Габун* и *Поскочев* относятся к числу вепсских некалендарных антропонимов *Габун* < вепс. *habuk* «ястреб» и *Паскач* < *paskatč* «воробей»¹⁷⁶. Дважды встречаются носители прозвищ – *Сенка Корелянин* и *Якуш Новгородец*¹⁷⁷. Определить характер первого прозвища трудно: возможно, этот человек был карелом и / или мигрантом из Корельского уезда Водской пятины. В писцовой книге 1563 г. сохранился ойконим – *деревня на Усть Кехтениц Сенкинская Корелянинова*¹⁷⁸. Прозвище *Новгородец* носит топонимический характер и косвенно говорит о том, что носитель прозвища пришел в Шунгский погост из Великого Новгорода или его ближайшей округи.

В тексте выписи на вотчину Никольского Вяжищского монастыря в Егорьевском Толвуйском погосте также присутствуют прибалтийско-финские патронимы: в деревне *на Толвуде* проживали *Петрок Тимуев* (*Timui* < *Тимофей*) да сын его *Фефилко*, в другой деревне *на Толвуде* – *Якуш Равкуев* (*Raikui* < карел. *raikka* «бедняга, горемыка»), в третьей – *Сенка Пармин* (карел. *ruarti*, вепс. *part* «слепень, овод»). Аналогичный патроним встречается в деревне *в Губе в Куз-наволоке* – там были записаны *Прокошко Пармин* да сын его *Микита*. В деревне *на Туб-озере* упоминается *Куземка Рякуев* (*Räkui* < вепс. *räk* «горячий, резвый»). *Юхно Марков Вахкуев* жил в деревне *в Губе* (*Vahkui* < предположительно, от карел. или вепс. *vaha* «воск»). Двор *Андрейки Перзатина* (вепс. *perze* «зад») находился в деревне *на Рудове в Наволоке*. Среди этнических прозвищ есть упоминание *Корелянина* – это *Палка Лобиков Корелянин Красной*, проживавший в одной из деревень *на Толвуде*.

Все перечисленные жители Толвуйского погоста были крестьянами. Наряду с крестьянскими в писцовую книгу были также записаны дворы «тор-

¹⁷⁶ *Кюришунуова И. А.* Словарь... С. 110, 411; *Муллонен И. И.* Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. С. 157.

¹⁷⁷ ПКОП. С. 4, 6.

¹⁷⁸ Там же. С. 150.

говых людей, которые приезжают из города на лодьях, купцы городские торгом промышляют»¹⁷⁹. В этих дворах проживали 30 человек, часть которых были жителями Великого Новгорода. Об этом говорит использование прозвища *Новгородец* и указание конкретной улицы, где проживали купцы: «Никифор Попов Фавустов с Петровские улицы с Неревского конца да Агафон Романов с Яковли улицы... Александрик Милухнов с Яковли улицы... Палка Июдин да Михал с Яковли ж улицы... Андрофейко Июдин с Холопьи улицы... новгородец Онтропов з Даславли улицы... Ануфрей Агафонов Новгородец с Петровские улицы с Простка из Неревского конца... Терех Кудрявец с Ъворовы улицы с Плотницкого конца»¹⁸⁰. Есть единственное упоминание «купца городского» с неславянским патронимом: это *Михал Ваиуев*, патроним которого происходит от прибалтийско-финской формы календарного имени *Василий / Vašui*. В итоге, лишь 9 человек из записанных 360 (2, 5 %) имели неславянские формы патронимов. Этот процент относится не к Толвуйскому погосту в целом, а только к вотчине Вяжищского монастыря.

Таким образом, антропонимия погостов Заонежья носит смешанный характер: в ней преобладают славянские элементы, прибалтийско-финские – немногочисленны (см. приложение 3). Прозвища жителей *Корелянин* и *Новгородец* косвенно свидетельствуют о том, что на территорию Шунгского и Толвуйского погостов направлялись мигранты. Это отражается в количественных показателях переписи. В Шунгском погосте численность «людей» выросла по сравнению со «старым письмом» на 27 %. В вотчине Вяжищского монастыря в Толвуге прибавилось 138 человек, или 38 % налогоплательщиков. Приток населения в Заонежье можно объяснить по-разному. С одной стороны, регион был географически и экономически привлекательным: разветвленная система судоходных рек и озер с небольшими водоразделами создавала благоприятные

¹⁷⁹ ПКНЗ. Т. 2. С. 195.

¹⁸⁰ Там же. С. 195–196.

условия для торговых отношений с Новгородом, Двиной и Поморьем¹⁸¹. С другой стороны, заонежские погосты были значительно удалены от границы с Западом, где периодически случались пограничные конфликты. Военные столкновения со шведами и, как следствие, разрушения приладожских карельских погостов вынуждали карелов продвигаться восточнее, на территорию Обонежья.

Более ранние источники подтверждают присутствие в Заонежье как славян, так и прибалто-финнов. Среди таких источников – «данная» грамота шунжан, которая датируется 1475–1480-ми годами. Ряд жителей Шунгского погоста и «все шунжане» (видимо, правоспособное население погоста) передали несколько земельных участков, расположенных в Шунге и Толвуде, в пользу церкви свт. Николая в Шунге. Судя по грамоте, были переданы земли 5 деревень: *Линдиево сиденье* в Шунгском погосте, в Толвудском – *Гавшино сиденье*, *Мустуево сиденье*, *Харково сиденье* и *Цыбуруев наволок*. Площади переданной земли из грамоты неизвестны, однако в писцовой книге 1495 / 1496 г. указываются 4 церковные деревни *на Толвуде на Чумбор-наволоке (Цыбуруев наволок грамоты)*, земли которых составляли 2 с полутретью обжи. Кроме того, небольшой участок в 0,5 обжи имелся и при самой церкви в Шунге: «на погосте церковь великий Никола... пол обжи»¹⁸².

Некоторые жители, упомянутые в грамоте, имели прибалтийско-финские имена: *Петр Адкин*, *Тоивод Идуев* и *Яков Орин*. Каждый из них упоминается с «детми и с племянем». *Оништа Иванов*, *Волос Петров*, *Иван Кондратов* и *Кирка* носили имена в славянской форме и были записаны с «братьею» или с «детми»¹⁸³. Такое различие дало М. В. Витову повод считать, что прибалто-

¹⁸¹ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. С. 251.

¹⁸² ПКОП. С. 147.

¹⁸³ ГВНП. С. 310.

финны, в отличие от славян, жили более обширными («племенными») коллективами¹⁸⁴. Тем не менее, передача земли была осуществлена шунжанами совместно, несмотря на их различие в этнической принадлежности и социальной организации. Более того, жители погоста рассматривали себя в качестве общности, о чем говорит характерная для новгородских актов формулировка «все шунжане».

О более раннем периоде истории Заонежских погостов свидетельствует текст мировой грамоты, датируемой 13 июля 6883 (1375) г. С. Н. Валк отнес грамоту к числу фальсификатов по ряду причин: во-первых, акт датирован числом, месяцем и годом; во-вторых, грамота имеет два рукоприкладства; в-третьих, грамота именуется «записью». Всё это отличает более поздние грамоты XVI в.¹⁸⁵ Как показал В. Л. Янин, признаки фальсификата находятся только в последних строках грамоты, сохранившейся в списке XVII в. Таким образом, элементы фальсификации созданы с целью придать грамоте характер документа XVII в., при этом основная часть грамоты соответствует древнему оригиналу¹⁸⁶.

В подписании договора принимали участие две стороны. Одну сторону представляли староста Вымоченского погоста Артемий «прозвищем Оря», шунгские смерды Иван Герасимов, Василий «прозвищем Стоивор» Глебов, а также Игнатий «прозвище Игоча» и Осафий Перфильевы. Помимо указанных лиц в грамоте упоминаются общности – «все шунжане, и все толвыяне, и все кузарандцы, и все вымоченцы», под которыми можно понимать правоспособное население погостов¹⁸⁷. Эти общности выделены по географическому прин-

¹⁸⁴ *Витов М. В.* Гнездовой тип расселения на русском севере и его происхождение. С. 37.

¹⁸⁵ *Валк С. Н.* Начальная история новгородского частного акта // *Вспомогательные исторические дисциплины: Сб. статей.* М.; Л., 1937. С. 314.

¹⁸⁶ *Янин В. Л.* Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. С. 236.

¹⁸⁷ ГВНП. С. 285.

ципу: «шунжане» и «толвуяне» проживали на северо-востоке Заонежского полуострова, т. е. там, где в конце XV в. известны Шунгский и Толвуйский погосты. Местность *Кузаранда* по описанию 1495 / 1496 г. входила в состав Толвуйского погоста и, значит, также находилась на Заонежском полуострове. Неизвестно, проживали ли «кузарандцы» в 1375 г. в отдельном погосте, либо они относились к Толвуге.

Другую сторону договора представлял боярин Григорий Семенович с двумя сыновьями, владевшие землей и угодьями в Челмужском погосте. В результате подписания документа стороны «докончаша миръ» и «межу в Челмужскомъ погосте урядили», так что шунжане, толвуяне и кузарандцы обязались «не вступатися... в тую Григорьеву землю да в ту межю». Земля и угодья передавались «челмужскому боярину Григорью и его детямъ во веки»¹⁸⁸.

В грамоте прямо не оговариваются причины конфликта, но их можно установить исходя из текста заключенного договора. Известно, что Петровский Челмужский погост, где владел землей Григорий Семенович, находился напротив Шунгского и Толвуйского погостов, на северо-восточном берегу Онежского озера. Таким образом, «мировой» характер грамоты, проведение межи и близкое расположение погостов относительно друг друга свидетельствуют о наличии территориального конфликта между жителями погостов Заонежского полуострова и боярином. Предметом конфликта выступала земля и угодья в Челмужском погосте, на которые, вероятно, претендовали жители с противоположного берега.

Интерес жителей Шунги, Толвуги и Кузаранды в разрешении конфликта вполне понятен: они пользовались землей, смежной с боярской. Однако первым в грамоте фигурирует староста Вымоченского погоста Артемий Оря. Попытка объяснить его участие в размежевании земель в Заонежье уже предпринималась в историографии. По мнению А. Н. Шурыгиной, Вымоченский погост находился в Заонежье, рядом с Шунгским, Толвуйским и Чулмужским

¹⁸⁸ ГВНП. С. 285.

погостами. Это были погосты с «черным» населением, которые выросли вокруг Палеостровского монастыря¹⁸⁹.

В. Л. Янин считал, что Вымоченский погост как самостоятельная административная единица с таким названием не существовал. Он предположил, что с севера к Челмужскому погосту примыкал Выгозерский погост, тождественный Вымоченскому. В наименовании последнего, как оно передано в грамоте, возможно предполагать испорченное чтение «Вымолченский». Как заключил автор, «вымольцами назывался один из карельских родов на территории Выгозерского погоста»¹⁹⁰. Таким образом, согласно В. Л. Янину, Вымоченский (он же – Выгозерский) погост граничил с Челмужским, а поземельный конфликт жителей с боярином имел чисто экономический характер. В целом, и А. П. Шурыгина, и В. Л. Янин стремились разными способами показать, что все упомянутые в мировой грамоте погосты находились рядом, в Заонежье. Это довольно логично вписывается в картину «пограничного» спора. Однако второе название Выгозерского погоста как «Вымолченского» неизвестно по другим источникам, тем более родовая территория вымольцев находилась в северо-западном Приладожье, где известен топоним *Вымолский наволоок*¹⁹¹.

Между тем, можно предложить еще один вариант объяснения того, почему первым в грамоте упомянут староста Вымоченского погоста. Предполагать испорченное чтение названия этого погоста в грамоте нет необходимости, поскольку по источникам хорошо известно и название этого погоста, и его географическое расположение. Под «Вымоченским погостом» мировой грамоты следует понимать Имоченицкий погост на реке Ояти: именно под таким названием он фигурирует в писцовой книге 1563 г.¹⁹² Имоченицкий погост известен как *Вымоченицкий* по сказанию о Тихвинской иконе Богородицы «Одигитрия».

¹⁸⁹ Шурыгина А. П. Новгородская боярская колонизация // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Кафедра истории СССР. Л., 1948. Вып. 78. С. 32.

¹⁹⁰ Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. С. 237.

¹⁹¹ Подробнее см. параграф 2 главы 3 данной работы.

¹⁹² ПКНЗ. Т. 2. С. 100.

В 5 версиях этого сказания, относящихся к концу XV–XVI в., прямо указано, что впервые явление иконы произошло в месте, называемом *Вымоченицы*, расположенном на Ояти¹⁹³. Поместная грамота Новгородского митрополита Варлаама сыну боярскому Михаилу Вындомскому упоминает пустоши «въ Вымоченецком погосте, на Ояти»¹⁹⁴. Писцовыми книгами зафиксированы 2 формы не только названия самого погоста, но и топонима *Имоченицкий / Вымоченицкий наволоок*, также находящегося на реке Ояти¹⁹⁵.

Ойконим *Имоченицы* входит в число других известных названий с конечным *-ицы*, замещающим в процессе славянской адаптации конечный *-l* вепсского оригинального ойконима *Himaçal*. Этот ойконим восходит к древнему вепсскому антропониму *Hima* в значении «желанный, долгожданный (ребенок)», оформленному словообразовательным суффиксом *-č* (*Himač*)¹⁹⁶. Двойная форма топонима в русских источниках обусловлена тем, что в процессе фонетической адаптации прибалтийско-финских названий в славянской системе имён происходит наращение протетического *в*, сопровождающееся переходом *и* в *ы* (например, *Ихлевщина / Вихлевщина, Вирозеро / Вырозеро*)¹⁹⁷.

То есть Артемий Оря был старостой погоста, находившегося в юго-восточном Приладожье. Важно отметить, что староста упомянут в грамоте не один, но «со всемъ племянемъ». Здесь возникает вопрос об интересах имоченицкого старосты и его «племени» в имущественном споре в Заонежье.

¹⁹³ Кириллин В. М. Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 1 (15). С. 110.

¹⁹⁴ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 1. С. 460.

¹⁹⁵ ПКНЗ. Т. 2. С. 247, 249.

¹⁹⁶ Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. С. 95; Она же. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. С. 87.

¹⁹⁷ Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. С. 148.

А. Ю. Жуков справедливо утверждал, что, хотя погост находился на Ояти, его колонизируемые земли были в Шунгском и Толвуйском погостах¹⁹⁸. Экономическая сторона спора здесь очевидна, но есть и другая его грань. В этой связи важно обратить внимание на антропонию грамоты. Прозвище старосты Имоченицкого погоста, Артемия, может восходить к прибалтийско-финскому прозвищу *Orih* < *orih* «конь, жеребец». Участвующие в заключении мировой некоторые шунгские смерды также имели прибалтийско-финские прозвища: *Василий* «прозвищемъ Стоивор» Глебов и *Игнатий* «прозвище Игоча» Перфильев. Если видеть в носителях прибалтийско-финских прозвищ представителей неславянского населения, то на основании родственной связи к ним нужно отнести и брата Игнатия – *Осафия Перфильева*. Об этнической принадлежности *Ивана Герасимова* из Шунги однозначно сказать ничего нельзя. Сам боярин *Григорий Семенович* и его дети – *Обакун* и *Савелий* – носили календарные имена в славянской форме и были, по всей вероятности, славянами.

Названные выше прибалтийско-финские прозвища могут иметь как карельское, так и вепское происхождение. Однако в данной ситуации можно сделать более определенные выводы. Как известно, Имоченицкий погост находился на реке Ояти. До середины XX в. все юго-западное побережье Онежского озера было вепским. Большое количество вепских деревень сохранилось именно на Ояти: проживавшую здесь группу вепсов именовали приоятскими¹⁹⁹.

Таким образом, в грамоте предстает совершенно конкретная общность – вепсы Имоченицкого погоста со своим старостой, который, как показывает

¹⁹⁸ Жуков А. Ю. Формирование границ Карелии: крестьянское освоение территории и государство (XII–XVII вв.) // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов: Гуманитарные исследования. Петрозаводск, 2008. Вып. 1. С. 13.

¹⁹⁹ Пименов В. В., Строгальщикова З. И. Вепсы: расселение, история, проблемы этнического развития // Проблемы истории и культуры вепской народности: Сб. статей. Петрозаводск, 1989. С. 4.

прозвище, был вепсом. Упомянутые в грамоте смерды также могут быть отнесены к вепсам, поскольку, во-первых, они имели прибалтийско-финские прозвища и, во-вторых, в их конфликт вмешались староста и «племя». Следовательно, были затронуты не только экономические интересы, но и этнические. Земли (или их часть) Шунгского и Толвуйского погостов рассматривалась вепским «племенем» как ему принадлежащие несмотря на то, что участки находились в собственности боярина. Конфликт жителей Заонежских погостов с боярином привел к реакции приоятских вепсов.

Примечательно то, что жители погостов самостоятельно решают вопрос о границах земель, без привлечения других бояр или центральной новгородской администрации. Во многом описанный конфликт отражает не только конфронтацию экономических, территориальных интересов бояр и местного населения, но и различное понимание отдельными представителями славян и прибалто-финнов категории правовой нормы. Несмотря на то, что боярин имел право собственности на свои земельные владения, это право вряд ли признавалось жителями пограничных погостов, и они продолжали пользоваться угодьями боярина. С точки зрения самого боярина, «нарушителями» его законных прав выступали жители погостов. Важно заметить, что в итоге местные жители действительно уступили стороне Григория Семеновича. Вероятно, конфликт был весьма серьезен, если в его разрешении потребовалось участие старосты Имоченицкого погоста «со всем племенем». Это показывает, что земельные вопросы в среде вепсов решались коллективно, в то время как боярин Григорий Семенович действует индивидуально, в рамках «новгородских» представлений о правовой норме.

Для общей языковой картины региона можно отметить, что составители грамоты в качестве новых границ земельных владений называют «селги возле Онега озера». Слово «сельга» (*selgä*) имеет прибалтийско-финское происхождение и обозначает возвышенности. При заключении мировой слово понималось всеми сторонами и не требовало наличия перевода. Это говорит о том, что уже к последней четверти XIV в. слово «сельга» прочно вошло в русские

говоры Заонежья из прибалтийско-финских языков. Использование прибалтийско-финской оригинальной лексики является отдельным примером, иллюстрирующим межэтнические контакты в Заонежье.

Таким образом, колонизация Заонежья приводила к тому, что этнический состав расположенных здесь погостов становился смешанным. Появление славян в Заонежье, претензии бояр на местные земли, освоенные прибалто-финнами, приводили к конфликтам как минимум уже во второй половине XIV в.

В целом, писцовые книги и более ранние акты говорят о том, что к концу XV в. северное побережье Онежского озера было заселено представителями различных этнических групп: славянами, карелами и вепсами, о чем говорят данные антропонимии и топонимии Заонежского полуострова. Имена жителей здесь представлены главным образом календарными именами в славянской форме, что отражает, во-первых, значительную долю славян в этом регионе: так, в Шунгском и Толвуйском погостах наблюдается значительный рост населения. Во-вторых, нельзя исключать влияния славянских культурных и религиозных традиций на местное прибалтийско-финское население, многие представители которого, судя по именам, принимали православие.

§ 2. Этнический состав населения южного Обонежья

Подавляющее большинство погостов (10 из 12), описание которых сохранилось сравнительно полно, относились к территории, расположенной к югу от Онежского озера. Писцовое описание сохранило здесь топонимические и антропонимические данные славянского и прибалтийско-финского происхождения.

На юго-восточном побережье Онежского озера, где находился Вытегорский погост на реке Вытегре, наряду с преобладающими славянскими присутствуют топонимы вепсского происхождения. Деантропонимными являются

вепские ойконимы *Рупеево / Рупуево* < *Rupoi / Ropoi* (вепс. *rupos* «оспенный рубец»), *Пипиево / Пипуево* < *Pipui, Аргуево* < *Argoi* (вепс. *arg* «робкий, пугливый»). Деревня *Рокульская* обязана своим названием одному из пяти родов детей корельских – рокульцам²⁰⁰. Надо полагать, члены этого рода владели землями на территории Вытегорского погоста.

На южном побережье Онежского озера, в Оштинском погосте, отмечаются многочисленные вторичные ойконимы, образованные от вепских гидронимов и ландшафтных понятий. Многие из этих топонимов продолжают использоваться в современном вепском языке, что подчеркнула в своей работе М. Йоалайд²⁰¹. В писцовой книге отразились названия деревень на *Шим-озере* (*Šimgär'*), *Пязь-озере* (*Пяжозеро, Päžar'*), *Пол-озере* (*Pol'gärv*), *Клено-озере* (*Vahtkär'*), *Исторас-озерке / Старас-озерке* (*Torazjär'*)²⁰². Рядом с реками находились деревни на *Рыбежне* (*Kalajogi*) и на *Хим-реке* (*Himd'ogi*). В основе гидронима *Нойдола*, который имеет в своей структуре *-l*-овый формант, отразилась нехристианская религиозная традиция вепсов, поскольку название образовано от слова *noid* «колдун».

Ручьи также становились местом возникновения гнёзд поселений. В Оштинском погосте встречаются деревни на *Паль-ручью* (*raute* «склон, косягор, межа»), на *Хав-ручью* (*Haugoja, haug* «щука»), на *Касть-ручью* (*Kaskez, kaste* «роса», *kastta* «мочить») и на *Шусть-ручью* (*Šuštoja*)²⁰³. Вполне возможно, что в последнем гидрониме отразилась вепская форма гидронима *Oumta – Šušť*²⁰⁴. Гидроним *Пон-ручей* получил свое название, вероятно, от вепского прозвища *Ropoi* < *rupos* «оспенный рубец». К ландшафтным топонимам вепского происхождения можно отнести названия деревень на *Немпелде*

²⁰⁰ ПКООП. С. 12–15.

²⁰¹ Joalaid M. Keelevahetus Novgorodimaa Äänise viiendikus. L. 97–115.

²⁰² ПКООП. С. 29, 30.

²⁰³ Там же. С. 34, 37, 38.

²⁰⁴ Joalaid M. Keelevahetus Novgorodimaa Äänise viiendikus. L. 109.

(*Nempeld, peldo* «угодье, земля») и в *Ладве* (*Ladv* «исток реки») ²⁰⁵. Есть славянские топонимы-кальки с вепсского языка, например – деревня на *Курье горе*. Видимо, она же была записана в 1563 г. под названием на *Кукоеве горе*, где *kukoi* означает «петух» ²⁰⁶.

Расположенный на реке Ояти, Веницкий погост также сохранил в своем описании вторичные ойконимы вепсского происхождения. Об этом свидетельствуют названия деревень в *Озорех* (т. е. в *Озерах*, *Järved*), на *Ножмо-озере* (*Nažamjärv*), на *Шат-озере* (*Šatař*), на *Сар-озере* (*Sarjärv*), на *Кек-озере* (*Kekjärv*), на *Чик-озере* (*Čikjärv*), на *Туксе* (*Tukšar*) и в *Немже* (*Nemž*) ²⁰⁷. Вепсские *-l*-овые ойконимы подверглись славянской адаптации и получили форму с славянскими формантами *-ичи* / *-ицы*. Таковы поселения в *Каргиницах* (*Karhil*) и *Гонговичах* (*Hongl*). К этой же группе топонимов можно отнести название самого погоста – *Винницы* (*Vingl*) ²⁰⁸.

Вепсская топонимия Никольского погоста в Пелушах (*Pöloi* < *pölö* «сова») представлена преимущественно гидронимами: *Шугол-озерко* (*Šigoil'*), *Вяло-озеро* (*Väl'l'ärv*), *Шидро-озеро* (*Šiddjärv*), *Сорво-озерко* / *Сорвас-озерко* (*Soddjärv*), *Мялко-озерко* / *Мялто-озерко* (*Mäggjärv*). Гнездо деревень в *Чагине* имеет вепсское название *Čäigi*. Кальками, или полными переводами с вепсского языка, были лимнонимы *Белое* (*Vagedjärv*) и *Свято-озеро* (*Pühjärv*) ²⁰⁹. Название Егорьевского погоста в Койгушах связано с *Койгушским озером* (*koiv* «береза»). С озерами связаны группы деревень на *Кангас-озерке* (*Kaňgasjärv*), *Лид-озере* (*Ledjärv*), *Сяк-озерке* (*Šäggjärv*) и *Салме-озерке* (*Sal'mjärv*). Вепским является название поселений в *Ретешу* (*Řätäšid*) ²¹⁰.

²⁰⁵ ПКОП. С. 34, 35.

²⁰⁶ ПКНЗ. Т. 2. С. 224.

²⁰⁷ ПКОП. С. 38, 40, 42–48.

²⁰⁸ Там же. С. 38; *Joalaid M. Keelevahetus Novgorodimaa Äänise viiendikus*. L. 110–111.

²⁰⁹ ПКОП. С. 23–27; *Joalaid M. Keelevahetus Novgorodimaa Äänise viiendikus*. L. 105.

²¹⁰ ПКОП. С. 48, 50, 52; *Joalaid M. Keelevahetus Novgorodimaa Äänise viiendikus*. L. 106.

Косвенно с Койгушским погостом связана купчая Спасского Ковалева монастыря на села по реке Тихвинке, датируемая XV веком. Продавцами сел выступали «Прокуи с сыномъ своимъ съ Ористомъ и съ Ористомъ и съ Михаиломъ, и з братаномъ своимъ Павломъ»²¹¹. Имя *Прокуй* имеет прибалтийско-финскую форму *Prokoi*, образованную от календарного имени *Прокотий*. Вепсская топонимия и антропонимия данной области позволяет предположить, что *Прокуй* был вепсом. Часть земель, принадлежавших *Прокую*, находилась на «Тихвине реке на Коивском пути», что позволяет связывать упомянутых в купчей лиц с Койгушским погостом. В грамоте уточняется, что «с Кугиком земля обча... то Святому Спасу, а Кугыку не надобе»²¹². *Кугык* – это некалендарное имя вепского происхождения (*kuha* «судак») ²¹³. В качестве границ земельных владений *Прокуя* упоминается ряд вепских топонимов: *Коркорово поле, Сарозенская межа, озеро Водоярва, Парцева, мох* (т. е. болото) *Мунос*.

Михайловский погост в Озерах (вепс. *Järved*) имел в своем составе несколько деревень с деантропонимными названиями вепского происхождения: *Курбасово / Курбосово, Нагуевское / Ногуевское* и *Конзуево*. С Михайловского погоста и далее на юг начинают встречаться деревни с названиями, образованными от этнонима *чудь*. Таковы несколько деревень в *Чудцком конце* Михайловского погоста в Озерах, деревни в *Чудцком конце Заполье, в Чудцком конце Березовик* и *Клементьевское в Чудцком конце* Климецкого погоста в Колбагах (см. приложение 3). В деревне Скоморохово Михайловского погоста в Озерах записан крестьянин *Ивашко Чухора*²¹⁴. Этнографические исследования говорят о том, что *чухарями* (вепс. *šuhar'*) вепсов называли русские и карелы. Кроме того, до 20–30-х гг. XX в. в официальных источниках вепсы именовались *чудью*²¹⁵.

²¹¹ ГВНП. С. 178.

²¹² Там же. С. 179.

²¹³ *Егоров С. Б.* Традиционная культура южных вепсов. С. 39.

²¹⁴ ПКНЗ. Т. 2. С. 264, 271; ПКОП. С. 53, 55, 56.

²¹⁵ *Пименов В. В., Строгальщикова З. И.* Вепсы... С. 7.

По мнению М. Йоалайд, такие этноойконимы, как в *Чудском конце*, возникают там, где совместно проживают славяне и вепсы²¹⁶. В погосте Никольский Готслав волок и южнее уже отсутствуют прибалтийско-финские топонимы. Единственный раз в названном погосте упоминается *деревня на каре у погоста*. Слово *kara* («бухта, залив») относится к вепсскому языку. Таким образом, вепсская топонимия практически отсутствует к югу от Пелушского и Койгушского погостов. Вероятно, эта территория была освоена по преимуществу славянами.

Неславянские антропонимы, в отличие от топонимов, были менее распространены в южном Обонежье. К югу от реки Свири, в Оштинском погосте, записаны *Якушко да Давыдко Гочюевы, Микифорик Ихкуев да сын его Васко, Ивашко Керчюй, Васко Келносов, Ивашко Мичюев, Карпик Олфуев да сын его Ивашко, Гридка Рахкоев, брат его Кирилко, Якушко Питков*. Встречаются и этнонимические прозвища: в деревне на Рыбежне записан *Ескя Карелянин*, в деревне *Ладва* жили *Палка Кареленик, сын его Тимошка*²¹⁷. Писцовая книга 1563 г. также содержит описание Оштинского погоста. В погосте записана деревня в *Ладве* *словет Тимофеевская Карева*, где проживал *Исачко Тимофеев Карев*. Антропоним *Карев* (*Karj/oi*) можно считать изменением прозвища *Кареленик* (*Karjalaine*)²¹⁸. В таком случае *Исачко Тимофеев Карев* – сын *Тимошки Карева* и внук *Палки Кареленика*. Единичные прибалтийско-финские антропонимы фиксируются в следующих погостах: Мытенском (*Ивашко Ратой, Куземка Ратоев*), Вытегорском (*Панфилко Варгуев, Самсонко Тогмуев*), Веницком на Ояти (*Карпик Олфуев, Гридка Рахкоев*), Егорьевском в Койгушах (*Фофанко Микуев, Мосейко Микуев*), Михайловском в Озерах (*Ларивонко Лентуев, Федотко Олтуев*)²¹⁹.

²¹⁶ Йоалайд М. Этническая территория вепсов в прошлом // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 79.

²¹⁷ ПКОП. С. 31, 35–37.

²¹⁸ Соболев А. И. Карельское наследие... С. 50.

²¹⁹ ПКОП. С. 12, 15, 39, 41, 49, 50, 56.

Упомянутые прибалтийско-финские патронимы представляют как календарную, так и некалендарную антропонию. К календарным относятся патронимы *Олфуев* (*Olfui* < *Елевферий*), *Мичуев* (*Mičui* < *Димитрий*), *Микуев* (*Mikoi* < *Михаил*), *Лентуев* (*Lentui* < *Леонтий*). Некоторые патронимы, производные от некалендарных имен, поддаются этимологизации: *Варгуев* (*Vargoi* < вепс. *vargaz* «вор»), *Тогмуев* (*Tohmoi* < вепс. *tuhma* «некрасивый», *tuhmassi* «уродливый»), *Питков* (*Pitkoi* < вепс. *pitk* «длинный»), *Рахкоев* (*Rahkoi* < вепс. *rahkoi* «мифическое существо, домовый»), *Ратоев* (*Ratoi* < вепс. *rata* «работать; обрабатывать лен / овины») (см. приложение 3).

Единичные имена, которые в писцовой книге имеют славянскую форму, могут быть отнесены к прибалтийско-финским на основании писцовой книги 1563 г. В 1495 / 1496 г. в деревне на *Тагжаме* Вытегорского погоста были записаны *Патрекейко Захаров да его дети Фофаник, да Максимка, да Митка*. В 1563 г. в том же погосте была сделана запись: *деревня на Тагжаме словет Патроева Гора*. Видимо, *Патрекейко Захаров* носил личное имя *Patroi* (*Патрикий*), которое легло в основу ойконима.

В 1495 / 1496 г. в деревне *Каргашинской* Вытегорского погоста проживал *Васко Нестеров* с сыном *Якимкой*. К 1563 г. деревня *Каргашинская* была известна уже как *Вашоевская*. Вероятно, *Васко Нестеров* носил имя *Vašoi* / *Василий*. Эти немногочисленные примеры показывают, что календарные имена в славянской форме не могут являться гарантией того, что человек был славянином. В свою очередь, прибалтийско-финская антропонимия свидетельствует о том, что территории к югу от Онежского озера были освоены не-славянским населением.

О наличии на территории юго-восточного Обонежья вепсского населения можно судить по агиографическим источникам, поскольку писцового описания расположенных здесь в конце XV в. погостов не сохранилось. В «Житии Лазаря Муромского» упоминается *чудь*, в начале XIV в. проживавшая в бассейне реки Лёкшмы. *Чудь*, как уже было показано, может быть отождествлена

с вепсами. «Житие Кирилла Челмогорского» сообщает, что в середине и второй половине XIV в. в районе Лёкшмозера «не крещены живущие в окрестных местехъ, иже имяху чудский языкъ и веру»²²⁰. Таким образом, в XIV в. в бассейне реки Лёкшмы, который примыкает к юго-восточному Обонежью, проживало вепское население.

Указанные сообщения вызывали сомнения у Н. А. Макарова. Он полагал, что оба жития составлены не ранее первой половины XVII в. и, следовательно, восходят к устным преданиям о чудии, а не к каким-либо ранним источникам, впоследствии утраченным²²¹. Однако лишь краткая редакция «Жития Лазаря Муромского» была создана около середины XVII в., при этом пространные редакции более древние – одна середины XVI в., другая – рубежа XV–XVI вв., т. е. датируется временем писцового описания Обонежья. В основе жития лежит реальная автобиография Лазаря Муромского, записанная в конце XIV в.²²²

К Обонежской пятине относилась территория погостов юго-восточного Приладожья, описания которых не сохранились. Тем не менее, в источниках есть несколько упоминаний об этом регионе. Так, в 1460 г. Яков Гуреев и Матфей Петров купили у великокняжеского наместника Григория Васильевича право «обонежского суда». Судя по откупной грамоте, территория «обонежского суда» находилась в юго-восточном Приладожье, а именно – в низовьях Волхова, на реках Паше, Кожеле, Свири, Ситомле, Ояти и Олонке. Грамота упоминает *Кукоевский погост* и ороним *Кукоева гора*: оба названия имели

²²⁰ Цит по: Барсов Е. В. Преподобные Обонежские пустынножители // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–1869. Петрозаводск, 1869. С. 6.

²²¹ Макаров Н. А. Население русского Севера в XI–XIII вв.: По материалам могильников восточного Прионежья. М., 1990. С. 132–133.

²²² Литвинова Н. К., Прохоров Г. М. Житие Лазаря Муромского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 290.

прибалтийско-финские корни (*Kukoi* < *kukoi* «петух»)²²³. Название могло произойти в равной степени из карельской и вепсской среды, однако последний вариант более вероятен ввиду близкого расположения вепсских погостов.

По мнению В. Л. Янина, территория Обонежского суда в откупной грамоте 1460 г. совпадала с территорией, ограниченной Обонежским рядом согласно грамоте Святослава Ольговича от 1137 г.²²⁴ С этим невозможно полностью согласиться. В грамоте Святослава, древнейший список которой сохранился в приписке к новгородской синодальной кормчей второй половины 80-х гг. XIII в., перечисляются пункты, расположенные в Заволочье: на реке Онеге, на её притоке – Моше, в нижнем течении Северной Двины, на её притоках – Ваге и Тойме, на притоке Ваги – Вели, на Пинеге, на притоке Сухоны – Векшенге²²⁵.

К восточному и юго-восточному Приладожью относились пункты, расположенные «во Олонци», «на Свери», «на Юсколе», «в Тервиничах», «оу Вьюнице», на «устье Паши», «на Кокуеве горе», «на Масиеге низь Сяси» и «въ Липне»²²⁶. Очевидно, перечисленные пункты находились на реках Олонка, Свирь, Паша и в низовьях Сяси. Ороним *Кокуева гора* (*Кукоева гора*) известен по писцовому описанию Оштинского погоста на реке Оште²²⁷. В грамоте 1137 г. присутствуют прибалтийско-финские топонимы: *Масельга* (*moanselgä* «горный хребет, служащий водоразделом водных систем»), *Юскола* с *-l*-овым формантом, а также славянизированные вепсские топонимы *Тервиничи*, *Винницы*. В конце XV в. поселение *Винницы* было центром погоста, расположенного на реке Ояти. Таким образом, в юго-восточном Приладожье уже в XIII в. известны поселения с прибалтийско-финскими названиями. Ряд этих поселений упоминается в XV в.

²²³ ГВНП. С. 149.

²²⁴ Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. С. 184.

²²⁵ Щанов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 148.

²²⁶ Там же.

²²⁷ ПКНЗ. Т. 2. С. 224.

В юго-восточном Приладожье, в бассейне реки Сяси, находился Климецкой погост в Колбагах. Видимо, в названии погоста было зафиксировано древнее слово *колбяги*. Существуют различные точки зрения на этническую и социальную природу колбягов. Е. А. Рыдзевская, В. С. Кулешов и Д. А. Мачинский на основе археологических исследований курганов юго-восточного Приладожья предполагали, что колбяги представляли собой этносоциальный сплав из приладожского финноязычного и пришлого скандинавского населения²²⁸. По мнению Д. А. Мачинского, именно колбяги оставили в юго-восточном Приладожье культуру курганов, которая датируется X–XIII вв. С. И. Кочкуркина усматривала в Приладожской курганной культуре наследие западной группы летописной веси²²⁹. Е. А. Рябинин считал, что именно эта группа веси выступает в письменных источниках под именем колбягов²³⁰. Е. А. Мельникова показала, что колбяги представляли собой этносоциальную группу, в которую входили скандинавские наемные воины и / или купцы на Руси и в Византии²³¹. А. С. Щавелев предложил объяснение тому, что в Приладожской культуре сочетаются скандинавские и прибалтийско-финские эле-

²²⁸ Кулешов В. С. Колбяги и Ладожское ярлство (заметки к теме) // Северная Русь и Балтика в середине XII столетия: Сб. статей по материалам конференции 28-29 апреля 2014 г. СПб., 2014. С. 129–139; Мачинский Д. А., Кулешов В. С. Колбяги // Ладога и Глеб Лебедев: Сб. статей. СПб., 2004. С. 207–227; Рыдзевская Е. А. К варяжскому вопросу // Известия АН СССР. Серия 7. 1934. № 7. С. 511.

²²⁹ Кочкуркина С. И. Веси (по археологическим материалам) // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 335–340.

²³⁰ Рябинин Е. А., Стасюк И. В. Веси // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия. М., 2014. С. 115–116.

²³¹ Мельникова Е. А. Колбяги // Древняя Русь в средневековом мире... С. 405–406.

менты. По его мнению, колбяги – это скандинавы, которые со временем перешли на прибалтийско-финскую речь²³². Как бы то ни было, вопрос с этнической принадлежностью колбягов окончательно не решен. Ясно то, что колбяги принадлежали к неславянскому населению Новгородской земли, историческая память о котором отразилась в названии погоста.

Этнографические исследования свидетельствуют, что в целом ряде деревень, записанных в писцовую книгу 1495 / 1496 г., вепсы проживали до середины XX в., в некоторых деревнях они присутствуют и в начале XXI в. Названия этих деревень претерпели изменения, но в целом они сохранили древний облик. Северные (или прионежские) вепсы, населяли узкую прибрежную полосу в юго-западном Прионежье, протянувшуюся с юга на север от Гимреки до села Шокша. Наиболее крупные населенные пункты, в которых проживали и проживают северные вепсы, следующие: село Рыбрека (деревня *на Рыбежне* Оштинского погоста), деревни Каскесручей (*на Касть-ручью*), Гимрека (*на Хим-реке*), Ропручей (*на Роп-ручью*) и Щелейки (*на Щелейце*)²³³. Рыборецкий сельский совет в 1994–2005 гг. входил в Вепскую национальную волость – автономию северных вепсов, включавшую 13 населенных пунктов. Таким образом, современным северным вепсам соответствует территория Оштинского погоста конца XV в.

Поселения средних вепсов территориально могут быть отнесены к Оштинскому и Веницкому погостам. Вепсы отмечены в деревнях Ладва (*деревня в Ладве* Оштинского погоста), Нойдола (название сохранилось до настоящего времени) и Пяжозеро (*деревня на Пяз-озере*). В начале XX в. в этих деревнях жило малочисленное русское население, а основу жителей составляли вепсы. Наиболее крупным поселением шимозерских вепсов до 1959 г. было

²³² Щавелев А. С. Русы / росы в Восточной Европе: модель инвазии и некоторые особенности интеграции в мире восточных славян (вторая половина IX–X в.) // Уральский исторический вестник. 2013. № 1. С. 116.

²³³ Пименов В. В. Вепсы... С. 180.

Шимозеро (*деревня на Шим-озере* Оштинского погоста)²³⁴. В 1959 г. шимозерские вепсы были переселены в Подпорожский и Винницкий районы Ленинградской области. Вепсы проживали в деревнях Чикозеро (*деревня на Чикозере* Веницкого погоста), Гонгиничи (*деревня в Гонговичах*) и ныне упраздненном поселении Каргиничи (*деревня в Каргиницах* Веницкого погоста). Центр Веницкого погоста конца XV в. сейчас является селом Винницы – главным местом проживания вепсов Ленинградской области²³⁵. Таким образом, во второй половине XX – начале XXI в. вепсы проживали в целом ряде поселений, известных с конца XV в. в Оштинском и Веницком погостах.

В районе истоков реки Лидь по южным склонам Вепсской возвышенности разместились деревни современных южных вепсов. Наиболее крупными поселениями южных вепсов в XX в. считались Радогоща (*деревня в Радогоще* Койгушского погоста) и Чайгино (*деревня в Чагине* Пелушского погоста). В настоящее время Радогощ является самым южным поселением вепсов²³⁶. Таким образом, территория, на которой сложилась группа южных вепсов, в конце XV в. относилась к Койгушскому и Пелушскому погостам.

Таким образом, мнение о дефектности писцовой книги Обонежской пятины 1495 / 1496 г. можно считать преувеличенным. Несмотря на то, что книга сохранилась не полностью, она содержит описание как северных, так и южных погостов Обонежья. Судя по данным топонимии и антропонимии писцовой книги, население южного Обонежья, как и в Заонежье, было смешанным: оно состояло из славян, карелов и вепсов. Карелы присутствовали на Олонецком перешейке и в юго-западном Прионежье. Во многом это обусловлено миграционным потоком карелов из северо-западного Приладожья. Вепсы проживали на обширных территориях юго-восточного и юго-западного Прионежья, бассейна реки Свири и на Оште. Этнографические исследования показали, что

²³⁴ Пименов В. В. Вепсы... С. 5, 181.

²³⁵ Егоров С. Б. Традиционная культура южных вепсов. С. 26.

²³⁶ Там же. С. 52.

многие вепские поселения сохранились с конца XV до середины XX – начала XXI в.

§ 3. «Лопское» население Новгородской земли: проблема этнической принадлежности

В северных районах Новгородской земли, не входивших в пятинную систему, русские средневековые источники неоднократно упоминают население, обозначаемое понятием «лопь». Для изучения исторических свидетельств о лопи и определения её этнической принадлежности важно определить значение самого понятия «лопь», вокруг которого сложилась длительная дискуссия. Традиционная точка зрения, представленная работами Г. М. Керта, И. А. Кюршуновой и А. Ю. Жукова, отождествляет саамов и «лопь» древнерусских источников²³⁷.

М. М. Шахнович высказал сомнения в том, что возможно *a priori* отождествлять «лопь» письменных источников XIV–XVI вв. и саамский этнос. Во-первых, ещё Р. Б. Мюллер обращала внимание на неясность употребления термина «лопь» и считала, что под лопью понималось население карельского Поморья и Лопских погостов, относящееся, главным образом, к карельскому этносу²³⁸. Во-вторых, существование саамских археологических памятников на территории южной и центральной Финляндии и южной Карелии только предполагается. На территории России до конца XX в. целенаправленных археологических работ по поиску саамской культуры практически не проводилось²³⁹.

²³⁷ Керт Г. М. Саамы. С. 39–57; Кюршунова И. А. Словарь... С.; Жуков А. Ю. Саами в XIII–XVII вв. (публикация источников и комментариев). С. 298–322.

²³⁸ Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития северо-запада. Л., 1978. С. 82.

²³⁹ Шахнович М. М. К вопросу о валунных насыпях на островах в Белом море // Природа и историко-культурное наследие Северной Фенноскандии. Петрозаводск, 2003. С. 115–116;

И. И. Муллонен высказала мнение, по которому применительно к XV–XVI вв. термин «лопь» мог иметь не этнический, а географический характер, поскольку *lappe* означало «глухое, отдаленное место, край»²⁴⁰. Таким образом, отождествление «лопи» и саамов в историографии подвергается сомнению.

Исходя из столь неоднозначной историографической ситуации необходимо проанализировать все существующие упоминания лопи в русских средневековых источниках. Наиболее надежны в плане этнической идентификации лопи те свидетельства источников, которые содержат упоминания географических названий.

Важным источником по истории лопарского населения Новгородской земли являются четыре грамоты великого князя Василия Ивановича, датированные июлем 7025 (1517 г.) и сохранившиеся в переводе на датский язык. В первой и четвертой небольших по размеру грамотах рассматривается вопрос о морских промыслах у побережья Кольского полуострова, во второй и третьей грамотах («наказных памятях»), значительно больших по размеру, даны конкретные указания великого князя о сборе дани с лопарей. В инструкциях определяется, какие погосты и в каком порядке должны объезжать русские сборщики дани, указываются лопарские селения и принадлежащие им угодья, определяется, с кого и в каком размере следовало взимать дань на Кольском полуострове, а также как вести себя сборщикам дани в отдельных случаях при контактах с лопарями²⁴¹. Интерпретацию грамот затрудняет то, что оригинальные топонимы Кольского полуострова, упомянутые в грамотах, были переведены на датский язык, что привело к искажению их формы. В некоторых случаях переводчики и издатели грамот оставляли топонимы непереуведенными

Он же. «Лопь» и «лопарские» памятники Северной и Западной Карелии // Кольский сборник. СПб., 2007. С. 228–229.

²⁴⁰ Юккогуба и её окрестности. Петрозаводск, 2001. С. 14.

²⁴¹ *Возгрин В. Е., Шаскольский И. П., Шрадер Т. А.* Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1998. Т. 26. С. 125–135.

на современный русский язык. Зачастую это осложняет поиск исторической или современной формы топонимов.

Тексты грамот свидетельствуют о том, что Василий Иванович «милостиво пожаловал» лопарям определенные земли, а именно: «их морской берег от Палиц-реки – Пасвиг, и до Умбуш – Умбо на этом их морском берегу»²⁴². Грамота № 4 говорит о передаче лопарям Терских и Ловозерских угодий. Гидроним *Пасвиг* (*Pasvig*), вероятно, связан с норвежским названием реки *Pasvikelva*, которая протекает в западной части Кольского полуострова на современной русско-норвежской границе. Под *Умбо* следует понимать гидроним *Умба*. Эта река протекает из центральной части Кольского полуострова на юг и впадает в Белое море. Терские угодья были связаны с топонимом *Терский наволоок*, известным по русским источникам XV в.²⁴³ *Терский наволоок* располагался на южном побережье Кольского полуострова – там, где сейчас известен топоним *Терский берег*, обозначающий юго-восточный берег Кольского полуострова от устья реки Варзуги до мыса Святой Нос. Ловозерские угодья располагались в центральной части Кольского полуострова: именно там известен гидроним *Ловозеро*. Таким образом, переданные лопарям земли включали в себя северное, восточное и часть южного побережья Кольского полуострова. В целом данная территория именуется в грамотах «Лопской землей»²⁴⁴.

Грамоты № 3 и 4 содержат подробные указания великого князя сборщикам дани. Вероятно, к 1517 г. население Кольского полуострова было подвергнуто переписи, т. к. сборщики должны были собирать дань «в соответствии с записью в книгах»²⁴⁵. Известно, что сборщиков было 2 человека: первый должен был отправиться «в Кандалакшу и в Бабинец, и в Ловозеро, и в Санналь,

²⁴² Возгрин В. Е., Шаскольский И. П., Шрадер Т. А. Грамоты... С. 135.

²⁴³ ГВНП. С. 246.

²⁴⁴ Возгрин В. Е., Шаскольский И. П., Шрадер Т. А. Грамоты... С. 131.

²⁴⁵ Там же. С. 129.

и в Пасреки, и в Нафдаум, и в Верхние Нядри, и в Волгюрку, и в Варяги, и в Северный конец». Второй сборщик отправлялся «на Варсугур-конец, и на Терский конец, и на Лофозеро, и в Колдал, и в Умбу»²⁴⁶. Кандалакша была поселением, с которого начинался и где заканчивался объезд территории Кольских погостов первым данщиком, поскольку погост находился на юго-западном побережье Кольского полуострова. Название погоста имеет карельское происхождение – *Kandalakši*. Перед отъездом данщика из Кандалакши лопари были обязаны дать ему подношение²⁴⁷.

После Кандалакши путь первого данщика лежал на север, через Бабинец, или Бабинский погост. Этот топоним представляет собой кальку, т. е. полный перевод с саамского языка на русский, т. к. название погоста *Ahkel-sijjit* происходит от саамского слова *ahhk* «жена, баба»²⁴⁸. К северо-востоку от Бабинского погоста находился Ловозерский погост (саам. *Luj-jaur-sijjit*)²⁴⁹, расположенный у озера Ловозеро, в центральной части Кольского полуострова. Далее сборщик дани отправлялся на север и северо-запад, о чем свидетельствуют названия погостов *Северный конец*, *Варяги* и *Пасрека*. Гидроним *Пасрека* географически относится к северо-западной части Кольского полуострова и коррелирует с норвежским названием уже упомянутой выше реки *Пасвиг*. Названия погостов *Варяги* и *Северный конец* свидетельствуют о контактах местного населения с норвежцами. Погост *Северный конец*, упомянутый в грамоте № 4, в грамоте № 3 назван *Норвежским концом*. Вполне возможно, что в оригинальном древнерусском тексте использовалось название *Мурманский конец*. Известно, что северное побережье Кольского полуострова ещё в начале XX в. именовалось *Мурманом* и *Мурманским берегом*²⁵⁰. Целый ряд названий опре-

²⁴⁶ Возгрин В. Е., Шаскольский И. П., Шрадер Т. А. Грамоты... С. 132.

²⁴⁷ Там же. С. 130.

²⁴⁸ Керт Г. М. Саамская топонимная лексика. С. 58.

²⁴⁹ Там же. С. 59.

²⁵⁰ Мурман // Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. 16. С. 481.

деляется с трудом: *Konddax*, *Neiden*, *Losett*, *Sonjeld*, *Pazankov*, *Biochi*. Возможно, что топоним *Konddax* – искаженное название *Kondsash*, образованное от саамского слова *konde* «дикий олень»²⁵¹. Топоним *Neiden* может быть отождествлен с *Нейден*, поселением в северо-восточной части Скандинавского полуострова, которое в настоящее время относится к территории Норвегии. Таким образом, первый данщик собирал дань с лопарей, проживавших в западной и северо-западной частях Кольского полуострова.

Второй данщик отправлялся «на Варсугур-конец, и на Терский конец, и на Лофозеро и в Колдал, и в Умбу»²⁵². Топоним *Варсугур-конец* следует интерпретировать, очевидно, как *Варзуга*. Название погоста *Варзуга* имеет саамское происхождение (*Viersij-sijit*) и соотносится с рекой Варзугой, которая протекает, как и река Умба, из центральной части Кольского полуострова на юг и впадает в Белое море. Гидроним и название погоста *Умба* также имеет саамское название (саам. *umr* «закрытый»)²⁵³. Таким образом, путь второго сборщика начинался в Варзуге – погосте на южном побережье Кольского полуострова. С трудом поддается интерпретации название *Колдал*. По мнению издателей, здесь подразумевается Кольская долина²⁵⁴. Вторым сборщиком дани, как и первый, заезжал также в Ловозерский погост.

Наконец, в грамотах упоминается *Терский погост* / *Терский конец*. Его название имеет саамское происхождение – *Tarj-sijit*²⁵⁵. Название погоста происходит от топонима *Терский наволок*²⁵⁶. В XII–XV вв. в новгородских источниках упоминается волость *Тре*, или *Терь* / *Турь*. Под 1216 г. Новгородская I

²⁵¹ Керт Г. М. Саамская топонимная лексика. С. 49.

²⁵² Возгрин В. Е., Шаскольский И. П., Шрадер Т. А. Грамоты... С. 132.

²⁵³ Керт Г. М. Саамская топонимная лексика. С. 60, 123.

²⁵⁴ Возгрин В. Е., Шаскольский И. П., Шрадер Т. А. Грамоты... С. 132.

²⁵⁵ Керт Г. М. Саамская топонимная лексика. С. 60.

²⁵⁶ ГВНП. С. 246.

летопись упоминает Симеона Петриловича, «търскаго даньника», т. е. сборщика даней²⁵⁷. Это говорит о том, что население Терской волости уже в первой четверти XIII в. облагалось сборами в пользу Великого Новгорода. В договорах с князьями Великий Новгород периодически подтверждал свои права на владение волостью. Об этом говорится в договорах Великого Новгорода с князьями Ярославом Ярославичем (1264, 1266 и 1270 гг.), Михаилом Ярославичем (1304–1305, 1307–1308 гг.), Александром Михайловичем (1326–1327 гг.), Михаилом Александровичем (1371 г.), Василием Васильевичем (1435, 1456 гг.) и Иваном Васильевичем (1471 г.)²⁵⁸. Аналогичное право Великого Новгорода на волость Тре подтверждалось в проекте договора с Казимиром IV от 1471 г.²⁵⁹

Таким образом, можно сделать ряд важных выводов. Во-первых, грамоты связаны с регулированием сбора дани в Лопской земле, которая географически относится к Кольскому полуострову и небольшой части Скандинавского полуострова. Во-вторых, среди населения Лопской земли упоминаются преимущественно лопари. Возможно, данный этноним выглядел в древнерусском оригинале грамот как «лопь». В-третьих, Лопская земля была разделена на погосты, а население выплачивало налоги в соответствии с записями в писцовых книгах.

Наконец, грамоты ограничили действия данщиков при сборе дани. Так, им было запрещено привозить свои товары для продажи в Лопской земле, ловить рыбу и охотиться в угодьях лопарей, а также использовать лошадей и средства передвижения, принадлежавшие лопарям. Помимо данщиков, ловить рыбу на побережье и охотиться в угодьях лопарей не имели права «ни карелы,

²⁵⁷ НПЛ. С. 57.

²⁵⁸ ГВНП. С. 9, 11, 12, 15, 17, 20, 22, 27, 29, 35, 40, 47.

²⁵⁹ Там же. С. 132.

ни новгородцы, шведы или кто-либо иной чужак»²⁶⁰. Примечательно, что грамота разделяет карелов и новгородцев: видимо, под новгородцами понималось славянское население Новгородской земли и в особенности Великого Новгорода, противопоставляемое карелам.

Ограничение на пользование лопарскими угодьями связано, видимо, с ростом земельных владений славян и карелов на Беломорье и Кольском полуострове, о чем свидетельствуют грамоты Обонежья XV в. Так, в 1465–1466 гг. Тимофей Ермолинич передал Соловецкому монастырю свои земельные участки, расположенные на реках Умба и Варзуга²⁶¹. В 1469–1470 гг. Соловецкий монастырь получил в дар вотчину Марфы Борецкой²⁶². В 1478–1480 гг. в пользу Соловецкого монастыря были переданы владения некоего Ульяна Петрова, располагавшиеся «в Умбе реке, и в Варзуге реке, по морскому берегу и по рекам, по Терскому наволоку»²⁶³.

Грамоты говорят о присутствии на Терском берегу карелов. Известно, что в 1419 г. норвежцы на кораблях совершили нападение на ряд северных погостов, в числе которых был «въ Варзуге погость Корельский»²⁶⁴. летописное известие подтверждается археологическими исследованиями. Раскопки села Варзуга показали, что в начале XV в. во время пожара здесь были разрушены укрепление и церковь²⁶⁵. Кроме того, антропологический тип, выявленный на позднесредневековых материалах краниологических выборок карелов и выделяющийся узнаваемым комплексом признаков, в наибольшей степени

²⁶⁰ Возгрин В. Е., Шаскольский И. П., Шрадер Т. А. Грамоты... С. 129.

²⁶¹ ГВНП. С. 242.

²⁶² Там же. С. 242–243.

²⁶³ Там же. С. 246.

²⁶⁴ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 426.

²⁶⁵ Ширококов И. Г., Шахнович М. М. Антропологический состав позднесредневекового населения Терского берега Белого моря (по материалам раскопок некрополя Свято-Никольской церкви с. Варзуга) // Записки ИИМК РАН. Вып. 8. СПб., 2013. С. 194.

сближается с характеристиками как мужской, так и женской выборки из Варзуги²⁶⁶.

В районе рек Умбы и Варзуги находились участки детей корельских Нестора Ивановича и Федора Ивановича. В 1478–1480 гг. эти участки были также переданы Соловецкому монастырю²⁶⁷. Таким образом, на Кольском полуострове находились земельные владения славян и карелов, которые, видимо, активно пользовались угодьями лопарей. В 1517 г. грамоты ограничили эту возможность.

Дискуссию в историографии вызывают упоминания лопи в грамотах Обонежья XV в. В этом случае важно привлечь и проанализировать все имеющиеся упоминания лопи в этих источниках. В 1448–1458 гг. Ховра Васильева из карельского рода Рокульцев продала земельные участки новгородскому посаднику Дмитрию Васильевичу. В грамоте отмечено, что «по лешим озером ей отцина, в лешеи лопи ей уцасток». Отец Ховры, Василий Кокуй, владел «землею страдомою, и водою, и полешимъ лесомъ, и лопью»²⁶⁸. В данном случае понятие «лопья» стоит в ряду территорий и различных угодий, что позволяет усматривать в этом понятии территориальное значение, которое косвенно связано с лопью как этнической группой. Аналогичное значение прослеживается и в других грамотах. Не позднее 1459 г. некий Кирилл с детьми купил у Макария «землю и воду, и лесъ полешеи, и лопь, и землю страдомую, и ловища, и пожни»²⁶⁹. К 1459–1469 гг. относится «данная» грамота Федосьи Харитоновой жены Соловецкому монастырю на участки своего мужа, куда входили «лесъ полешеи, и лопь, страдомая земля, и ловища, и пожни»²⁷⁰. В то же время Клим и Иван Михайловы передали Соловецкому монастырю «по всемъ

²⁶⁶ Ширококов И. Г., Шахнович М. М. Антропологический состав... С. 201.

²⁶⁷ ГВНП. С. 246.

²⁶⁸ Там же. С. 291.

²⁶⁹ Там же. С. 295.

²⁷⁰ Там же. С. 296.

рекамъ морскимъ и на лопе землю и воду, и полешии лесъ, и пожни, и ловища»²⁷¹. К XV в. относится «данная» грамота Матвея Ильина Соловецкому монастырю на земельные участки Олены Оравановой, находившиеся «на лопи»²⁷². Во всех перечисленных случаях понятие «лопь» имеет территориальное значение и используется для характеристики местности.

По всей видимости, отличием этой местности было то, что там действительно проживали представители лопи. Грамоты свидетельствуют, что к середине XV в. у карельских землевладельцев, выступающих в источниках под именем «корельских детей», сложилась практика «в лопь ходити и празгу имати», т. е. взимать натуральный / денежный оброк с лопи за пользование землями и угодьями, принадлежавшими корельским детям²⁷³. Владения детей корельских находились на реках Воньга, Выг, Кемь, Шуя и Сорока, т. е. в бассейне Белого моря. Вероятно, именно на этих территориях проживала лопь. По всей видимости, практика частных поборов с лопи запрещается грамотами 1517 г. В них устанавливалось, что лопари были обязаны выплачивать фиксированные налоги в пользу великого князя согласно записям в писцовых книгах.

Для локализации лопи важны летописные свидетельства. Под 1396 г. в Софийской I летописи младшего извода лопь упоминается среди народов, проживавших в районе Перми²⁷⁴. В 1526 г. к великому князю Василию Ивановичу приезжали «Поморцы и Лопари с моря окияна, ис Кандолжьской губе, усть Невы реки, из дикой Лопи» с просьбой прислать священников и антимины.

²⁷¹ ГВНП. С. 297.

²⁷² Там же. С. 307.

²⁷³ Празга // Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1992. Вып. 18. С. 126. Подробнее о корельских детях см. параграф 2 главы 3 данной работы.

²⁷⁴ ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5: Псковские и Софийские летописи. С. 250.

Новгородский архиепископ Макарий отправил к ним священников и диаконов²⁷⁵. Таким образом, среди мест, где проживала лопь, упомянуты Канда-лакша (т. е. юго-западное побережье Кольского полуострова) и устье реки Невы. Летопись упоминает «дикую лопь», однако известно, что существовала также «лешая лопь». В 1504 г. в завещании великого князя Ивана Васильевича говорилось: «Да сына же своего Василья благословляю своею отчиною, великим княжением Новгородским... Да в Новгородской ж земле даю ему... Корелскую землю всю, Корельской город с волостями, и с погосты, и со всеми пошлинами, со всем тем, что х Корелской земле потягло, и с Лопью с Лешею, и с Дикою Лопью»²⁷⁶. По мнению А. Ю. Жукова, «дикая лопь» – это саамы, кочевавшие в глубине Кольского полуострова и на Терском берегу. «Лешая лопь», соответственно, проживала в лесах на севере Корельского уезда и в бассейне рек Белого моря²⁷⁷. В грамотах Обонежья как раз и упоминается «лешая лопь».

События, связанные с крещением лопи, отражены в текстах Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского и Новгородской Большаковской летописи. Новгородская летопись по списку Дубровского сообщает, что зимой 1531 / 1532 г. «лопляне с Мурманского моря с Колы реки с Тутоломи» просили антиминсы и священников у архиепископа Макария. Новгородская Большаковская летопись датирует это событие 1530 / 1531 г.²⁷⁸ Крещение 60 человек лопарей было совершено в период Филиппова поста «за Святым Носомъ», т. е. на восточном побережье Кольского полуострова. Событие можно отнести с высокой долей вероятности к декабрю 1531 г. С крещением лопарей связано

²⁷⁵ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 542.

²⁷⁶ Памятники русского права. М., 1955. Вып. 3: Памятники права периода образования Русского централизованного государства: XIV–XV вв. С. 269.

²⁷⁷ Жуков А. Ю. Саами... С. 313.

²⁷⁸ Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова (публикация Е. Л. Конявской) // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. С. 375.

послание новгородского архиепископа Феодосия «к новопросвещенным лопяном и иже по них хотящим веровати в Святую Единосущную Троицу». Наиболее ранний список послания находится в сборнике РНБ, Солов. 860/970, который датируется временем настоятельства игумена Исидора в Соловецком монастыре (1597–1603)²⁷⁹. Послание носит богословско-дидактический характер, о лопи упоминается лишь в его заголовке.

Учитывая единичные летописные упоминания лопи, следует обратить внимание на статью под 6000 г. в Новгородской Большаковской летописи. Статья содержит сюжет, связанный с призывом варягов: «Приидоша рус, словени, чуд, лопь, кривичи к варягом и испросиша себе у них властелей»²⁸⁰. Попадание лопи в текст летописи 40-х гг. XVI в. тесно связано с контактами Новгорода и лопи, а также крещением последней. Христианизация лопи сопровождалась «вписыванием» этого народа в историю Руси. Летописные известия позволяют локализовать лопь на Кольском полуострове: в районе рек Колы и Туломы, а также у мыса Святой Нос.

В целом, материалы источников позволяют сделать вывод не только относительно территории проживания лопи. Топонимические, археологические и этнографические исследования проясняют проблему этнической принадлежности средневековой лопи. Топонимия Лопской земли, которая ограничивалась Кольским полуостровом, имеет по преимуществу саамское происхождение. Среди саамских топонимов следует назвать названия *Варзуга*, *Умба*, *Терь* / *Терский наволок*, *Бабино*, *Ловозеро*. Саамское происхождение имеет название реки и расположенного на ней погоста *Кола* (*Kuol-jegge*)²⁸¹. Тем не менее, саамская топонимия представлена гораздо шире: она отмечается в бассейнах рек

²⁷⁹ Смирнова Д. Д. К публикации послания Новгородского архиепископа Макария (1542–1551) к новопросвещенным лопяном // Вестник Удмуртского университета: История и филология. 2014. Вып. 1. С. 154.

²⁸⁰ Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова... С. 346.

²⁸¹ Керт Г. М. Саамская топонимная лексика. С. 59.

Оять, Водла, Онега, Северная Двина и Мезень. К началу XVI в. лопь фиксируются источниками преимущественно на Кольском полуострове и побережье Белого моря. Это вполне вписывается в основную тенденцию этнической истории саамов – миграцию на Север²⁸².

По данным лингвистов и этнографов, Кольский полуостров – один из естественных ареалов проживания саамов на территории России. Здесь выделяются различные диалекты саамского языка: нотозерский (северо-запад Кольского полуострова), бабинский (в окрестностях озера Имандра), кильдинский (центральная часть Кольского полуострова) и иокангский (восточная часть полуострова). Поселение Ловозеро, известное по грамотам 1517 г., в настоящее время является крупным саамским населенным пунктом²⁸³. Об интерпретации лопи как саамов говорит и то, что в настоящее время норвежцы называют саамов как *finnlar*, шведы – *lapp*, финны и карелы – *lappi* / *lappalainen*²⁸⁴.

В северной Карелии и Беломорье археологами зафиксированы культовые и хозяйственные памятники саамов²⁸⁵. Это могли быть скалы антропоморфного вида, сейды и лабиринты. Сейды состояли из большого валуна-основы с подведенными под него снизу или положенными сверху небольшими камнями. Деревянные сейды имели вид врытых корнями вверх деревьев или столбов. Лучше прочих изучены сейды на Кузовах – архипелаге из 15 небольших островов на полпути между устьем реки Кемь и Соловецкими островами. Лабиринты – это сложные конструкции из множества камней, выложенных в виде сходящихся к центру дорожек. На Белом море их отмечено около 40.

²⁸² Керн Г. М. Саамы. С. 133.

²⁸³ Там же. С. 49, 57.

²⁸⁴ Там же. С. 39.

²⁸⁵ Шумкин В. Я., Колпаков Е. М., Мурашкин А. И. Исследования Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН в Мурманской области (район Териберской губы Баренцева моря) // Записки ИИМК РАН. СПб, 2009. Вып. 4. С. 77–80.

Многочисленные конструкции из камня известны на Соловецких островах²⁸⁶. Период использования памятников на Кузовах и Соловках завершается временем возникновения и раннего становления Соловецкого монастыря. Известно, что у саамов Кольского полуострова культ сейдов сохранялся в начале XX в.²⁸⁷ Все перечисленные аргументы позволяют считать, что за лопью русских средневековых источников стоит конкретная этническая группа – саамы Кольского полуострова и бассейна Белого моря.

В целом этническая картина северной части Новгородской земли представляется довольно пестрой. Здесь проживали как славяне, так и прибалтийско-финские народы – карелы, вепсы и саамы. Кольский полуостров именовался «Лопской землей», а её население – лопью. Комплекс лингвистических, археологических и этнографических источников позволяет говорить о том, что за термином *лопь* средневековых источников стояла конкретная этническая группа – саамы. К началу XVI в. лопское население имело погосты и было записано в писцовые книги. Существовало разделение на «лешую» и «дикую» лопь: первая населяла территории, по которым протекали реки беломорского бассейна, последняя проживала на Кольском полуострове. Во второй четверти XVI в. активизируется миссионерская деятельность Новгорода среди саамов. Между тем, лопью именовали территории бассейна беломорских рек, освоенные саамами. Территория Беломорья и Кольского полуострова были освоены славянами и карелами; здесь упоминаются земельные владения детей корельских, постепенно переходившие в распоряжение Соловецкого монастыря и частных лиц.

²⁸⁶ Манюхин И. С. Культурные места саамов в Карелии // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 125–135.

²⁸⁷ Кошечкин Б. И. Древние религиозные представления и обряды кольских саамов // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 118–124.

По данным топонимии и антропонимии писцово́й книги Обонежской пятины, её население также предстает смешанным, состоящим из славян, карелов и вепсов. Точное соотношение этнических групп в погостах установить невозможно. Можно утверждать, что карелы присутствовали в Заонежье, на Олонецком перешейке и в юго-западном Прионежье, что связано с постепенным оттоком карелов из Приладожья. Вепсы проживали на более обширных территориях: в Заонежье, юго-восточном и юго-западном Прионежье, в бассейне реки Свири и на Оште. Этнографические исследования подтверждают тезис о том, что многие вепские поселения сохранились с конца XV до середины XX – начала XXI в.

Славяне проживали в конце XV в. на всем пространстве Обонежья. Их влияние проявилось на уровне ономастики: подавляющее большинство как имен, так и названий поселений имели славянский облик. Прибалтийско-финская антропонимия функционировала главным образом в форме патронимов. Это говорит о том, что личные неславянские имена были практически не актуальны в конце XV в. и уступили место христианским именам, однако более активно использовались в предыдущем поколении. По этой причине немногочисленны и деантропонимные прибалтийско-финские ойконимы. Однако названия гнезд поселений, находящихся у рек и озер, сохраняли прибалтийско-финскую форму, что свидетельствует о давности освоения территории Обонежья карелами и вепсами.

Идентификация людей посредством прозвищ встречается в этом регионе в редких случаях, в большинстве своем она связана не с этнической принадлежностью, а локальной, в основе которой находилось название поселения или административной единицы. Локальные идентичности носили не только индивидуальный характер (например, прозвище *Новгородец*), но и групповой: *шунжане*, *толвуяне*, *кузарандцы*, *вымоченцы* и др. Подобные именованья могли не только выделять конкретного человека в его социуме, но и наоборот, позиционировать определенную группу в качестве общности. Кроме того, некоторые источники свидетельствуют, что славянское население в целом могло

именоваться *«новгородцами»*, хотя это название является не этнонимом, а катойконимом, т. е. связано с определенным поселением или областью. Упоминаемые в источниках *«новгородцы»* противопоставляются этносам – карелам и шведам. Это говорит о том, что катойконимические прозвания были более актуальны и могли использоваться для обозначения не только мигранта или выходца из какой-либо местности, но и представителя определенной этнической группы, в частности – славян. Судя по антропонимикону, территориальная идентификация предстает более важной в этом регионе по сравнению с идентификацией этнической.

ГЛАВА 3. НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ

§ 1. Этнический состав населения Корельского уезда Водской пятины

Корельский уезд был северным уездом Водской пятины. Его земли располагались в западном, северо-западном и северо-восточном Приладожье. На севере они доходили до реки Лиексы, где начиналась обозначенная Ореховецким договором 1323 г. русско-шведская граница; на северо-востоке – до озера Суоярви и земель Обонежской пятины. На западе Корельский уезд граничил со Швецией, а на юге – с Куйвошским погостом Ореховского уезда. Граница между Корельским и Ореховским уездами проходила в районе Лемболовского озера.

Корельский уезд был разделен на две части по реке Вуоксе: ближняя к Новгороду южная часть уезда называлась «Передней Корелой» и включала в себя Городенский, Сакульский и Ровдужский погосты. В Передней Кореле находился административный центр уезда – город Корела с двором наместника. В северной части уезда – «Задней Кореле» – находились Кирьяжский, Сердвольский, Соломенский и Иломанский погосты²⁸⁸.

В разграничивании территорий погостов прослеживаются древние традиции прибалтийско-финских этнических групп. Представления прибалтофиннов о сакрализации пространства и границ отражены в топонимии с основой *puhä* «святой». По мнению исследователей, слово *puhä* бытовало в прибалтийско-финских языках до распространения христианства и означало границу, отделяющую свою землю от чужой (или находящейся в общем пользовании).

²⁸⁸ Кочкуркина С. И. Карелы // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 174.

Таким образом, религиозное значение слово *руһä* выросло из первоначальной семантики «изгородь, ограда, граница»²⁸⁹.

В частности, Городенский погост достигал «Святого Озера» (карел. *Ryhäjarvi*) как на своей южной границе с Сакульским погостом, так и на границе со Швецией. На Святом Озере сходились земли 6 карельских погостов, за исключением Иломанского. По мысли С. И. Кочкуркиной, привязка «Святых озёр» к границам погостов Карельского уезда позволяет предположить, что погосты северо-западного Приладожья восходили к доновгородской системе административно-территориального деления местного прибалтийско-финского населения²⁹⁰.

Погосты Передней и Задней Корелы различались между собой по численности населения и её динамике в период между старым и новым письмом. Менее заселенными были ближайšie к Новгороду погосты Передней Корелы – Городенский (238 человек по данным писцовой книги), Сакульский (460 человек) и Ровдужский (368 человек). В Задней Кореле была противоположная ситуация: в Кирьяжском погосте записано 1014 человек, в Сердовольском – 1124, в Иломанском – 329 и в Соломинском – 495. Только в двух последних погостах наблюдается прирост населения по сравнению со старым письмом: численность «людей» здесь увеличилась в целом на 88 человек. В прочих погостах уезда население сократилось в совокупности на 346 человек. Убыль более всего заметна в Ровдужском (70 человек) и Сердовольском (172 человека) погостах. Подсчеты исследователей говорят о сокращении населения в Корельском уезде на 21 % в период между старым и новым письмом²⁹¹.

Рост численности населения в Иломанском и Соломинском погостах объясняется внутренней миграцией населения Корельского уезда на северное

²⁸⁹ Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. С. 108.

²⁹⁰ Кочкуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973. С. 74.

²⁹¹ История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 43.

и северо-восточное побережье Ладожского озера соответственно. Вновь пришедшее население, скорее всего, предпочитало подселение в уже существующие деревни и постройку в них новых дворов. Это видно из того, что Соломинский погост превосходил все остальные погосты по среднему числу дворов на одну деревню. В Соломинском погосте это число достигало 9,7 дворов на деревню (при 32 деревнях и 310 дворах) – почти в два раза больше, чем в других погостах Задней Корелы и в 6 раз больше, чем в погостах Передней Корелы.

Миграция населения на север и северо-восток Корельского уезда объясняется внешней опасностью – пограничными конфликтами со Швецией, происходившими в 1495–1510 гг.²⁹² Писцовая книга сохранила следы ближайшего к переписи конфликта: в Городенском погосте записана деревня *Ильмия над озером над Ильмием, сожжена от Немец*. В Кирьяжском погосте были сожжены деревни *Кочелакша, Ильмия и Улианила*. На восстановление сожженных деревень давалась налоговая льгота. В Сердовольском погосте «на деревню на Пуроярву, на три лука дана льгота на год того дея, что пограбили Немцы лета 7008 года июня»; «на деревню на Пуроярву в той переваре дана льгота на один лук на год, того дея, что их пограбили Немцы со всем животом лета 7008 года июня 20»²⁹³. Об этом нападении шведов сообщает только писцовая книга.

Приграничные нападения со стороны Швеции имели место и в более ранний период. Конфликты отразились не только на социально-экономической ситуации в Корельском уезде, но и на его административно-территориальной структуре. летописное известие под 1396 г. сообщает: «Того же лета пришедше Немци в Корельскую землю и повоеваша 2 погоста: Кюрьескийи и

²⁹² История и культура Сямозерья. С. 43.

²⁹³ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года (Продолжение). С. 151, 159.

Кюлоласкый, и церковь сожгоша»²⁹⁴. Если в летописи упоминаются Кирьяжский и Кюлолакшский погосты, то в писцовой книге последний отсутствует. В 1499 / 1500 г. в составе Корельского уезда был описан Кирьяжский погост, в структуре которого находилась Кюлолакшская перевара – более мелкая административная единица – с деревнями *Кюлолакша над лахтою над Кюлолакшскою* и *Харитонов след в Кюлолакше над лахтою*²⁹⁵. Данные писцовой книги позволяют утверждать, что Кюлолакшский погост как административно-территориальная единица к концу XV в. уже не существовал.

Причины объединения двух погостов могут находиться в разных плоскостях. С. В. Бельский связывает исчезновение Кюлолакшского погоста с сожжением церкви, упомянутым в летописи. Однако летопись не сообщает, в каком именно погосте была сожжена церковь. По мнению С. В. Бельского, церковь была сожжена именно в Кюлолакшском погосте. В 1499 / 1500 г. в Кирьяжском погосте была записана церковь Рождества Богородицы, при этом в Кюлолакше церковь не упомянута, следовательно, в начале XVI в. она уже не существовала. Это привело автора к мысли о том, что после разрушения Кюлолакшского погоста в 1396 г. церковь так и не была восстановлена, а Кюлолакша потеряла статус погоста, став центром перевары²⁹⁶. Данная точка зрения вызывает ряд возражений. Во-первых, она имеет вес только в том случае, если признать, что в конце XIV в. статус погоста напрямую зависел от наличия церкви. Однако прямых подтверждений этому нет. Во-вторых, несмотря на археологические поиски, разрушенная церковь в Кюлолакше пока не существует

²⁹⁴ НПЛ. С. 387.

²⁹⁵ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года (Продолжение). С. 122, 123.

²⁹⁶ Бельский С. В. Могильник Кюлолахти Калмистомяки в северо-западном Приладожье (археологические исследования 2006–2009 гг.). СПб., 2012. С. 184.

как археологический объект²⁹⁷. Наконец, фраза летописца «повоеваша 2 погоста... и церковь сожгоша» не исключает того, что сожженная церковь относилась одновременно к двум погостам.

Думается, вопрос с объединением погостов зависел не столько от церковного фактора, сколько от экономической и социально-демографической ситуации. Сокращение населения в большинстве погостов было общей тенденция Корельского уезда, и Кирьяжский погост здесь не был исключением. Включение Кюлолакшского погоста в состав Кирьяжского на правах перевары может быть связано с оттоком населения на север и северо-восток Корельского уезда, а также с тем экономическим ущербом, который был нанесён погостам пограничными конфликтами со Швецией. Таким образом, присоединение Кюлолакшского погоста к Кирьяжскому необязательно датировать разрушением церкви в 1396 г., тем более твердого основания для этого нет. Присоединение могло произойти в период между 1396 г. и «старым письмом», т. е. концом 70-х – началом 90-х гг. XV в., когда Кюлолакшская перевара уже существовала.

Административным центром Корельского уезда был город Корела, до конца XV в. именовавшийся *Корельским городком* / *Корельским городом*. В писцовой книге 1500 г. впервые фигурирует топоним *Корела*, образованный от соответствующего этнонима, в древнерусском языке обозначавшего карелов. Позднее, в первой половине XVI в., город устойчиво продолжает называться Корелой.

Корела занимала третье место по численности населения среди пригородов Великого Новгорода, уступая Русе (3763 человека) и Яме (332 человека)²⁹⁸. На момент переписи в Кореле проживало 232 человека²⁹⁹. Писцовая книга сохранила преимущественно календарные имена жителей Корелы, причем

²⁹⁷ Бельский С. В. Могильник Кюлолахти Калмистомяки... С. 185.

²⁹⁸ НПК. Т. 3. Стб. 885; Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв. С. 32.

²⁹⁹ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года (Продолжение). С. 4.

имена были записаны в славянской форме, что не позволяет сделать однозначных выводов об этнической принадлежности горожан. Однако источники позволяют выдвинуть ряд предположений.

Одной из этнических групп в Кореле были славяне. Летописные известия 1310 г. говорят о том, что «ходиша новгородци... въ озеро, и идоша в реку Узьерву, и срубиша городъ на порозе новъ, ветхыи сметавше»³⁰⁰. Таким образом, Корельский городок создавался при непосредственном участии новгородцев – вероятно, славян. В конце XV в. в Кореле находилось 4 двора «Москвичъ на Спаском острове»³⁰¹. Немногочисленные «Москвичи» могли появиться в Кореле в результате испомещения детей боярских и служилых людей из центральных регионов Руси, в частности из Московской земли.

Присутствие в городе карелов подтверждается скудными антропонимическими данными: писцовая книга упоминает *Миккуя Якушова* (*Mikkoi* < *Михаил*), проживавшего на посаде Корелы, и *Ондрейка Ондруева* (*Androi* < *Андрей*), нетяглового воротника из Спасского острова³⁰². На посаде были записаны дворы «своеземцов Корельских», среди которых привлекают внимание повторяющиеся антропонимы: *Григорий Иванов Рокульский*, *Никита Павлов Рокульский*, *Исак Павлов Рокульский*³⁰³. Все они были связаны с одним из родов «корельских детей» – рокульцами³⁰⁴.

В начале XV в. в районе Сакульского погоста существовал Тиверский городок. В летописях он упоминается дважды. В 1404 г. Тиверский городок был передан вместе с 12 другими городами Новгородской земли в кормление

³⁰⁰ НПЛ. С. 92.

³⁰¹ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года (Продолжение). С. 4.

³⁰² Там же. С. 3, 6.

³⁰³ Там же. С. 5.

³⁰⁴ Подробнее см. параграф 2 настоящей главы.

князю Юрию Святославичу Смоленскому³⁰⁵. В 1411 г. «пригород новгородский Тиверский» был взят шведами и после этого, видимо, больше не восстанавливался, поскольку после 1411 г. не упоминается в источниках³⁰⁶. По мнению С. И. Кочуркиной, городок был назван Тиверским по имени одного из пяти родов корельских детей – тиврульцев³⁰⁷.

Писцовая книга упоминает и другие укрепленные поселения Корельского уезда. В Кирьяжском погосте записана деревня *Меглина весь у городка у Меглина*³⁰⁸. На территории Сакульского погоста находились деревни *на Соболинне в Коневской* и *на Соболинне на Немецком рубеже*³⁰⁹. Поселение *Соболинна* было, очевидно, карельским укреплением, что следует из значения этого топонима: *sobi* «мир, согласие», *linni* «город, крепость» (Соболинна – «Крепость мира»). Карельские укрепления были в конце XV в. в Сердовольском погосте. Упоминаются деревни *Ильяла у Лигуева городка*, *Марила под Лигуевым* и *Валгала у Лигуева*³¹⁰. То, что поселения названы городками, свидетельствует об их функционировании на рубеже XV–XVI вв. Некоторые укрепления теряли военное предназначение и превращались в поселения или были заброшены: так, в Кирьяжском погосте записана *деревня под Городищом*³¹¹. О гарнизонах городков ничего неизвестно, т. к. они не подлежали писцовому описанию. Тем не менее, как городки, так и располагавшиеся рядом с ними деревни имели карельские названия. Это позволяет думать, что среди местного населения и военных были карелы.

³⁰⁵ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 395.

³⁰⁶ НПЛ. С. 402.

³⁰⁷ Кочуркина С. И. Археологические памятники корелы. Л., 1981. С. 62.

³⁰⁸ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года (Продолжение). С. 73.

³⁰⁹ Там же. С. 64.

³¹⁰ Там же. С. 154, 155, 167.

³¹¹ Там же. С. 127.

Этническую ситуацию в Корельском уезде проясняют данные ойконимии. Названия поселений в своем большинстве сохранили карельский облик. Из 928 ойконимов уезда 558 были карельскими, что составляло 60 % ойконимии в целом. Наиболее значимая доля названий принадлежала *-l*-овым ойконимам. По мнению И. И. Муллонен, активность *-l*-овой ойконимной модели может свидетельствовать о массовом карельском освоении территории³¹². Названия с формантом *-l* имели 214 деревень (38,3 % всех карельских названий).

Плодотворной топонимической основой Приладожья была основа *jarvi* («озеро»), которая выявляется в 110 ойконимах (20 %). Широко использовалось слово *lakši* с основой *lahte*- («залив»): оно прослеживается в 79 названиях деревень (14 %). Основы *jarvi* и *lakši* отражали специфику расположения карельских деревень – по берегам и заливам озёр. Не менее продуктивными были антропонимические основы, отразившиеся в 69 ойконимах уезда (12, 3 %). Для образования названий деревень использовались как календарные, так и некалендарные антропонимы (*Ускалово*, *Мелитово*, *Койгуево*, *Проккуево* и др.).

Отдельно встречающиеся ойконимы являются по преимуществу ландшафтными и отражают характер местности. Карелами активно заселялись возвышенности и горы, названия которых переносились на поселения, возникшие при них: *Мягисельский остров* (*mägi* «гора»), *Кересурья*, *Нинисурья*, *Ладвосурья* (фин. *surja* «возвышенность, гряда, гора»), *Варбоселка*, *Морьеселка* (*selkä* «гора, возвышенность вытянутой формы»), *Гиемкумба* (*kumri*, *kumbi* «холм»), волостка *Масельга* (*moanselgä* «горный хребет, служащий водоразделом водных систем»)³¹³.

³¹² История и культура Сямозерья. С. 35.

³¹³ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года (Продолжение). С. 80, 92, 127, 146, 147, 156, 184.

Некоторые деревни располагались у проливов, ручьёв, истоков рек и небольших озёр. Писцовой книгой зафиксированы такие названия: *Салма*, *Галисалма* (*salmi* «пролив»), *Венуя*, *Товнуя*, *Кумбуя* (*oja* «ручей»), *Ладвосурья* (*latva, ladva* «исток»), *Мегра над озером над Ламбитцким* (*lampri* «небольшое лесное озеро без истоков»)³¹⁴. Деревни, находившиеся на островах и мысах имели названия с основой *suari* («остров») и *niemi* («мыс»): *Сарьярва*, *Ваймосарь*, *Турбосарь*, *Ояним*, *Кяйренима*, *Тенгонима*³¹⁵. Есть также деревни, в названиях которых закрепилось их лесное расположение: *Корбаченаково*, *Корбола*, *Корба* (*korbi, korpi* «глухой лес»), *Таубала* (*taibal* «лесное урочище»). Равнинные места отразились в основе *mantere* «безлесая равнина» (*Койтоселье в Мандере*)³¹⁶.

Характер расположения группы деревень отразился в названии *Ланилакшской перевары* Кирьяжского погоста (основа *lare-* «крайний, боковой»). Качитативными ойконимами были названия *Мустуя Гора* (*musta* «чёрный») и *Питкела* (*pitkä* «длинный»)³¹⁷.

Прибалтийско-финская ойконимия распределена в Корельском уезде неравномерно. Наибольшая доля карельских ойконимов встречается в Кирьяжском (86 %), Сердвольском (78 %), Иломанском (73 %) и Соломинском (56 %) погостах Задней Корелы. В Передней Кореле значительным процентом неславянской ойконимии отличается только Городенский погост (70 %); в Ровдужском и Сакульском погостах процент существенно ниже (39 и 37 % соответственно). Доля *-l-*овых названий особенно велика в Городенском (62 % от всех карельских ойконимов), Кирьяжском (50 %) и Сердвольском (41 %) погостах (см. приложение 4).

³¹⁴ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года (Продолжение). С. 38, 43, 83, 130, 133, 138, 158.

³¹⁵ Там же. С. 17, 55, 146, 156, 164.

³¹⁶ Там же. С. 78, 79, 105, 115, 132, 167, 185.

³¹⁷ Там же. С. 105, 131, 157; Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. С. 14, 27, 29, 30, 38, 39, 80.

Прибалтийско-финская антропонимия встречается в описаниях всех погостов Корельского уезда. Подавляющее большинство антропонимов представлено календарными личными именами и патронимами в славянской форме. Меньшее число антропонимов писцовой книги имеет прибалтийско-финское происхождение. Карельская антропонимия распределена по погостам уезда неравномерно. Наибольшая доля приходится на Городенский погост – 7 %. В прочих погостах процент носителей карельских антропонимов ниже: 4,2 % в Сердовольском погосте, по 4 % в Сакульском и Кирьяжском погостах, 3 % в Иломанском, 2,2 % в Ровдужском и 1,6 % в Соломинском (см. приложение 5).

Древнейший пласт собственных имен Корельского уезда представлен некалендарными антропонимами. Большинство карельских антропонимов играет роль патронимов и следует за личным календарным именем, которое фигурировало в писцовой книге преимущественно в славянской форме, например: *Самоилик Ускалов, Павелко Валлитов, Игнатко Игалов* и т. п.³¹⁸ Среди карельских некалендарных имен чаще других встречаются имена и патронимы с основой *Iha*: *Игала / Игола, Игалин / Иголин, Игалов, Игалкин, Игандуев, Игамелев*. Писцовая книга насчитывает 17 человек с подобными именами. Распространенным карельским именем было имя *Ускал*. С таким именем в писцовую книгу было записано 14 человек. Зафиксированы такие антропонимы, как *Новзеев / Новзуев (5 человек), Вихтуй / Вихтуев (5 человек), Тойвуттов (3 человека), Лембитов (2 человека), Валлитов (1 человек)*. К некалендарным антропонимам относятся патронимы *Валдин, Гамбуев, Голуев, Илмов, Калкалин, Коргуев, Котуев, Кукуев, Либуев, Лимбуев, Онкуев, Парандуев, Пиров, Чилкуев*. Среди календарных имен в карелизированной форме записаны патронимы *Проккуев < Проккуй < Прокопий, Теруев < Теруй < Тарасий, Петчуев < Петчуй < Пётр, Селуев < Селуй < Сила / Силуан, Михкуев < Михкуй < Михаил,*

³¹⁸ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года (Продолжение). С. 10, 48, 71.

Миллуев < Миллуй < Емельян). Личные имена прибалтийско-финского происхождения составляли меньшую долю по сравнению с аналогичными патронимами – всего 12 % от всего числа карельских антропонимов (17 личных имён и 123 патронима).

Календарная антропонимия в славянской форме не позволяет определить этническую принадлежность её носителей – это могли быть как славяне, так и крещеные карелы. Некоторые примеры показывают, что карелы носили славянизированные календарные имена, но при этом сохраняли карельское фамильное прозвание: *Захарко Карпин Нохкуев, Нестерик Гришкин сын Онкуева, Ивашко Кузмин сын Печуев, Марко Василев сын Парандуева, Ивашко Захаров сын Паруева, Нестерик Ивашков Гулкуев, Елизарко и Парфенко Лучкины Кохкуевы, Федко Паруй Иванов, Окулик Васков Габинов*³¹⁹. В традициях имянаречения использовались как календарные, так и некалендарные имена: *Васько Ивашков, сын его Ускалик, Куземка да Игалко Ивановы*³²⁰. Таким образом, календарные славянизированные имена вовсе не гарантируют того, что их носители были славянами. Несмотря на влияние славянской календарной антропонимии, в ономастиконе Корельского уезда в конце XV в. продолжали использоваться некалендарные прибалтийско-финские имена.

Учитывая совокупность антропонимических и ойконимических данных писцовой книги, можно говорить о том, что в Корельском уезде сосуществовали различные ономастические системы – славянская и прибалтийско-финская, – которые отражают процессы межэтнического взаимодействия славян и карелов. Преобладание славянской календарной антропонимии в Корельском уезде вовсе не означает вытеснения карелов из северо-западного Приладожья: примеры из писцовой книги позволяют считать, что многие карелы были наре-

³¹⁹ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года (Продолжение). С. 126, 127, 131, 132, 144, 155, 163.

³²⁰ Там же. С. 153, 175.

чены календарными именами в славянской форме. Это было следствием христианизации карелов и влияния славянской ономастической системы, построенной преимущественно на церковном месяцеслове. Писцовая книга позволяет убедиться в том, что роль месяцеслова в практике имянаречения была весьма сильной. Тем не менее, прибалтийско-финские имена продолжали активно использоваться.

Карельская ойконимия была более распространенной, чем антропонимия. Около 60 % всех поселений Корельского уезда сохраняли карельские названия. Здесь стоит учитывать важный вывод, сделанный исследователями топонимии: карельская ойконимная модель лишь после XV в. приобретает популярность, а наибольшей продуктивности достигает в конце XVIII – начале XIX в. Этот вывод сделан на основе анализа документального материала применительно к территории северо-западного Приладожья³²¹. Таким образом, доля карельских ойконимов впоследствии увеличивалась.

Конечно, данные писцовых книг не позволяют сделать точных и однозначных выводов. Можно полагать, что в конце XV в. территория Корельского уезда была заселена преимущественно карелами. Присутствие славян прослеживается в ближайшей к Новгороду Передней Кореле. Именно в Ровдужском и Сакульском погостах выявлен наименьший процент карельской ойконимии.

О более раннем проживании карелов в отдельных поселениях и областях Корельского уезда свидетельствует антропонимия и топонимия новгородских берестяных грамот. Основной текст грамоты № 403, относящейся к 60–70-м гг. XIV в., представляет собой запись повинностей или долгов: «у марка коробя | у гымуева брата полуторе белки в сандалакши | у мунданахта 2 беле | у пюхтино коробя то в погии у наймита белка»³²². Исходя из текста грамоты,

³²¹ История и культура Сямозерья. С. 35.

³²² *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). М., 1963. С. 103–104; *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. С. 595.

некий *Гымуев брат* находился в деревне *Сандалакша*. Этот карельский ойконим также известен по писцовой книге – он располагался в Кирьяжском погосте³²³. Относительно названия *Погиш* можно предположить, что здесь имелось в виду поселение *Погицы*. В 1499 / 1500 г. в Кирьяжском погосте известны три деревни с аналогичным названием – *Погицы Тиврольские*, *Мензуева Погица*, *Такуи Погицы*³²⁴. Таким образом, данная грамота содержит указания на повинности и / или долги карелов – жителей Кирьяжского погоста.

Примечательно, что в нижней части грамоты обнаруживается небольшой древнерусско-карельский глоссарий слов и выражений, необходимых для беседы на тему долгов. Возможно, составитель записи был новгородцем славянского происхождения, которому предстояло вести диалог с карелами на их родном языке³²⁵. Этот факт является важным свидетельством межэтнических контактов между славянами и карелами.

Грамота № 278 из слоя 1370-х – начала 1380-х гг. представляет собой долговой список: «у икагала у кривца 3 куницъ | у иголайдовъи в лаидиколъ поло рубля и 2 куницъ | у лѣинуя в лаидиколъ 6 бело | у филипа у дѣяка 30 бело | у захарии в калиница поло сорока {и 5} и 5 бело | у сидуя у авиници 4 куници | у микитѣ исто в нои у еванова 6 куници | у муномела в куролѣ у игалина брата поло рубля и 2 кунице | у лег»³²⁶. Известны поселения, где проживали некоторые из упомянутых носителей карельских имен. *Иголайдова* жена и *Лейнуя* жили в *Лаидиколе*. В писцовой книге записаны две деревни Кирьяжского погоста с названием *Ладикола*³²⁷. *Муномел Игалин брат* упоминается в

³²³ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года (Продолжение). С. 121.

³²⁴ Там же. С. 123, 127, 128.

³²⁵ *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. С. 598.

³²⁶ Там же. С. 596.

³²⁷ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года (Продолжение). С. 126–127.

Куроле, известной также по грамоте № 130. *Микита Иванов* носил календарное имя в славянской форме, однако проживал в поселении с карельским названием *Ноя*. Прочие имена карельского происхождения не привязаны к поселениям.

С. В. Бельский пытался связать название *Лаудикола* с *Кюлолакшей*. По его мнению, *Лаудикола* – это огласовка двух слов, переставленных местами – *kylä* и *lahti*, т. е. *kylälahti*. *Кюлолакша*, таким образом, упоминается в грамоте «более чем вероятно»³²⁸. Однако такая вероятность невозможна, поскольку это две разные деревни, названия которых хорошо известны по писцовой книге. С лингвистической стороны механизм появления ойконима *Лаудикола* из *Кюлолакши* необъясним.

В грамоте № 249 (1380-е – 1390-е гг.) присутствуют сообщения о нескольких разновременных грабительских нападениях со шведской стороны на карельских торговцев и рыбаков: «оу питина с(ы)на оу игалѣ и оу микитѣ третьего л[ѣ](та)... на 14 рублѣ микулинь ч(е)л(о)в(е)къ стен[ь] на... коневыхъ водахъ оу жабия носа оуби(лѣ оу) насъ... вуева с(ы)на и кавкагалу | а оузяле товара на 10 [рубле]въ | киреевъ с(ы)но и новзѣ лопинѣ лонѣ оу гювиева с(ы)на оу того жъ жябѣя носа приехавшѣ севилакшанѣ 8 ч(е)л(о)в(е)к взялѣ товара на 5 рублевѣ и лотку | на тыхъ жъ коневыхъ водахъ оу мундуя оу вармина с(ы)на взялѣ 10 лендомѣ рыбѣ»³²⁹. Упомянутые в грамоте *Игала Путин сын*, *Кавкагала*, некий *Гювиев сын* и *Мундуй Вармин сын* носили карельские имена. Место их проживания косвенно устанавливается исходя из гидронима *Коневы Воды*. *Коневы Воды* – это калька с прибалтийско-финского гидронима *Оривеси*, который означал озеро на территории Иломанского погоста. Озеро *Оривеси* входило в систему Сайменских озёр³³⁰. Среди нападавших упомянуты не только

³²⁸ Бельский С. В. Могильник Кюлолахти Калмистомяки... С. 190.

³²⁹ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 623.

³³⁰ Кочуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н. Письменные известия о карелах (X–XVI вв.). Петрозаводск, 1990. С. 86.

жители шведского погоста Саволакс («севилакшане»), которые могли быть как шведами, так и прибалто-финнами, но и некто *Новзе лопин*. Если принимать точку зрения, согласно которой прозвище *Лопин* означало саама, то это доказывает, что в районе Сайминских озёр проживали саамы.

Грамота № 130, найденная в слое 1380-х – 1400-х гг., представляет собой запись даней или товаров, которые исчисляются в тканях («серь» и «водмол»): «у вигаря 20 локото хъри безо локти | у валита в кюлолакши 14 локти хъри | у ваиваса у ваякшина 12 локти водмолу и поло третия нацате локти хъри | у мелита в куролѣ 4 локти хъри»³³¹. *Кюлолакша* в данном случае – это известное по писцовой книге поселение Кирьяжского погоста³³². Название деревни имеет прибалтийско-финское происхождение и означает «поселение, расположенное в заливе» (*kylä* «деревня, поселение», *lakši* «залив»). Поселение *Курола* имело название с прибалтийско-финским *-l*-овым формантом. Ойконим неизвестен писцовой книге: возможно, он претерпел изменения и был зафиксирован в конце XV в. в Кирьяжском погосте как *Куролежи*³³³. И в Кюлолакше, и в Куроле проживали носители карельских имен – *Валит* и *Мелит* соответственно. *Вигарь* и *Ваивас Ваякшин*, о месте проживания которых нет указаний, также носили карельские имена.

В грамоте № 243 (1420-е гг.) содержится сообщение землевладельцу о том, что некий крестьянин перешел жить в его владения: «поклон от сменка от корѣлина | пришле г(осподи)не к тобѣ на село на пытарево | цимь его жалуешь и ты осп(о)д(и)не прикажи всякое слово | а язъ тобѣ своему г(осподи)ну цоломь бѣю»³³⁴. Это письмо было отнесено исследователями к числу «карельских» грамот на основании прозвища корреспондента – *Корелин*, – которое, возможно, указывает на его этническое происхождение. Ойконим *Пытарево*

³³¹ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 597.

³³² Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года (Продолжение). С. 122.

³³³ Там же. С. 134, 140, 141.

³³⁴ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 674.

в писцовой книге не обнаружен. Есть предположение, что за ним скрывается карельское название деревни *Петерва*³³⁵. Группа деревень с таким названием была записана в Сакульском погосте³³⁶.

Таким образом, берестяные грамоты свидетельствуют о том, что в XIV – первой четверти XV в. в ряде поселений Сакульского, Кирьяжского и Иломанского погостов жили носители карельских имён. Поселения имели карельские наименования, что позволяет считать их жителей карелами.

Показания письменных источников дополняют археологические исследования, проводившиеся в северо-западном Приладожье. Этот регион дает богатый археологический материал, соотносимый с приладожскими карелами XI–XV вв. Результаты многочисленных раскопок представлены в ряде работ С. И. Кочкуркиной³³⁷, А. И. Саксы³³⁸ и С. В. Бельского³³⁹. Ниже приводятся результаты исследований в районах тех поселений, названия которых зафиксированы писцовой книгой 1499 / 1500 г. Стоит учитывать, что в современном варианте прежние названия карельских населенных пунктов финнизировались. По этой причине вместе с современным топонимом приводится более древний его вариант, если таковой сохранился в писцовой книге 1499 / 1500 г.

Археологическое изучение города Корелы показало, что в XV в. произошло расширение его территории: общая площадь была увеличена более чем в

³³⁵ Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н. Письменные известия о карелах (X–XVI вв.). С. 87.

³³⁶ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года (Продолжение). С. 45–48.

³³⁷ Кочкуркина С. И. Археологические памятники корелы; *Она же*. Древняя Корела. Л., 1982; *Она же*. Карелы. С. 160–171.

³³⁸ Сакса А. И. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб., 2010.

³³⁹ Бельский С. В. Могильник Кюлолахти Калмистомяки...; *Он же*. Хронология погребальных памятников Карельского перешейка и Северного Приладожья XI–XV вв. // *Stratum plus*. 2014. № 5. С. 317–332.

7 раз. В последней четверти XV в., незадолго до переписи, был заселен Спасский остров³⁴⁰. Именно на Спасском острове встречаются жители с прибалтийско-финскими именами. Заселение новых территорий Корелы шло как за счет карелов из сельской округи, так и славян-мигрантов. По писцовой книге известно, что в Кореле проживали *Москвичи*, которые появились здесь вероятнее всего в результате «испомещения». Планировка города, жилые постройки срубного типа и материальная культура в целом свидетельствуют о доминирующей роли славянского влияния в Кореле³⁴¹. Однако в соседстве со славянскими изделиями встречались вещи карельского облика. Это позволяет заключить, что в городе совместно проживали славяне и карелы³⁴².

Полиэтническим поселением был Тиверский городок. Тиверская крепость имеет сходства с остальными архитектурными памятниками, приписываемыми кореле: об этом говорит выбор места для поселения (остров с оборонительным предназначением), использование камня, сухая кладка и невысокое расположение боевой площадки. Отдельные находки имеют местный, карельский характер³⁴³.

Карельские археологические памятники и отдельные находки известны в деревнях, в 1499 / 1500 г. входивших в состав Городенского погоста. Это деревни Коверила (*Коврола* писцовой книги), Ярвенпяя (*Ярвенпя*) и Сяпяяс (*Сяпя*)³⁴⁴. Крупным карельским поселенческим центром, который сложился ещё в XI в., была Ряйсяля. При описании Городенского погоста отмечена

³⁴⁰ *Киртичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 140.

³⁴¹ *Кочкуркина С. И.* Древняя Корела. С. 39.

³⁴² *Сакса А. И.* Древняя Карелия... С. 223.

³⁴³ *Кочкуркина С. И.* Археологические памятники... С. 62; *Киртичников А. Н., Петренко В. П.* Тиверский городок // Краткие сообщения Института археологии. М., 1974. Вып. 139. С. 111.

³⁴⁴ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года (Продолжение). С. 14, 15, 21, 22, 28, 30, 32.

группа из трех деревень с названием *Ряжела*³⁴⁵. Динамично развивавшимся средневековым поселением А. И. Сакса считал Сяркисало³⁴⁶. Известны деревня *Сергисела у часовни над озером Узервою* и деревня *на Сергиселе Остров*³⁴⁷. На территории Сакульского погоста средневековые карельские находки известны в Ояниemi (*Ояним*)³⁴⁸, Нойениemi, Кивиниemi и Сипилянмяки³⁴⁹. В соседнем Ровдужском погосте известны следы двух карельских могильников. Они находились в деревне Хаапякуля (*Габакула*)³⁵⁰ и Лейникюля. Также в Ровдужском погосте найден монетный клад XI в. – Мустиланмяки (*Мустуева Гора*)³⁵¹.

В Сердовольском погосте археологами изучено карельское городище на юге острова Мякисало, построенное после середины XIV в. (*Мягисела на Мягисельском острове*)³⁵². Ряд находок был сделан в пригороде Кюмёля и деревне Лиикола (деревни *Кемельская весь* и *Лигола* Сердовольского погоста)³⁵³. Между Сердовольским погостом и поселком Хелюля (*Гелюля*)³⁵⁴ обнаружено

³⁴⁵ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года (Продолжение). С. 16, 20, 24.

³⁴⁶ Сакса А. И. Древняя Карелия... С. 183, 188.

³⁴⁷ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года (Продолжение). С. 13.

³⁴⁸ Там же. С. 55.

³⁴⁹ Сакса А. И. Древняя Карелия... С. 181.

³⁵⁰ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года (Продолжение). С. 112.

³⁵¹ Там же. С. 115; Сакса А. И. Древняя Карелия... С. 182.

³⁵² Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года (Продолжение). С. 163.

³⁵³ Там же. С. 162, 165.

³⁵⁴ Там же. С. 154.

карельское городище Паасонвуори, функционировавшее в XII–XV вв. Могильники и отдельные находки сделаны на о. Риеккала³⁵⁵. Известно, что в конце XV в. здесь была группа деревень с названием *Рекала*³⁵⁶.

Значительное число археологических памятников было открыто на территории Кирьяжского погоста. Поселения и могильники XI–XIV вв. обнаружены в Лапинлахти. В 1499 / 1500 г. в Кирьяжском погосте была записана деревня *Лапилакша*, а также *Лапилакшская перевара*³⁵⁷. В районе поселка Куркиёки (Кирьяжский погост) по берегам заливов выявлено большое количество археологических памятников различных эпох, собрана большая коллекция случайных находок. Наиболее известные находки – могильник Кюлолахти Калмистомяки, всесторонне изученный С. В. Бельским, а также могильники в деревнях Терву, Сорала и Кууппала. Писцовая книга сохранила ранние названия перечисленных деревень: *Куппала*, *Тервозимская весь*, *Соральская весь* и *Кюлолакша над лахтою над Кюлолакшскою*³⁵⁸. На берегу озера Ковериланъярви (*Коверское озеро*) найден могильник Кекомьяки в деревне Коверила, состоящий из 14 погребений XII–XIII вв. В писцовой книге записана группа деревень *Коврола*, расположенная рядом с Коверским озером³⁵⁹. Карельские средневековые вещи присутствовали на острове Кильпола (*Кильбоостров* новгородских актов) и в деревне Петкола (*Петкола* Кирьяжского погоста)³⁶⁰.

Обозначенные поселения и могильники, изученные археологами, вовсе не исчерпывают перечень карельских средневековых древностей. На этих примерах видно, что многие деревни, записанные в Корельском уезде в 1499 / 1500 г., были древними карельскими поселениями, которые функционировали в XI–

³⁵⁵ Сакса А. И. Древняя Карелия... С. 269–270, 280.

³⁵⁶ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года (Продолжение). С. 150, 166.

³⁵⁷ Там же. С. 131.

³⁵⁸ Там же. С. 121, 122, 128, 129.

³⁵⁹ Там же. С. 15, 21, 22, 28.

³⁶⁰ Там же. С. 125; Сакса А. И. Древняя Карелия... С. 180, 237, 245, 266, 280.

XV вв. Присутствие материальной культуры карелов в перечисленных поселениях наряду с антропонимическими и ойконимическими данными позволяет утверждать, что на протяжении нескольких столетий, вплоть до рубежа XV–XVI в., здесь жили карелы. Этническая специфика карельских вещевых комплексов в большей степени прослеживается в находках XI–XIV вв. На примере могильника Кюлолахти С. В. Бельский показал, что в первой половине XV в., но не ранее, в погребальной обрядности карелов происходит постепенный переход к погребениям, при которых отсутствуют какие-либо артефакты. В это время погребальный обряд унифицируется под влиянием церковных традиций: создаются надмогильные сооружения типа жальников, погребение производится в гробах³⁶¹.

Таким образом, свидетельства антропонимических и топонимических данных, а также вещественных источников говорят о том, что территория Корельского уезда была освоена преимущественно прибалтийско-финским (карельским) населением. К рубежу XV–XVI в. в уезде проживала значительная доля славян. Под влиянием христианства карелы использовали практику наречения календарными именами. Тем не менее, карельские антропонимические традиции не исчезли и продолжали функционировать. Ойконимы в большей степени, чем антропонимы сохраняли прибалтийско-финский облик. Можно выделить своеобразные анклавные территории, где наиболее прочно сохранялся прибалтийско-финский ономастикон – это Городенский, Кирьяжский и Сакульский погосты. Преобладание в них карельской антропонимии и ойконимии не кажется случайным. Для решения этого вопроса необходимо обратиться к проблеме присутствия в северо-западном Приладожье так называемых «детей корельских».

³⁶¹ Бельский С. В. Хронология погребальных памятников... С. 330.

§ 2. «Дети корельские» в северо-западном Приладожье

Ряд новгородских актов 60–80-х гг. XV в. упоминает неких «корельских детей». Среди историков нет единства по поводу того, кого необходимо понимать под этими людьми. Этническое содержание очевидно, но можно предполагать также и социальное – выражение «корельские дети» явно коррелирует с обозначением низшей знати – «дети боярские», хорошо известным по русским источникам XV–XVII вв. В настоящем разделе предлагается комплексный анализ всех данных об этой группе с целью выяснить её характер и происхождение.

В. О. Ключевский предполагал, что корельские дети – это карелы, населявшие Беломорское побережье во времена основания Соловецкого монастыря³⁶². Позднее он скорректировал свою точку зрения, утверждая, что под корельскими детьми стоит понимать выходцев из города Корелы, предпринимавших различные промысловые походы на север³⁶³. С. С. Гадзяцкий определял корельских детей как карелов-вотчинников, объединенных в 5 родов, каждый из которых имел своё название. Земельные владения корельских детей могли находиться как в распоряжении всех пяти родов, так и отдельно взятого рода. Новгородские акты упоминают крупных и средних вотчинников, чьи владения располагались в северо-западном Приладожье и в карельском Беломорье³⁶⁴. И. П. Шаскольский понимал под «корельскими детьми» карельское

³⁶² Ключевский В. О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае. М., 1867. С. 4.

³⁶³ Ключевский В. О. Разбор исследования г. Чечулина. Отзывы и ответы. М., 1914. С. 439–440.

³⁶⁴ Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в новгородское время. С. 144–145.

население западного Поморья, которое появилось там в результате переселения в течение XIII–XIV вв. из основной карельской племенной территории – погостов северо-западного Приладожья³⁶⁵.

Упоминание корельских детей в берестяной грамоте № 248 привело В. Л. Янина и А. А. Зализняка к мысли о наличии в северо-западном Приладожье в конце XIV – начале XV в. карельского родового нобилитета, обладавшего значительной собственностью³⁶⁶. Что касается названий пяти родов корельских детей, то у исследователей нет на этот счет единого мнения. С. С. Гадзяцкий перечислял рокульцев, тиврольцев, валдольцев, вымольцев и курольцев³⁶⁷. Р. Б. Мюллер и А. Ю. Жуков упоминали рокульцев, вальдольцев, вымольцев, курольцев и Наволоч-род³⁶⁸. Таким образом, обозначенной темы касались немногие авторы. Наличие неразрешенных вопросов требует специального обращения к ним.

Основным источником сведений о корельских детях является актовый материал, представленный новгородскими купчими, поручными, данными и духовными грамотами XV в. на земельные участки в карельском Беломорье³⁶⁹. Кроме того, о корельских детях упоминает берестяная грамота № 248, которая происходит из слоев 1380-х – 1390-х гг.

Понятие «корельские дети» встречается в 6 грамотах Обонежья, относящихся к периоду 60-х – первой половины 80-х гг. XV в. (ГВНП № 222, 303,

³⁶⁵ Шаскольский И. П. Берестяные грамоты как источник по внешнеполитической истории Новгорода XIV–XV веков // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 73.

³⁶⁶ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. С. 197.

³⁶⁷ Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в новгородское время. С. 144.

³⁶⁸ Жуков А. Ю. Приладожье в 1500 году. С. 104–114; Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. С. 29.

³⁶⁹ ГВНП. С. 288–312.

304, 319, 327, 328)³⁷⁰. Дважды понятие фигурирует в форме «дети корельские» (№ 222 и 327). Все указанные грамоты оформляли различные имущественные сделки частных лиц с Соловецким монастырем: продажу, дарение, завещание и передачу в залог монастырю земельных владений и угодий. В начале 70-х гг. XV в. Соловецкий монастырь купил у Григория Давыдова земельные участки на реках Выг, Шуя и Кемь «промежи пяти родовъ корельскихъ детеи»³⁷¹. В это же время Олфуй Юрьев заложил находившуюся на Выге и Шуе «отцину свою Корелской земли, промежю пятию родъ корелскихъ детеи»³⁷². Во второй половине 70-х гг. Григорий Иванович завещал Соловецкому монастырю вотчину «в Корелской земле... между пятиа роды, куды ходять корелскии дети»³⁷³. В первой половине 80-х гг. XV в. воевода Федор Иванович, «дети корельстии» и «вся рать каянская» передали в дар Соловецкому монастырю колокол³⁷⁴. Также в начале 80-х гг. Нестор Иванович передал Соловецкому монастырю вотчину своего брата Федора, находившуюся на реках Умба и Варзуга «межъ дедтми корелскими»³⁷⁵. К широкому периоду 60–80-х гг. XV в. относится «данная» грамота Матвея Ильина Соловецкому монастырю на участок «промежу пятию роды корельскими детьми»³⁷⁶.

В более ранних грамотах конца 40-х – первой половины 70-х гг. XV в. о корельских детях нет упоминаний: использовались такие обороты, как «межу корелою, куды все 5 родовъ володеють» (№ 296), «промежи пяти родовъ» (№

³⁷⁰ Датировка грамот приведена по изданию: *Янин В. Л.* Новгородские акты XII – XV вв.: Хронологический комментарий.

³⁷¹ ГВНП. С. 298.

³⁷² Там же. С. 299.

³⁷³ Там же. С. 312.

³⁷⁴ Там же. С. 311.

³⁷⁵ Там же. С. 246.

³⁷⁶ Там же. С. 307.

301), «промежю корелои пяти родовъ» (№ 302), «межю корелои» (№ 322). Таким образом, понятие «корельские дети» как обозначение социальной группы появляется в актах не ранее 60-х гг. XV в.

Обращение к обонежским грамотам XV в. позволяет определить названия пяти родов и расположение их земельных владений. Географические названия северо-западного Приладожья, зафиксированные текстом писцовой книги, локализуют основные поселения, связанные с «корельскими» родами. Несмотря на то, что в грамотах идет речь о землевладении «промеж пяти родов», названий этих родов насчитывается 6. Грамоты упоминают роды рокульцев (грамоты № 286, 287, 291), куролецев (№ 286, 287), валдольцев (№ 296, 300, 319), вымольцев (№ 297, 298, 312, 318, 327), тиврольцев (№ 327) и Наволоч-род (№ 322)³⁷⁷. Следовательно, один из пяти родов имел двойное название.

Эту проблему позволяет решить ойконимия Корельского уезда. Род рокульцев был связан, видимо, с Городенским и Сакульским погостами: в Сакульском погосте были записаны деревни *Рокула у озера Сванского* и *Рокула селище*³⁷⁸. В деревнях Городенского погоста проживали некоторые представители рода рокульцев, известные по писцовому описанию своеземцы *Григорий Иванов Рокульский, Никита Павлов Рокульский, Исак Павлов Рокульский, Микифор Яковль Рокульский*³⁷⁹. Следует согласиться с С. С. Гадзяцким в том, что род рокульцев был наиболее многочисленным и богатым: если своеземцы Корельского уезда владели 2–3 обжами, то Григорий Рокульский владел 62 обжами в Городенском и Сакульском погостах³⁸⁰. Известно, что *Григорий, Никита* и *Исак Рокульские* владели дворами в городе Кореле, но не проживали

³⁷⁷ ГВНП. С. 288, 289, 291, 294–297, 303, 307, 309, 311.

³⁷⁸ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года (Продолжение). С. 48.

³⁷⁹ Там же. С. 13, 16–18.

³⁸⁰ *Гадзяцкий С. С.* Карелы и Карелия в новгородское время. С. 19.

там: их дворы упомянуты в писцовой книге среди дворов «своеземцовъ Корельскихъ»³⁸¹. Таким образом, область проживания рокульцев находилась к югу от города Корелы.

Севернее находились поселения, связанные с родом тиврольцев: деревни *Тивра на речке Тивре* и *Чернокунская на Тивре* Городенского погоста, а также деревни *Тиврола* и *Погици Тиврольские* Кирьяжского погоста³⁸². В основе всех этих названий находился гидроним *Тивра*. С тиврольцами мог быть связан Тиверский городок, который существовал в начале XV в. в районе Сакульского погоста.

На валдольцев указывает один ойконим – деревня *Валдола* Кирьяжского погоста³⁸³. К этому же погосту принадлежат поселения рода куролецев, поскольку здесь зафиксированы 3 деревни с названием *Куролежи*³⁸⁴. С. В. Бельский указывает, что на острове Кильпола (*Кильбоостров* Кирьяжского погоста) находилось поселение *Курола*³⁸⁵. Однако ойконим *Курола* неизвестен писцовым книгам, хотя упоминается вместе с карельскими именами в берестяных грамотах № 278 (1370-е – начало 1380-х гг.) и № 130 из слоя 1380-х – 1400-х гг.³⁸⁶

Наконец, остаются два рода – вымольский (вымольцы) и Наволоч-род. Ойконимия Кирьяжского погоста позволяет отождествить их, так как в этом погосте упоминается деревня *Вымольский наволок*³⁸⁷. Вероятно, деревня получила своё название по особенностям географического расположения: вымол

³⁸¹ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года (Продолжение). С. 5.

³⁸² Там же. С. 8, 25, 30, 123.

³⁸³ Там же. С. 122.

³⁸⁴ Там же. С. 134, 140, 141.

³⁸⁵ Бельский С. В. Могильник Кюлолахти Калмистомяки... С. 191.

³⁸⁶ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 596–597.

³⁸⁷ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года (Продолжение). С. 122.

представлял собой намытую водой возвышенность у реки / озера. Наволоком считался мыс у моря, озера или реки³⁸⁸. Следовательно, *Вымолский наволоок* – это намытый водой мыс у реки / озера. Возможно, на этом участке суши можно было осуществлять волок судов. В данном случае может идти речь о побережье Ладожского озера, где располагался Кирьяжский погост.

О событиях более ранней истории рода вымольцев сообщает берестяная грамота № 248. Текст грамоты следующий: «бѣють челомъ корила погоская кюлолаская и кюриеская господину новугороду | приобижены есмь с немечкои половинѣ | оцтина наша и дидѣна [от](им)ана оу вымолчовъ господь | а имали кречетея... лопь и вьржи пограбилѣ | а сами есмь |...»³⁸⁹.

У исследователей встречается различная интерпретация текста грамоты. По мнению И. П. Шаскольского, «корила погоская» – это население части Корельской земли, которая имела деление на погосты, в отличие от карелов, живущих между Белым морем и Ботническим заливом³⁹⁰. То есть в грамоте идет речь о карелах Кюлолакшского и Кирьяжского погостов. С. В. Бельский предположил, что «корила погоская» – это население отдельного административного округа, Городенского погоста конца XV в. Следовательно, в грамоте идет речь о населении трёх, а не двух погостов³⁹¹. Точка зрения С. В. Бельского опровергается свидетельством им же цитируемой летописи под 1396 г.: «Того же лета пришедше Немци в Корельскую землю и повоеваша 2 погоста: Кюрьескыйи и Кюлоласкыйи, и церковь сожгоша»³⁹². Таким образом, грамота говорит о двух погостах, при этом «корила погоская» – это родовое понятие, а «Кюлолаская и Кюриеская» – видовое по отношению к погосту.

³⁸⁸ Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. С. 15.

³⁸⁹ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 623.

³⁹⁰ Шаскольский И. П. Берестяные грамоты... С. 72.

³⁹¹ Бельский С. В. Могильник Кюлолахти Калмистомяки... С. 186.

³⁹² НПЛ. С. 387.

Споры вызывает фраза «оцтина наша и дидѣна [от](им)ана оу вымолчовъ господъ | а имали кречетея... лопь и вьржи пограбилѣ». А. В. Арциховский считал, что грамота представляет собой начало важного государственного документа, адресованного «Господину Новгороду» от лица «вымольцев господ», т. е. карельского родового нобилитета, пострадавшего от нападения из Швеции³⁹³. Точка зрения основана на прямолинейном переводе текста грамоты: «Отеческое наше и дедовское захвачено у вымолецких господ»³⁹⁴. И. П. Шаскольский поддержал такую интерпретацию и связал берестяную грамоту с уже упоминавшимся летописным известием 1396 г., в котором сообщается о нападении с шведской стороны на Кирьяжский и Кюлолакшский погосты³⁹⁵. Связать известия двух источников позволяет и то, что археологическая датировка грамоты (80–90-е гг. XIV в.) коррелирует с летописной.

А. А. Зализняк поддержал другую версию перевода: «Отцовское наше и дедовское захвачено вымолецкими господами. А захватили кречетиные [ловища], пограбили землю лопарей и верши»³⁹⁶. По его мнению, фраза «[от](им)ана оу вымолчовъ господъ» представляет собой пассивный оборот с предлогом у. В такой интерпретации грамота была написана жителями Кюлолакшского и Кирьяжского погостов по причине их конфликта как со шведской стороной, так и с представителями карельского рода вымольцев. Несмотря на различные переводы текста, важен факт именованя вымольцев «господами», который указывает на их высокий социальный статус землевладельцев в Корельской земле. Таким образом, грамота № 248 впервые дает прямое подтверждение существования одного из пяти родов в конце XIV в. в северо-западном Приладожье.

³⁹³ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958. С. 234.

³⁹⁴ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 623.

³⁹⁵ Шаскольский И. П. Берестяные грамоты... С. 74.

³⁹⁶ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 623.

Об аналогичном нападении шведской стороны сообщает грамота № 249, найденная вместе с грамотой № 248 и археологически датируемая тем же периодом. Обе грамоты имеют одинаковый почерк: возможно, это части одного большого послания на нескольких листах³⁹⁷. Грамота № 249 содержит ряд антропонимов прибалтийско-финского происхождения: личные имена *Игала*, *Кавкагала*, *Новзе*, *Мундуи*, патронимы *Гювиев* и *Вармин*³⁹⁸. Учитывая связь двух грамот, можно предполагать, что в грамоте № 249 также идет речь о нанесении ущерба корельским детям.

По данным писцовой книги, деревня *Вымолский наволок*, поселенческий центр вымольцев, в 1499 / 1500 г. входила в состав Кюлолакшской перевары Кирьяжского погоста. Это позволяет предположить, что в конце XIV в. деревня входила в существовавший на тот момент Кюлолакшский погост, пострадавший от нападения шведов. В течение последующего столетия Кюлолакшский погост слился с Кирьяжским.

Таким образом, наибольшее скопление ойконимов, связанных с пятью корельскими родами, прослеживается в Кирьяжском погосте: здесь, вероятно, находились поселенческие центры валдольцев, куролецев и вымольцев – северных родов Корельского уезда. Тиврольцы освоили территорию южнее – в Кирьяжском и Городенском погостах. Наконец, на юге уезда проживали рокульцы. Ойконимы, связанные с названием этого рода, находились в Городенском и Сакульском погостах.

Формулировки духовных, купчих и данных грамот на земельные владения представителей 5 родов позволяют утверждать, что роды были объединены коллективной собственностью на землю и угодья. Об этом свидетель-

³⁹⁷ *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. С. 622.

³⁹⁸ Там же. С. 625.

ствуют грамоты, упоминающие владения «промежи пяти родовъ», «межю корелою, куды вся 5 родов володеють», «промежю корелои пяти родовъ»³⁹⁹. Помимо указаний на землевладение 5 родов есть сведения о владениях отдельных родов. Упоминаются участки «межю курольце и ровкульце», «промеж Вымольци», «межю Наволоча роду». В грамотах используются обороты «а то родъ Вымолоцкии», «отцина... Рокольского роду»⁴⁰⁰.

Земельные владения корельских детей располагались преимущественно в Обонежской пятине по рекам Беломорского бассейна – Выг, Сорока, Кемь, Воньга, Шуя, Умба и Варзуга (см. приложение 6). Реки Умба и Варзуга протекают из средней части Кольского полуострова на юг. Известно, что в 1419 г. норвежцы на кораблях совершили нападение на *Корельский погост*, располагавшийся на реке Варзуге⁴⁰¹. Некоторые владения корельских детей находились на *Кильбоострове* (современный остров Кильпола), который входил в административную структуру Кирьяжского погоста Корельского уезда⁴⁰². Деревня *Ракульская*, расположенная в Вытегорском Покровском погосте Обонежском пятины, обязана своим названием роду рокульцев⁴⁰³. Видимо, владения рода находились не только на Беломорье, но и на юго-восточном побережье Онежского озера.

В середине XV в. отдельные представители родов уже имели право самостоятельно, без участия других членов рода, отчуждать свои земельные владения и угоды за пределы 5 родов. Среди покупателей вотчин встречаются представители новгородской администрации. В конце 40-х – 50-х гг. XV в. посадник Афанасий Есифович купил участки «межю курольце и ровкульце». Известно о двух его сделках – с Иваном Федоровым и Иваном Лускаловым – на

³⁹⁹ ГВНП. С. 295, 297–299.

⁴⁰⁰ Там же. С. 289, 291, 295, 296, 303, 307, 309.

⁴⁰¹ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 426.

⁴⁰² ГВНП. С. 289, 291, 294–296, 309.

⁴⁰³ ПКОП. С. 15.

участки по беломорским рекам Выг и Сорока⁴⁰⁴. В эти же годы Ховра Васильева продала посаднику Дмитрию Васильевичу «отцину свою Рокольского роду»⁴⁰⁵. Известно также 9 грамот о приобретении земель Соловецким монастырем, 2 связаны с Вяжицким монастырем. То, что корельские дети активно выступают вкладчиками в монастыри, свидетельствует об их принадлежности к православию.

Как упоминалось выше, к середине XV в. у корельских детей сложилась практика «в лопь ходити и празгу имати», т. е. взимать натуральный / денежный оброк с «лопи» за пользование землями и угодьями, принадлежавшими корельским детям. В данном случае под «лопью» следует понимать саамов, проживавших на Кольском полуострове и в бассейне Белого моря. Так, в конце 40-х – 50-х гг. XV в. Юрий Каргуев продал Ивану Аввакумову несколько земельных участков, так что последнему разрешалось «на декои лопи до Тирьского наволока торговати... и празга ему емати»⁴⁰⁶. На рубеже 60–70-х гг. XV в. Павел, Иван и Борис купили у Бориса Калтоева «землю и воду, и в лопь ходити, и празгу имати, участокъ Парандоевъ»⁴⁰⁷. Во второй половине 70-х гг. Григорий Иванович завещал Соловецкому монастырю свою вотчину, куда входили «по морскому берегу и земля и вода, и лес полешеи, и пожни, и ловища, и на лопи межу пятиа роды, куды ходять корелскии дети»⁴⁰⁸.

Можно предположить, что корельские дети осуществляли подобные сборы не только в свою пользу, но и для Новгородской казны. В этом случае

⁴⁰⁴ ГВНП. С. 289.

⁴⁰⁵ Там же. С. 291.

⁴⁰⁶ Там же. С. 309.

⁴⁰⁷ Там же. С. 308.

⁴⁰⁸ Там же. С. 312.

некоторые представления о даннических взаимоотношениях по модели «славянский центр – финно-угорская периферия»⁴⁰⁹ не совсем корректны. Если предположение верно, то в XV в. существовала многоступенчатая практика сборов с прибалтийско-финских этнических групп, а сами их представители были включены в фискальную систему Новгорода не только в качестве данников, но и собирателей сборов.

Практика сборов с саамского населения была ограничена, видимо, в начале XVI в., когда появились «наказные памяти» великого князя Василия Ивановича сборщикам дани в Лопской земле от 1517 г.

Появление боярского землевладения в Беломорье неизбежно привело к столкновению экономических интересов новгородского боярства и корельских детей. Попыткой разрешить конфликты, связанные с использованием беломорских угодий, стало появление «корельского» и «боярского» года. По упомянутой выше купчей Ивана Аввакумова, он получил право «полесовати 4-ма человекомъ в корельи годъ на Выгу, а в боярскы годъ...человекомъ в корельской части»⁴¹⁰. Таким образом, пользование угодьями на реке Выг регулировалось «корельским» и «боярским» годами. Видимо, существовала территория, именуемая «корельской частью»: в ней карелы могли пользоваться угодьями в период «боярского» года.

О «корельском» годе и связанном с ним конфликте упоминает рядная грамота № 240, которая датируется 40-ми гг. XV в. Судя по грамоте, новгородский тысяцкий Дмитрий Васильевич отправил своих рыболовов «на корельской годъ на свою куплю на Выгъ»⁴¹¹. В результате «корела тысячкого Дмитревыхъ людеи сгониле, и сети выкинуле корела». Возместить материальный ущерб тысяцкому «за свою вину, рубль» был обязан некий Никита Иванович.

⁴⁰⁹ *Темущев С. Н.* Летописные представления о даннической зависимости от Руси периферийных финно-угорских племен // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2017. № 3 (69). С. 135–136.

⁴¹⁰ ГВНП. С. 309.

⁴¹¹ Там же. С. 291.

Кроме того, ему следовало «не вступатся в тысячкою Дмитрия Васильевича куплю, по купным грамотамъ тысячкою Дмитрея Васильевича». И так, причиной конфликта послужило вторжение карелов в угодья, купленные тысяцким. Судя по всему, он имел право пользоваться купленным участком вне зависимости от «корельского» или «боярского» года. В некоторой степени прецедент схож со случаем, известным по мировой грамоте 1375 г., когда местные жители восприняли законное пользование землей и угодьями как вторжение на их территорию.

Позднее, в первой половине 70-х гг. XV в., Никита Иванович выступает в качестве дарителя земли на реке Выг Соловецкому монастырю⁴¹². То, что Никита Иванович владел землей на реке Выг и выплачивал компенсацию ущерба, нанесенного тысяцкому карелами, позволяет отнести его к корельским детям.

Таким образом, корельские дети представляли собой землевладельцев, чьи владения располагались по рекам бассейна Белого моря, на Кольском полуострове и юго-восточном побережье Онежского озера.

Этническая принадлежность корельских детей устанавливается исходя из упоминания «корельских» родов, к которым они принадлежали, а также их земельных владений «межу корелою» и «промежю корелой пяти родовъ». О том, что корельские дети были карелами, позволяют также судить их антропонимы. Немногочисленны некалендарные патронимы, например: *Олена Ораванова* из рода валдольцев (*Oravan* < *oravan* «белка»), *Юрий Каргуев* из рода вымольцев (*Karhoi* < *karhei* «грубый, суровый»), *Борис Калтое*, род которого неизвестен (*Kaltoi* < *kalto* «косой»)⁴¹³. *Борис Калтое* продал участок некоего *Парандоя* (*Parandoi* < *parandua* «лечить»). Встречаются единичные календарные имена в прибалтийско-финской форме: *Вачуй Пендин* (*Вачуй* < *Vatšoi* < *Василий*); также возможно, что это некалендарное имя, образованное от *vašši*

⁴¹² ГВНП. С. 296.

⁴¹³ Там же. С. 307, 309.

«живот, брюхо»; *Пендин* < *Pentoï* < *Пантелеимон*), *Фома Мануев* (*Manoi* < *Мануил*), *Фома Максимов Менуев* (*Menoi* < *Мина*), *Олфуй Юрьев Корелянин* (*Olfoi* < *Олфер* < *Елевферий*)⁴¹⁴. Последний пример иллюстрирует, что прозвище *Корелянин* могло обозначать карела.

Большинство корельских детей носило календарные имена в славянской форме. В актах упоминаются вотчинники *Семен Климов*, *Григорий Давыдов*, *Григорий Иванов* и *Артемий Степанов*, братья *Нестор Иванович* и *Федор Иванович* (все без указания рода), *Онцифор Осипов*, *Федосья Харитоновна жена* и некто *Макарий* из рода вымольцев, *Клим* и *Иван* «Михаиловы дети из Валдоле», *Фалалей* из *Валдолы*. *Иван*, *Василий* и *Онкиф Федоровы*, а также *Иван Лускалов*, которые владели землёй «межи Куролчи и Рувкулчи»⁴¹⁵. Однако календарная антропонимия детей корельских не дает основания считать, что указанные вотчинники были славянами. Показателен пример с *Ховрой Васильевой* из рода рокульцев. Её отца звали *Василием Кокуем* (*Kokoi* < *kokoi* «овсяный хлебец продолговатой формы» / *kikoi* «петух»), а мужа – *Давыдом Тойветом*⁴¹⁶ (*Toivottu* < *toivottu* «желанный»). Антропонимия детей корельских позволяет полагать, что в XV в. они носили по преимуществу календарные имена в славянской форме и были, вероятно, крещены в православии. Итак, помимо землевладения, 5 родов корельских детей были объединены этнической принадлежностью к карельскому народу.

По ряду причин возможно рассматривать понятие «корельские дети» в качестве местного, карельского аналога понятия «дети боярские». Во-первых, понятие «дети боярские» появляется в Северо-Восточной Руси в 30-е гг. XV

⁴¹⁴ ГВНП. С. 298, 299, 304, 308; *Кюрюшнова И. А.* Словарь... С. 85, 206; *Nissilä V.* Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö. S. 119, 138.

⁴¹⁵ ГВНП. С. 294–297, 303, 307, 312.

⁴¹⁶ Там же. С. 291.

в., однако широко употребляться в актах начинает только с 60-х гг.⁴¹⁷. Вероятно, понятие перешло в актовую лексику Новгородской земли из актов Северо-Восточной Руси в 60-х – начале 70-х гг., претерпев трансформацию с учетом местных новгородских реалий, а именно – Корельской земли и проживавших там карелов. Во-вторых, понятие «дети боярские» обозначает мелкую и среднюю знать, низший разряд служилых людей⁴¹⁸. Корельские дети также имели высокий социальный статус и обладали земельной собственностью. Возможно, после присоединения Новгорода к Москве корельские дети стали местным разрядом служилых людей. В первой половине 80-х гг. XV в. упоминается воевода Федор Иванович, «дети корельстии» и «вся рать каянская»⁴¹⁹. В данном случае речь идет, видимо, о вооруженных отрядах карелов, куда входят «дети корельские». «Рать каянская» получила именование по своему территориальному расположению. Известно, что «Каянская земля» находилась восточнее северного побережья Ботнического залива⁴²⁰. Всё это говорит о том, что корельские дети были инкорпорированы в административно-служилую систему Новгородской земли.

Таким образом, корельские дети представляли собой землевладельцев, обладавших относительно крупной собственностью в Беломорье и юго-восточном Обонежье. Впервые корельские дети упоминаются в актах Обонежья с 60-х гг. XV в. Появление термина «корельские дети», вероятно, связано с влиянием терминологии Северо-Восточной Руси, где в 30-е гг. XV в. появляется, а в 60-е гг. получает широкое распространение понятие «дети боярские». Акты и берестяные грамоты сообщают о наличии у корельских детей пяти родов. Упоминания отдельных корельских родов наблюдаются уже с конца XIV в. Писцовая книга 1499 / 1500 г. позволяет определить расположение основных

⁴¹⁷ Кучкин В. А. О термине «дети боярские» в «Задонщине» // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50. С. 355.

⁴¹⁸ Там же. С. 350.

⁴¹⁹ ГВНП. С. 311.

⁴²⁰ Шаскольский И. П. Берестяные грамоты... С. 77.

поселений корельских детей: они выявляются на территории Кирьяжского, Городенского и Сакульского погостов. Фактически в центре этих погостов находился город Корела. Дети корельские по своей этнической принадлежности были карелами, на что указывают упоминания «корелы» в связанных с ними актах, а также некоторые прибалтийско-финские антропонимы. Под влиянием христианских традиций славян большинство детей корельских носило календарные имена в славянской форме и было, видимо, крещено в православии.

Корельские дети – это местная знать (нобилитет), социальный статус и авторитет которой базировался, вероятно, ещё во многом на родовых отношениях. Во всяком случае, об этом говорит то, что они постоянно упоминаются как «роды» и владеют угодьями по родам. Однако в условиях распространения власти Новгородской «республики» на исконные территории корелы местная знать так или иначе «встраивается» в экономику и отношения собственности, принятые в Новгороде, а также в административную и военную структуру. Условием успешной инкорпорации иноэтничных элементов с относительно высоким социальным статусом в структуру Новгородской республики была, конечно, христианизация. Не случайно, что имена этой корельской знати уже христианские, а по целому ряду грамот они выступают вкладчиками в православные монастыри.

Итак, в целом территория Корельского уезда была освоена преимущественно карельским населением, внутри которого выделяется местная знать – корельские дети. К концу XV в. в уезде проживала значительная доля славян. Под влиянием христианства, основными носителями которого были, видимо, славяне, карелы принимали православие и использовали практику наречения календарными именами. Тем не менее, карельские антропонимические традиции не исчезли и продолжали активно функционировать, хотя в гораздо меньшей степени, чем славянские. Наиболее ярко карельские ономастические традиции прослеживаются в северной части Корельского уезда – Задней Кореле. К югу от города Корелы доля прибалтийско-финских географических назва-

ний заметно сокращается, всё более уступая славянским. Безусловно, стоит говорить о смешанном характере населения Корельского уезда с преобладанием карелов, испытывавших сильное этнокультурное влияние славян.

ГЛАВА 4. НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДА НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

§ 1. Ореховский и Ладожский уезды

Попытки охарактеризовать этническую ситуацию в погостах Водской пятины, расположенных южнее Корельского уезда, неоднократно предпринимались в историографии. Результаты подсчетов прибалтийско-финских имен и патронимов по писцовым книгам конца XV в. встречаются в работах С. С. Гадзяцкого, О. И. Коньковой и А. Г. Новожилова. О. И. Конькова в своей монографии воспроизводит результаты вычислений С. С. Гадзяцкого. Она пишет о том, что подавляющее большинство носителей антропонимов, образованных от прибалтийско-финских основ, проживало в Толдожском погосте Ямского уезда, где обнаруживается 57 человек с личными именами, 137 – с отчествами, 30 – с именами и отчествами прибалтийско-финского происхождения. В Каргальском погосте Копорского уезда эти цифры таковы – 39 личных имен, 97 отчеств и 16 прибалтийско-финских имен и отчеств⁴²¹.

Исследование А. Г. Новожилова не ограничилось несколькими погостами. По данным автора, в Толдожском, Каргальском, Ижорском и Дудоровском погостах Водской пятины проживало 72 % от общего числа «людей», нареченных финноязычными именами. Во-первых, неясно, какие именно антропонимы и по какому критерию А. Г. Новожилов относит к прибалтийско-финским. Во-вторых, автором приведены проценты носителей прибалтийско-финских имен в Водской пятине конца XV в., но остается неозвученным общее число «людей», из которого высчитываются проценты. Наконец, А. Г. Новожилов приводит в таблице относительные данные «прибалтийско-финских имен», но в основном тексте упоминает о «языческих» именах (видимо, нека-

⁴²¹ Гадзяцкий С. С. Ижорская земля в начале XVII в. С. 4; Конькова О. И. Водь... С. 59.

лендарных). Отсутствие целостного взгляда на ономастический материал северо-запада Новгородской земли требует специального обращения к этой теме.

Корельский уезд Водской пятины граничил на юге с Ореховским уездом, который охватывал Карельский перешеек, юго-западное и южное Приладожье, северное и южное Приневье и юго-восточное побережье Финского залива. Часть этой территории была заселена ижорой. Самый ранний фрагмент «Жития Александра Невского», сохранившийся в Лаврентьевской летописи XIV в., позволяет локализовать ижору в районе Приневья и на побережье Финского залива. В сообщении под 1240 г. упоминается некий *Пелгуй*, старейшина Ижорской земли, который руководил морской стражей, предупредил князя Александра Ярославича о приходе в Неву шведов и указал ему на шведские боевые рвы. Вскоре после этого произошла Невская битва в устье реки Ижоры⁴²².

Вероятно, оригинальной формой прибалтийско-финского имени Пелгуя было *Pelgoi / Pelkkoi*⁴²³. Пелгуй назван «старейшиной в земле Ижерской»: это означает, что у ижоры в середине XIII в. была своя знать, представителем которой был Пелгуй. Ижора и её знать во время конфликта Новгорода со шведами выступила как часть новгородской военной системы: Пелгуй исполняет ответственное поручение новгородских властей, суть которого состояла в несении сторожевой службы в устье Невы, которое представляло для шведов стратегический интерес⁴²⁴. Кроме того, вполне вероятно, что ижора принимала

⁴²² ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Стб. 479–480.

⁴²³ *Бегунов Ю. К.* Древнерусские источники об ижорце Пелгусии-Филиппе, участнике Невской битвы 1240 г. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования: 1982 г. М., 1984. С. 77.

⁴²⁴ *Кучкин В. А.* Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 25.

участие в Невской битве на стороне Новгорода⁴²⁵. Это свидетельствует о наличии у ижоры своей военной организации, подчиненной Новгороду. Позднее, в 1270 г., отряды ижоры участвуют в вооруженном противостоянии Новгорода с князем Ярославом Ярославичем в Голино⁴²⁶.

Можно говорить о выстраивании доверительных взаимоотношений между новгородскими властями и Александром Ярославичем с одной стороны и ижорской знатью в лице Пелгуй – с другой. О своем «видении» на Неве Пелгуй решил сообщить непосредственно Александру, причем «ему единому». Несомненно, одним из обязательных условий такого доверия со стороны новгородской власти было принятие православия ижорской знатью. Известно, что сам Пелгуй был крещен и носил календарное имя *Филипп*. При этом подавляющее большинство ижоры на тот момент оставалось язычниками⁴²⁷.

Как показал Т. В. Гимон, именно в середине XIII в., в условиях нарастающей внешней экспансии, ижора перестает быть периферийным этносом, который платил Новгороду дань и участвовал на его стороне в военных походах, и становится участником «общеновгородских» политических (прежде всего, внешнеполитических) процессов⁴²⁸.

Постепенно ижора не только интегрируется в социально-политическую систему Новгорода, но и оказывается внутри новгородских границ. Так, в 1323 г. у истока Невы на Ладожском озере был построен город Орешек, в создании которого принимали участие «новгородци съ княземъ» Юрием Даниловичем⁴²⁹. Строительство крепости на Ореховом острове представлялось важной

⁴²⁵ Сорокин П. Е. Раскопки ижорских могильников в бассейне реки Невы // Записки ИИМК РАН. СПб., 2006. № 1. С. 95.

⁴²⁶ НПЛ. С. 89.

⁴²⁷ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 479.

⁴²⁸ Гимон Т. В. К вопросу о статусе финноязычных «племен» в составе новгородской политики (XII – первая половина XIV в.) // Единая российская нация: Проблемы формирования её идентичности: Сб. статей. Арзамас; Саров, 2017. С. 53.

⁴²⁹ НПЛ. С. 97.

политической акцией, связанной с закреплением новгородско-шведской границы. С 1323 г., по итогам заключения Ореховского мира, крепость стала центром обширной пограничной округи. Поддержание стратегических интересов Новгорода в этом регионе требовало постоянного присутствия здесь славянского населения. Это отражается в более позднем ономастическом материале писцовой книги, который практически полностью представлен в городе Орешке и его ближайшей округе календарными именами в славянской форме. При этом писцовая книга упоминает нескольких жителей города, имена которых могут быть отнесены к карельским или ижорским: *Власко* и *Макарко Тяллякины*, *Ивашко* и *Микифорик Соткуевы*. Последние владели несколькими деревнями на территории Куйвашского погоста Ореховского уезда. О присутствии карелов и ижоры в городе Орешке говорят археологические источники⁴³⁰.

В городской округе Орешка – Городенском погосте – доля деревень с прибалтийско-финскими названиями невелика и достигает 4, 5 % (село *Лакта*, *Ахкуево*, *Тяллекино*, *Валитово*), сильно уступая по численности славянским ойконимам. Носители неславянской антропонимии в Городенском погосте составляли также незначительную долю от общего числа записанных жителей погоста – 2, 2 %. Можно считать, что в центре Ореховского уезда преобладали славяне, хотя прослеживается и некоторое присутствие финноязычных народов.

В северном Приневье располагались 3 погоста Ореховского уезда. Их названия имеют финноязычную основу: Куйвашский (*kuiva* «сухой»), Корбосельский (*korpiselkä* «лесистая гряда» < *korpi* «тайга, чаща», *selkä* «хребет, гряда») и Келтушский (*Keltto* < *kelttu* «желтый»)⁴³¹. Свидетельством давнего

⁴³⁰ Кильдюшевский В. И. Карельские вещи из раскопок древнего Орешка // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб., 2008. Вып. 2. Древности Ижорской земли. С. 75–87; Сорочкин П. Е. Раскопки ижорских могильников в бассейне реки Невы. С. 95.

⁴³¹ Курсанов Н. Предшественники *ы* в русской топонимии Ингерманландии // Linguistica Uralica XLIII. 2007. № 3. С. 214.

присутствия неславянского населения в этом регионе является топонимия. Так, в Куйвашском погосте записано 66 (24 %) прибалтийско-финских ойконимов. Помимо наименований поселений с *-l*-овым формантом (*Пяяла, Путкола, Варчела, Рандала* и др.) здесь обнаруживаются ойконимы, связанные с озерами и реками, имеющими неславянское название. Так, в писцовой книге фигурируют деревни на озерах *Лембагальском, Корбольском / Горбольском* и *Валоярве*, реках *Войногале, Вярчеле, Мустеле, Кайлегале, Тойвакале*. Деревни, расположенные по берегам рек и озер, как правило получали в качестве названия гидроним, причем ойконимы в таком случае могли повторяться – *Мустела* (2), *Валоярва* (2), *Кайлегала* (4), *Вярчела* (4), *Гарбола* (8)⁴³². Имелись и смешанные названия, состоящие из прибалтийско-финского и славянского элементов: *Бородулино Виллякино, Игнатово Кайлегола, Кайлегола Макарово, Нуларва Олехново*.

Неславянская ойконимия Келтушского погоста (21 название) составляет 25 % дошедшей до нас ойконимии погоста, причем многие названия деревень повторяются: *Гимокала* (2), *Токсово* (4), *Пурноселка* (5), *Кяхкома* (7). Такие повторения названий обусловлены расположением деревень по берегам рек и озер. Если происходило перенесение гидронима на близлежащую группу поселений, то ойконимы могли заноситься в писцовую книгу в различных вариантах: так, на озере *Токсовом* располагались деревни, записанные как *Токсова у озера у Токсова, Токсово, Токсово ж над озером над Токсовым, Токсово ж над Токсовым в конце*⁴³³.

В Корбосельском погосте Ореховского уезде насчитывается 52 ойконима с прибалтийско-финскими основами – они составляют 37 % ойконимии погоста. Здесь также особенно многочисленны наименования деревень, образованные от гидронимов. Гнезда поселений были на реках *Аввале* (3), *Лопале* (4), *Мендосари* (4), *Рогме* (4), *Кавгале* (5), *Валгасари* (6), а также на *Токсовом*

⁴³² Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года. С. 143–197.

⁴³³ Там же. С. 250, 256.

(2) и *Гитольском* озерах (7)⁴³⁴. Более высокая доля финноязычных ойконимов в Корбосельском погосте обусловлена тем, что этот погост, расположенный на побережье Финского залива, был наиболее удален от центра уезда, где преобладало славянское население.

Носители прибалтийско-финских имен концентрировались в Корбосельском (26 человек; 7 %) и Куйвашском (15 человек; 3 %) погостах Ореховского уезда. По преимуществу эти именованья представлены в форме патронимов, которые сочетались с календарными личными именами в славянской форме, например: *Стехно Илмуев, Олферко Вигутов, Кирилко Вилякин, Степанко Игалов* и др. Носителями таких имен были крестьяне. Единственный раз упоминаются помещики – *Ивашко* и *Офонас Соткуевы*. Писцовая книга не содержит указаний на прибалтийско-финские антропонимы в Келтушском погосте. Таким образом, среди погостов северного Приневья явно выделялся Корбосельский погост, где наблюдается корреляция между значительной долей топонимии и антропонимии.

Данные неславянской ономастики сами по себе не позволяют точно определить этнические группы, которые освоили территории к северу от Невы. Можно лишь в целом утверждать, что здесь явно прослеживается присутствие финноязычных народов. Одной из этнических групп были, по всей видимости, карелы. Так, в Куйвашском погосте упомянуты два носителя прозвища *Корелянин* (*Кирилко Корелянин, Федко Корелянин*). Куйвашский погост непосредственно граничил с Корельским уездом, который, как уже было показано, имел свою этническую специфику. По этой причине носители прозвища *Корелянин* вполне могли быть карелами. Географическое положение Корельского уезда создавало благоприятные условия для миграций карелов на юг, в Ореховский уезд. На территории Карельского перешейка мало возвышенных, пригодных для земледелия участков. Из Корельского уезда, который

⁴³⁴ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года. С. 200–233.

был густозаселенным регионом, шел отток населения не только на север. Миграционный поток направлялся и на юг, в долину Невы – также заселенные территории, но обладавшие более высоким хозяйственным потенциалом по сравнению с Карельским перешейком⁴³⁵.

Согласно точке зрения А. Н. Насонова, именно севернее Невы проходила граница летописной Корельской земли⁴³⁶. На этот счет в историографии выдвигается два возражения: во-первых, северное Приневье входило в состав Ореховского уезда и не могло относиться к Корельской земле. В этом случае остается непонятным, почему необходимо отождествлять понятия «Корельский уезд» и «Корельская земля». Первое, более позднее понятие является отражением административной структуры Новгородской земли, а второе – более ранним и, видимо, имеющим в своей основе именно этнический компонент. Далее, в историографии неоднократно подчеркивалась искусственность границ уездов⁴³⁷, которая не всегда учитывала этнический состав сопредельных территорий. Как бы то ни было, отождествлять Корельский уезд и Корельскую землю не представляется возможным.

Второе возражение таково: на территории северного Приневья в Куйвашском погосте мы встречаем упоминание двух *Корелян*, следовательно, *Кореляне* были здесь чужаками. Этот аргумент не учитывает полифункциональности прозвищ, которым могли именоваться не только чужаки. Можно допустить, что прозвище *Корелянин* отражало этническую принадлежность его носителя и имело функцию идентификации последнего в условиях неоднородности этнического состава отдельных областей или поселений. Куйвашский погост – это пограничная территория корельских погостов с «ижорскими» погостами южного Приневья. В нем и упоминаются два *Корелянина*. При этом в

⁴³⁵ Новожилов А. Г. Этническая история... С. 71.

⁴³⁶ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. СПб., 2006. С. 110.

⁴³⁷ См.: Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. СПб., 1853. С. 66.

соседнем, Корбосельском погосте, записаны два *Ижсерянина* (*Лучка Ижсерянин*, *Василь Ижсерянин*). О проживании в Приневье ижоры свидетельствуют археологические источники. Бассейн Невы входит в географию распространения средневековых могильников ижоры⁴³⁸. В 1993–2007 гг. в процессе работ СПБАЭ был выявлен и обследован ряд позднесредневековых грунтовых могильников ижоры на территории Санкт-Петербурга и его окрестностей⁴³⁹. К северу от Невы – в Колтушах и на реке Охте – также были найдены памятники, связанные с ижорой⁴⁴⁰. Таким образом, на территории северного Приневья прослеживается давнее присутствие ижоры и карелов.

На южном побережье Ладожского озера, по течению рек Назии, Шельдихи и Лавы (Лавуи) располагался Егорьевский Лопский погост Ореховского уезда. Западная граница погоста доходила до Орешка, южное педградие которого именовалось *Лопской стороной*. Кроме того, в состав соседнего Ладожского уезда входила волость *Лопца*. Географически волость располагалась на реке Лаве и юго-западном заливе Ладожского озера. По мнению А. Г. Новожилова, Лопский погост Ореховского уезда и Лопца представляли собой периферию прибалтийско-финской антропонимической традиции и, следовательно, расселения прибалто-финнов⁴⁴¹. Однако данные ойконимии говорят об обратном.

При 7 прибалтийско-финских антропонимах здесь насчитывается 62 ойконима, большинство которых (43) имеет в своей структуре прибалтийско-финский формант *-la*: *Вихкала*, *Тяврела*, *Гахкола*, *Лавгула Кандила*, *Лехкола*, *Лонгала*, *Гимола Галуксово*, *Гайкола* и др. Остальные названия поселений были образованы от антропонимов (*Ретуево*, *Алуево*, *Ингуево Таруй*, *Каргуево*,

⁴³⁸ *Конькова О. И.* Ижора... С. 34–42.

⁴³⁹ *Сорокин П. Е.* Археологическое изучение средневековых памятников в Приневье. Новые данные по археологии ижоры // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб., 2008. Вып. 2. Древности Ижорской земли. С. 89.

⁴⁴⁰ *Сорокин П. Е.* Раскопки ижорских могильников в бассейне реки Невы. С. 95.

⁴⁴¹ *Новожиллов А. Г.* Этническая история... С. 83.

Марковское Мустуева) и гидронимов (деревня в *Сосари, Сосарь, Сосарь Большой двор, Сосарь Каврола, Карола нижняя Сосара*). Любопытно название деревни *Арбуево*: вероятно, его происхождение непосредственно связано с понятием «арбу́й», обозначавшим «чудских» языческих жрецов⁴⁴². В общей сложности неславянская ойконимия представляла 47 % всей ойконимии Лопского погоста.

К востоку от Лопского погоста, по южному побережью Ладожского озера, находились погосты Ладожского уезда, где также встречается прибалтийско-финская ойконимия. Её доля сокращается к востоку, по направлению к городу Ладоге. Так, в Теребужском погосте Ладожского уезда отмечается 44 % неславянских названий деревень. В Песотцком погосте таких названий 27 %, в Городенском – 17 %. Отдельные названия встречаются в Михайловском «на пороге» погосте. Таким образом, на уровне ойконимии в южном Приладожье подтверждается присутствие финноязычных народов.

В самой Ладоге 137 человек, записанных в писцовую книгу, имели календарные имена в славянской форме, что может быть связано с количественным преобладанием славян в городе и его округе. Славянское население стягивалось в Ладогу для функционирования крепости и проведения в ней строительных работ. Археологически подтверждается, что к 90-м гг. XV в. посадская застройка Ладоги расширяется на 20 %. При этом писцовая книга показывает, что количество дворов здесь увеличилось на 28 при уменьшении численности населения Ладоги на 37 человек⁴⁴³. Помимо расширения посада была удвоена толщина крепостной стены, поднята на 4 метра её высота, сооружены

⁴⁴² «Здесь мне сказывали, что деи въ вашихъ местехъ многие христиане ... призывають деи на те свои скверныя молбища злодеевыхъ отступникъ арбуевъ Чюдцкихъ, и мертвыхъ деи своихъ они кладутъ въ селехъ по курганомъ и по коломищемъ съ теми жъ арбуи». См.: Грамота Новгородского архиепископа Макария в Водскую пятину // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1846. Т. 1. Стб. 28.

⁴⁴³ НПК. Т. 3. Стб. 957.

5 пушечных башен высотой 16–19 метров⁴⁴⁴. В 1646 г. старожильцы Ладogi сообщили, что эти строительные мероприятия осуществлялись силами работников из Новгорода, Суздаля, Галича, Вологды, Ярославля, Углича, Костромы, Белоозера и Заонежских погостов⁴⁴⁵. Вряд ли возможно с точностью оценить достоверность этих рассказов, но в целом оно отражает размах строительных работ.

Этническая принадлежность жителей южного Приладожья и в особенности Лопского погоста является предметом дискуссий. Это связано с тем, что в основе названия погоста лежит этноним *лопь*, обозначающий саамов. Между тем, топонимия погоста имела явные несаамские особенности, которые заключались в прибалтийско-финском *-l-*овом форманте. Формантный анализ топонимии Лопского погоста позволил А. И. Попову выдвинуть предположение, что население этой территории к началу XVI в. уже не было саамским, однако историческая память о лопи сохранилась в названии погоста⁴⁴⁶. Противоречие между *Лопским* наименованием погоста и вовсе не саамской его топонимией не смутило А. Н. Кирпичникова, который отождествил приладожскую лопь и саамов⁴⁴⁷. Е. А. Рябинин назвал регион южного Приладожья «Лопской землей»⁴⁴⁸. В. С. Кулешов на основании топонимических данных предположил, что «лопь» была носителем одного из вымерших условно-самостоятельных прибалтийско-финских языков, который автор назвал «лопским». По его мне-

⁴⁴⁴ Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 67.

⁴⁴⁵ Там же. С. 99.

⁴⁴⁶ Попов А. И. Следы времён минувших... С. 108–109.

⁴⁴⁷ Кирпичников А. Н. Приладожская лопь // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 138–139.

⁴⁴⁸ Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси... С. 62.

нию, именно носители этого прибалтийско-финского языка освоили территорию южного Приладожья и сформировали обширный топонимический комплекс, отразившийся в тексте писцовой книги⁴⁴⁹.

По данным топонимии писцовых книг сложно определить, какая именно этническая группа оставила *-l*-овый топонимический пласт. Можно лишь вполне однозначно утверждать, что в конце XV – начале XVI в. южное Приладожье было районом расселения нескольких прибалтийско-финских этнических групп, скорее всего, карелов и ижоры. Карелы проникали в Приневье с севера. Видимо, они продвигались дальше, в южное Приладожье, поскольку в Лопском погосте упоминаются такие ойконимы, как *Гухта Карельская* и *Карьяла на речке на Сосари*⁴⁵⁰. Названия связаны, очевидно, с прибалтийско-финским словом *Karjala*. Карельское происхождение прослеживается у ойконима *Ликкуево*. Наличие геминаты (удвоенного согласного) рассматривается как свидетельство карельских истоков топонимии, поскольку геминированные согласные – характерная особенность карельской фонетики⁴⁵¹.

Некоторую информацию дают археологические источники, хотя на пространстве между Ладогой и Орешком памятники средневековья оставались практически не выявленными вплоть до начала XXI в. На территории, относящейся к Лопскому погосту, был найден ряд памятников и отдельных вещей прибалтийско-финских типов XII–XIII вв. Эти находки, связанные с ижорой, были открыты в деревнях Путилово, Мучихино, Лукинское, Подолье и Городище Ленинградской области. Восточнее, в междуречье Лавы и Волхова, в деревне Пупышево, также обнаружены ижорские средневековые предметы⁴⁵². Кроме того, Лопский погост расположен недалеко от Невы, бассейн которой

⁴⁴⁹ Кулешов С. В. «Лопьская» проблема и топонимы южного Приладожья // Староладожский сборник. СПб., 2001. Вып. 4. С. 56–66.

⁴⁵⁰ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года. С. 86, 282.

⁴⁵¹ Захарова Е. В. Интеграция субстратных прибалтийско-финских топонимов... С. 131.

⁴⁵² Сорокин П. Е. Археологическое изучение средневековых памятников в Приневье... С. 90.

является зоной широкого распространения ижорских древностей. Это дало основание О. И. Коньковой высказать справедливый тезис о том, что ижора проживала не только в Приневье, но и в южном Приладожье, до реки Лавы⁴⁵³. Таким образом, в южном Приладожье археологически зафиксировано присутствие ижоры. Можно предположить, что она проживала там в конце XV в. наряду с карелами.

Несмотря на то, что в южном Приладожье в конце XV в. прослеживается карельско-ижорское население, на этой территории могли проживать немногочисленные представители саамов. Об этом косвенно говорит название *Лопского* погоста, а также прозвище *Лопин*. Прозвище *Лопин* первый раз упоминается в Лопском погосте Ореховского уезда (*Потаиш Лопин*), второй – в Городенском погосте Ладожского уезда (*Гурейко Лопин*)⁴⁵⁴. С этой группой этнонимических прозвищ косвенно связан патроним *Лопков* из Ярвосольского погоста. Прозвища вряд ли являются указанием на принадлежность их носителей административной единице – Лопскому погосту. Сложно также непосредственно связать прозвище *Лопин* с волостью Лопшой, тем более, что это мнение никак не подтверждено аргументацией⁴⁵⁵. В том случае, если прозвище *Лопин* указывало бы на место рождения или принадлежность определенной области, то в этом конкретном антропониме присутствовал бы формант *-ец* (*Лопинец*). Поэтому более вероятно, что прозвание *Лопин* восходит к этническому наименованию «лопь», обозначавшему саамов⁴⁵⁶. Таким образом, район фиксации *Лопинов* – южное Приневье и южное побережье Ладожского озера. В этой связи можно согласиться с А. И. Поповым в том, что название Лопского погоста – это, скорее всего, фиксация исторической памяти о саамском населении, некогда проживавшем в южном Приладожье.

⁴⁵³ Конькова О. И. Ижора... С. 41.

⁴⁵⁴ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года. С. 12, 259.

⁴⁵⁵ Новожиллов А. Г. Этническая ситуация... С. 86.

⁴⁵⁶ О различии прозваний *Лопин* и *Лопинец*: Кюришнова И. А. Словарь... С. 313.

Самым крупным погостом Ореховского уезда и вообще Северо-Запада Новгородской земли был Ижорский погост. Его площадь составляла более 2000 км² и охватывала бассейны притоков Невы – Ижоры, Тосны, Славянки, Волковки, а также южную часть невской дельты. В конце XV в. в Ижорском погосте проживало около 5500 человек⁴⁵⁷. Крупными были и соседние погосты – Ярвосольский и Дудоровский.

В Дудоровском погосте, располагавшемся на побережье Финского залива, насчитывается 56 ойконимов, имеющих отчетливые прибалтийско-финские корни: они составляют 40 % от всех ойконимов Дудоровского погоста. Среди наиболее распространенных названий поселений – ойконимы на *-la* (*Витала, Покола, Сатула, Корпола, Каргила, Пикула, Подосокула, Перекула, Сукола, Иванкола*). Многочисленны названия, образованные от антропонимов: *Мохкуево, Тоивалово, Пелгуево, Артуево, Пидуево, Сонгуево, Пейпуево, Каккуево Рехмуево, Ялгуево, Керкуево* и др.⁴⁵⁸ В составе ойконимов выявляются гидронимы – реки *Карпола* и *Покола*. В этом же погосте записано 54 человека с прибалтийско-финскими антропонимами (8, 5 %); из них 19 человек носили личное некалендарное имя финноязычного происхождения (среди них – *Игалко, Ускалко, Лембит, Кавит, Куллят, Исамель*)⁴⁵⁹. Среди патронимов наиболее распространены *Лембитов, Тойвуев, Кавгуев, Вихтуев, Игандуев, Ускалев*.

В Ижорском погосте зафиксировано 114 ойконимов с прибалтийско-финскими корнями – многие из них имеют в своей структуре неславянские антропонимы и / или формант *-la*: *Каргила Алгила, Тойвакала, Пудрула, Таубала, Раикола, Харила, Судола* (4), *Коркола, Петчела, Азмола* (2), *Меккула*. От антропонимов образованы наименования *Немборово, Левадино, Талвуево,*

⁴⁵⁷ Новожилов А. Г. Этническая история... С. 52.

⁴⁵⁸ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года. С. 289–340.

⁴⁵⁹ Там же. С. 293, 300–313, 323–338.

Гайкуево, Мандорово, Гаппуево, Гавгуево, Виллуево, Керзуево, Куткуево, Назруево, Матуево, Игандово и др. В совокупности такие названия составляют 31 % от 364 ойконимов Ижорского погоста. Особенностью ойконимии Ижорского погоста является то, что целый ряд наименований образован от гидронимов (преимущественно от названий рек), рядом с которыми располагались поселения. Среди таких ойконимов – деревни *на Тойвокале, Тарвисари, Тениле, Гюлеле, Килоле, Полколе, Палкоселке, Торогари, Ланикале, Мазале, Кавгуле*⁴⁶⁰.

В переписи жителей Ижорского погоста встречается 44 человека с финноязычными антропонимами (4 %), из которых 24 имели личное некалендарное имя. Некоторые из них неоднократно повторялись: *Игола* (12), *Тоив* (3), *Лембит* (2), *Ускал* (1). В этом смысле антропонимикона Дудоровского и Ижорского погостов практически идентичны по своему составу. Из финнизированных календарных имен в Ижорском погосте известны личные имена *Артур* < *Артемий*, *Илой* < *Илья*, *Селуй* < *Сила* / *Силуан*.

В Ярвосольском погосте записано 33 прибалтийско-финских ойконима – 30 % от общего числа ойконимов погоста. Несколько ойконимов были образованы от гидронимов – деревни *на Ярвосоли* и *Агриселке*. Носители прибалтийско-финской антропонимии были немногочисленны – 10 человек (2, 5 %).

Присутствие неславянского населения в южном Приневье и на Ижорском плато подтверждается археологически. Ещё в XIII в. бассейн реки Ижоры был занят ижорой, которая затем начинает продвигаться к западу, в сторону Ижорского плато. Исследования В. В. Седова, Е. А. Рябинина и О. И. Коньковой показали, что неславянские могильники, располагавшиеся в бассейнах рек

⁴⁶⁰ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года.С. 342–430.

Ижоры и Невы, на Ижорском плато, можно считать ижорскими⁴⁶¹. Средневековые ижорские захоронения присутствуют в Ижорском, Дудоровском и Кипенском погостах⁴⁶².

Таким образом, Ореховский уезд имел несколько областей, где концентрировалась прибалтийско-финская ойконимия и антропонимия – это Корбосельский погост в северном Приневье, Лопский и Теребужский погосты в южном Приладожье, а также Дудоровский и Ижорский погосты к югу от Невы. Именно там археологические источники фиксируют значительное присутствие древностей ижоры. В северном Приневье и южном Приладожье отмечается присутствие карелов. Славянский ономастический материал фиксируется на всем пространстве Ореховского и Ладожского уездов, но в наибольшей степени – в городах Орешке, Ладоге и их ближайшей округе.

§ 2. Копорский, Ямской и Новгородский уезды

Присутствие неславянского населения прослеживается в Копорском уезде задолго до писцовых работ конца XV в. Центр уезда – город Копорье – был заложен «немцами» в 1240 г. в Копорском погосте. В это время в районе будущего города Копорье проживала водь, ставшая объектом вооруженной агрессии Ливонского ордена и эстов: «Тои же зимы придоша Немци на Водь с Чюдью, и повоеваша и дань на нихъ възложиша, а город учиниша в Копорьи погосте»⁴⁶³. Через год князь Александр Ярославич отправился к захваченному городу в сопровождении военных отрядов новгородцев, ладожан, карелов и

⁴⁶¹ Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX–XIV вв.). С. 196.

⁴⁶² Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси... С. 74; Конькова О. И. Ижора... С. 41.

⁴⁶³ НПЛ. С. 78; ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 310.

ижоры. Город был освобожден, а изменники из числа эстов и води были казнены⁴⁶⁴. Проживание в Копорье в XIII в. води и эстов подтверждается археологически⁴⁶⁵. Кроме того, этот летописный отрывок в очередной раз свидетельствует о наличии у карелов и ижоры своей военной организации.

Приехавший на княжение в Новгород Дмитрий Александрович решил в 1279 г. «поставити собѣ город Копорью» и с санкции новгородских властей организовал строительство деревянной крепости, которая была заменена на каменную в следующем году. В последнем мероприятии принимали участие посадник Михаил Мишинич и «болшие мужи», поэтому постройку крепости можно рассматривать как событие общеновгородского значения⁴⁶⁶. Князь рассчитывал надолго закрепиться в Копорье, но после потери новгородского княжения новгородцы при поддержке их союзника, князя Довмонта, воспрепятствовали этому и разрушили крепость и вал⁴⁶⁷. Тем не менее, в условиях внешней угрозы со стороны шведов новгородцы были вынуждены восстановить каменную крепость в Копорье в 1297 г.⁴⁶⁸ Таким образом, с 40-х гг. XIII в. внимание Новгорода к побережью Финского залива становилось более пристальным. Это привело к концентрации здесь славянского населения – «новгородцев», принимавших участие в строительстве и функционировании крепости. В описании Копорья конца XV в. внутри города упоминается всего 6 человек и 12 человек на посаде. Все они носили календарные имена в славянской форме.

Копорский уезд состоял в конце XV в. из 15 погостов, в 9 из них зафиксированы финноязычные топонимы и антропонимы. Наиболее высока их доля в Каргальском погосте, который располагался по южному берегу Финского залива от Сойкинского полуострова до устья реки Коваши. В погосте встречаются поселения с прибалтийско-финскими названиями: *сельцо Арбала*, *село*

⁴⁶⁴ НПЛ. С. 78.

⁴⁶⁵ *Кирпичников А. Н.* Каменные крепости Новгородской земли. С. 157.

⁴⁶⁶ НПЛ. С. 323.

⁴⁶⁷ Там же. С. 324.

⁴⁶⁸ Там же. С. 328.

Вудосоль, село Кербикуло, сельцо Урмизно, деревня Васокара. Некоторые ойконимы образованы от антропонимов и имеют славянские ойконимические черты в виде форманта –во: *Кумолово* (1), *Непуево* (2), *Нахкуево* (1). Деревни с одинаковым названием *Варьевалда* (3) получили свое наименование благодаря своему расположению вблизи *озера Варьевалдо*. Ойконимы *на Койдоме* (1) и *Удосол* также были образованы от гидронимов (*Койдома, озеро Удосольское*). Название деревни *Вотской конец* (1) является сложным, т. е. в его состав входит неславянский этноним и одновременно славянский элемент в виде слова *конец*. В Водской пятине неоднократно встречаются деревни с подобными названиями (*Вотской конец, Лопской конец, Чудикой конец*). Записаны деревни с этническими названиями: *Изоринское* (2), *Изори у монастыря* (1). Все указанные деревни Каргальского погоста в общей сложности составляли 21 % от 87 деревень погоста⁴⁶⁹.

Здесь же зафиксировано 110 носителей прибалтийско-финских антропонимов, из этого числа 45 человек носили личные имена, прочие 65 носили патронимы⁴⁷⁰. Отмечается 21 личное имя, восходящее к древним финским антропонимам *Iha* и *Toivottu* (15 и 6 соответственно). Указанные 110 человек составляли 13 % от записанных жителей Каргальского погоста. Это наиболее высокая доля прибалто-финнов среди населения погостов Копорского уезда. По абсолютным показателям численность жителей, записанных в Каргальском погосте и нареченных неславянскими антропонимами, является максимальной на территории всей Водской пятины.

В погосте существовали противоположные практики имянаречения: с одной стороны, детей продолжали называть некалендарными прибалтийско-финскими именами (*Захарко Панкратов да сын его Игалко, Ивантуйко Ибин да сын его Тойвол, Сидко Казимир да сын его Игалко*)⁴⁷¹. С другой стороны,

⁴⁶⁹ НПК. Т. 3. Стб. 496–551.

⁴⁷⁰ Там же. Стб. 495–552.

⁴⁷¹ Там же. Стб. 515, 520, 523.

календарный именной становится все более функциональным: *Миккуй Кона-нов, сын его Сидорко, Климко Тявзин Ускалов, сын его Васко, Алексейко Ускалов да сын его Ивашко, Васко Модолов, да сын его Ивашко, Федотко Тенгуев, да сын его Яхно* и др.⁴⁷² В рамках одной семьи могли встречаться как календарные, так и некалендарные имена: *Игайло да Игнат Ескины, Тараско да Виляк Грихновы, Игамас да Захар Юркины, Тойват да Яхно Ускаловы, Игнатко да Ричуй Ижеряне*⁴⁷³. Встречаются различные варианты записи одного и того же патронима: «сельцо на Сойкиных горах у моря: ...Игамас Тимуев, Игамас Тимохин»⁴⁷⁴. Очевидно, это связано с необходимостью дифференциации людей с одинаковым личным именем и патронимом. В первом случае был записан прибалтийско-финский вариант патронима, во втором – славянский. Оба патронима были образованы от календарного имени *Тимофей*. Упоминания о занятиях «людей», носивших прибалтийско-финские имена в Каргальском погосте, единичны: упоминаются *Бориско Тумасов рыболов* и братья *Игайло да Игнат Ескины, домники*⁴⁷⁵.

На территории Копорского уезда прибалтийско-финская антропонимия фиксируется в Дятелинском (19 человек; 6, 3 %), Кипенском (16 человек; 4 %) и Льешском (3 человека) погостах. Личные имена встречаются только в первых двух погостах в виде распространенных в финноязычной среде имен – *Игалко, Игамас, Лембит, Тойвут*⁴⁷⁶. Единичные неславянские ойконимы фиксируются в большем числе погостов: в Дятелинском (*Кокуево Степановское, Куткуево Сиденье, Вилякинское*), Радчинском (*село Каибала, пожня Варбала*), Замошском (*деревня Суйжела*), Кипенском (*Кондуево*), Суидовском (*Кюллюева Горка*), Зарецком (*Курковичи*), Григоровском (*Валитово*). На основании анализа антропонимии и ойконимии можно сделать вывод, что Каргальский

⁴⁷² НПК. Т. 3. Стб. 504, 520, 523, 541.

⁴⁷³ Там же. Стб. 502, 504, 522, 543.

⁴⁷⁴ Там же. Стб. 522.

⁴⁷⁵ Там же. Стб. 496, 498, 502, 504, 505, 507, 518, 521, 550.

⁴⁷⁶ Там же. Стб. 604, 615, 618, 629, 660, 662, 668, 678.

погост был своего рода «анклавом» прибалтийско-финской антропонимии и ойконимии в Копорском уезде.

Погосты Ямского уезда располагались на южном побережье Финского залива, в нижнем течении реки Луги и на Кургальском полуострове, на границе с Шелонской пятиной. Центром уезда был город Яма, построенный новгородцами на Луге в 1384 г.⁴⁷⁷ С точностью определить этнический состав Ямы на основе писцовых книг не представляется возможным. Материалы антропонимии города, в котором проживали 332 человека, говорят о преобладании здесь календарных имен в славянской форме. Имеется и небольшое вкрапление прибалтийско-финских ономастических традиций, что позволяет говорить о смешанном составе населения. Вероятно, славяне в городе преобладали. Е. А. Рябинин указывал на то, что в городе Яма на рубеже XV–XVI вв. по археологическим данным можно предполагать присутствие значительного числа русских переселенцев (откуда – автор не уточнил)⁴⁷⁸. В городе проживали 2 человека с прозвищем *Чудин* и один *Корелянин*⁴⁷⁹. Такие прозвища могли использоваться в условиях этнической неоднородности населения города. Среди городских «людей средних» упомянут *Смешко Оксенов Муса*, носивший тюркское фамильное прозвание, среди «городчиков» – *Сенка Мустафа Шереметевской*⁴⁸⁰.

Среди погостов Ямского уезда особенно выделяются Ополецкий и Толдожский погосты, именуемые также погостами «в Чюде». Специфика этнического состава погостов косвенно отражена в дополнении к названию, происходящем от этнонима «чудь». В Толдожском погосте отмечается 99 носителей прибалтийско-финских антропонимов, причем 33 из них являются носителями личных имен⁴⁸¹. По абсолютным показателям Толдожский погост занимает

⁴⁷⁷ НПЛ. С. 379.

⁴⁷⁸ *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси... С. 42.

⁴⁷⁹ НПК. Т. 3. Стб. 883.

⁴⁸⁰ Там же. Стб. 881, 885.

⁴⁸¹ Там же. Стб. 907–956.

второе место среди погостов Водской пятины по численности жителей, носивших прибалтийско-финские личные имена и патронимы. При этом стоит учитывать, что Толдожский погост был значительно заселен и имел большую плотность населения: в писцовую книгу внесены имена 492 человек. При этом носители неславянских антропонимов составляли 20 % от общего числа «людей» погоста.

Среди личных имен встречаются имена *Аввус, Вильят, Вихтуй, Вишуй, Игайло, Игалко, Игамас, Каллей, Лембей, Лембитко, Миллуй, Няпуй, Тимуй, Тойвас, Тойват, Тойвот, Тошуй, Тялюй*. Подавляющее большинство прибалтийско-финских антропонимов принадлежит совершеннолетним крестьянам, записанным в писцовую книгу. У большинства крестьян дети наречены календарными именами в славянской форме, например: *Тимуй Савин, сын его Филипко, да его ж сын Гаврилко; Мешуйко Алюев, сын его Матфейко; Игайло Вандуев, сын его Семешко; Тойвас Лемпиев, сын его Исачко; Анней Лемекуев, сын его Михалко; Онанья Якуев, сын его Савка; Максимко Увикасов, сын его Гридка; Яшко Виллуев, сын его Тимоха; Вишуй Лавров, сын его Микитка; Игнат Лиллуев, сын его Палка*⁴⁸². Есть и противоположная традиция имянаречения, когда у отца записано календарное имя, а у детей – некалендарное: *Онкипко Ильин, дети его Степанко да Тойват, Петрок Лутьянов, сын его Игамас*⁴⁸³. Однако тенденция календарного имянаречения здесь все-таки явно преобладает.

Писцовая книга дает некоторую информацию о занятиях населения, носящего прибалтийско-финские имена. Так, упоминаются «Тимоха да Олексейко Вихтеевы дети кузнецы, Олексейко Чуллуев, Игайло Вандуев, сын его Семешко, кузнецы», «Пантелейко Увикасов кузнец», «Палка Лешшуев домник», «Юреча Чюдин, сын Петруша, домники, Игала Юречин»⁴⁸⁴. Разделение

⁴⁸² НПК. Т. 3. Стб. 907–910, 925, 933.

⁴⁸³ Там же. Стб. 924.

⁴⁸⁴ Там же. Стб. 907, 909, 929.

ремесленников по виду деятельности позволило исследователям предположить, что доменный и кузнечный промыслы существовали в Толдожском погосте раздельно⁴⁸⁵.

Свидетельством присутствия в Толдожском погосте прибалто-финнов являются данные ойконимии: «Село Ранола: дв. Ондрейко Тайчасов, Данилко Игавелев, Пантелейко Игавелев... Васко Увикасов, Максимко Увикасов..., Михал Авусов», «В великого князя селе в Пилоле: дв. Бориско Игамелов, сын его Матфейко, Тимошко да Остапко Игамелевы, Данилко Акуев», «В великого князя селе в Виликине: дв. Симанко Аппуев, Якуш Аппуев, Якуш Асуев, сын его Калей, Палка Игантов, Максимко Игантов, Аввус Виллуев... Тойвот Рядянов»⁴⁸⁶. К прибалтийско-финским можно отнести ойконимы *Пилола, Ранола, Виликино, Войносола, Рудъела Новая, Рудъела Старая, Кикин Бор у Вичасова, Ввилуево, Каккуево*⁴⁸⁷. Последние два ойконима, образованные, видимо, от антропонимов, получили русифицированный формант *-во*. Все указанные ойконимы представляют 19 % ойконимов Толдожского погоста.

В Ополецком погосте «в Чуди» прибалтийско-финские имена единичны, все они являются личными (*Тойвас Труфанов, Ягамас Палкин, Тойвас Олферов*)⁴⁸⁸. Из неславянских ойконимов упоминается *сельцо Торма*. В Ямском околородье зафиксированы 18 носителей прибалтийско-финских антропонимов, из них 4 человека имели неславянское личное имя (*Тойват Чюдин, Сакуй Захаров, Лембик Толжанин, Игалтас Осташков*)⁴⁸⁹. В Ямском околородье записано 154 человека, т. е. прибалто-финны здесь составляли 12 % от общего числа «людей» писцовых книг. Немногочисленны аналогичные имена и патронимы в Радчинском погосте Ямского уезда – там были записаны 16 человек,

⁴⁸⁵ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. С. 212.

⁴⁸⁶ НПК. Т. 3. Стб. 911, 916, 922.

⁴⁸⁷ Там же. Стб. 906–908, 918, 922, 929, 931.

⁴⁸⁸ Там же. Стб. 894, 899, 903.

⁴⁸⁹ Там же. Стб. 885–891.

составлявшие 6, 5 % от числа всех записанных жителей. Из 16 человек 11 носили личные имена прибалтийско-финского происхождения. Большая часть их носителей проживала в двух поселениях, по всей видимости, расположенных рядом: «Селцо Коровье: дв. Викас Костин, Ребуса Костин, Игачей Демехов, дети его Пихтуй да Лембейко. Дер. Захонье: Кушуй Филипов, Тошуй Сидков, Кашуй Тойвутов, сын его Федко, Лембит Сидков»⁴⁹⁰. Среди неславянских ойконимов погоста стоит упомянуть названия *Кайбала*, *Валья*, *Андино*⁴⁹¹.

Итак, прибалтийско-финская антропонимия, зафиксированная в Ямском уезде, наиболее многочисленна в Толдожском погосте «в Чуди», Ямском околородье и Радчинском погосте. Вместе с антропонимией встречается прибалтийско-финская ойконимия. Внимание привлекают несколько поселений Ямского уезда с названием *Клин*: это деревни *Клин Кряково*, *Клин Падинога* и *сельцо Клин*⁴⁹². Некоторые исследователи связывают этноним «водь» с прибалтийско-финским словом *vakja*, обозначающим «кол» или «клин»⁴⁹³. Такую связь подмечали и сами вожане: так, в 1926 г. житель деревни Ичяпяйвя (Иципино) рассказывал: «Наш народ называется *вадьялайзет*, а на краях огорода и поля вбит пограничный столб – *вадья*»⁴⁹⁴. Если принять эту точку зрения, то вышеперечисленные ойконимы *Клин* имели этническую природу и указывали на присутствие водского населения в деревнях.

Данные археологических исследований 1980-х–2000-х гг. коррелируют с показаниями писцовых книг. Исследования могильников, проведенные О. И. Коньковой, подтверждают значительное присутствие воды в «чудских» погостах⁴⁹⁵. Е. А. Рябинин на обширном археологическом материале показал, что

⁴⁹⁰ НПК. Т. 3. Стб. 956.

⁴⁹¹ Там же. Стб. 934, 940, 946, 955.

⁴⁹² Там же. Стб. 886, 891, 946.

⁴⁹³ Дмитриев А. В. Водская топонимика... С. 111; Конькова О. И. Водь... С. 61; Grünthal R. Liivistä liiviin. Itmerensuomalaiset etnonymit // Casctrenianum toimetteita. 51. Helsinki, 1997.

⁴⁹⁴ Ленсу Я. Я. Материалы по говорам воды // Западнофинский сборник. Л., 1930. С. 286.

⁴⁹⁵ Конькова О. И. Водь... С. 38.

именно на территории «чудских» погостов были обнаружены собственно водские средневековые погребения – бескурганные могильники с набором типичных водских предметов⁴⁹⁶. К числу таких предметов В. В. Седов отнес: 1) ожерелья из раковин каури или ожерелья с включением этих раковин; 2) полые подвески-уточки с рельефным зигзаговым орнаментом; 3) булавки с крестообразными (и иными) головками⁴⁹⁷. По его мнению, именно эти находки являются надежным идентификатором этнической принадлежности. Раскопки у д. Войносолово (село *Войносола* Толдожского погоста) позволили выявить не менее 138 захоронений XIII–XV вв.⁴⁹⁸ Анализ средневековых захоронений в Толдожском и Ополецком погостах позволил Е. А. Рябину утверждать, что население «чудских» погостов сохранило своеобразный этнический облик материальной культуры и специфические черты погребального обряда. Возможно, в этот «чудской» анклав входила западная часть Кургальского погоста⁴⁹⁹.

В Новгородском уезде прибалтийско-финская антропонимия немногочисленна. Она встречается в Тигодском (14 человек, 2 %), Солецком (3 человека), Кречневском (2), Гдитцком (1) и Городенском (1) погостах. В Тигодском погосте отмечены также деревни с прибалтийско-финскими названиями: *Пелгора* (2), *Пелкуи* (2), *Уевала*, *Хомтинское Теруево*, *Камуево*. В Новгородском уезде Водской пятины корреляция между прибалтийско-финской антропонимией и ойконимией наблюдается только в Тигодском погосте. Этот погост был расположен на границе с Ижорским и Ярвосольским погостами, где концентрировалась прибалтийско-финская (ижорская) антропонимия и ойконимия. В свою очередь Солецкий погост граничил на севере с Лопским погостом. Это

⁴⁹⁶ Рябинин Е. А. Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований, 1971–1991 гг.). СПб., 2001. С. 71–74.

⁴⁹⁷ Седов В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX–XIV вв.). С. 196.

⁴⁹⁸ Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси... С. 43.

⁴⁹⁹ Конькова О. И. Водь... С. 38.

позволяет утверждать, что погосты побережья Финского залива (Каргальский), южного Приневья (Ижорский и Ярвосольский), южного Приладожья (Лопский погост) и ряд погостов Новгородского уезда были частью единого пространства, на котором проживала ижора. Водь занимала в основном территории «чудских» погостов и Ямского окологородья, а также часть Каргальского погоста и район Копорья. Точные границы проживания этнических групп установить не представляется возможным по ряду причин: этого не позволяет сделать, во-первых, генетическое сходство водских и ижорских именований и, во-вторых, значительная доля славянских онимов в этом регионе.

Есть некоторые данные об особенностях социальной организации населения ижорских и водских погостов. Эти данные связаны с упоминанием десятских в Водской пятине. В Городенском погосте Ореховского уезда находилось село с финноязычным названием *Лахта (Lahti)*, относившееся к одноименной великокняжеской волости. В этом селе проживал десятский *Микулка Якушов* с сыновьями *Тараской* и *Ивашкой*, при этом показательно, что в селе насчитывалось ровно 10 дворов⁵⁰⁰. Десятский *Нестерик Ивашков* жил в деревне *Игнатово Кайлегола* Куйвашского погоста. Деревня состояла из двух дворов⁵⁰¹. В селе *Лисичье в Карине Носу* Корбосельского погоста было 28 дворов, 7 из которых занимали люди с прибалтийско-финскими именами. В одном из дворов жил десятский *Офонас Спиров*⁵⁰².

В состоящей из 6 дворов деревне *Сатула* Дудоровского погоста совместно с *Нестериком Онтушовым* проживал десятский *Илейка*. Название деревни имеет прибалтийско-финскую форму; один из его жителей – *Лембит Федков* – носил древнее некалендарное имя. В деревне *Ялгуево* проживал десятский *Савва Федков*; всего в этой деревне было 3 двора⁵⁰³. Деревня на *Киале*

⁵⁰⁰ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятинны. 7008 года. С. 117.

⁵⁰¹ Там же. С. 169.

⁵⁰² Там же. С. 199.

⁵⁰³ Там же. С. 332.

Ижорского погоста включала единственный двор десятского *Максимка Федкова* и его сыновей – *Ивашка* и *Семенка*⁵⁰⁴. Деревня на *Саюле Ситино на реце на Ижере* также состояла из одного двора десятского и его сына. Примечательно, что он носил некалендарное личное имя – *Игала*, при этом его патроним (*Ескин*) и имя его сына (*Игнат*) были календарными⁵⁰⁵.

Десятские записаны в двух погостах «в Чуди». В селе *Кёрстово* Ополецкого погоста, где находилось 20 дворов, проживал десятский *Палка*. В этом же селе жили *Ягамас*, *Мелех* и *Микитка Палкины*⁵⁰⁶. Один из трех братьев носил прибалтийско-финское некалендарное имя, у остальных были христианские имена. В селе *Пумалицы* Толдожского погоста было записано 26 дворов. В отдельном дворе жил десятский *Олешка Онашкин* с сыном *Степанком*, однако в этом поселении нет жителей с прибалтийско-финскими именами⁵⁰⁷.

Таким образом, выясняется, что в деревнях и селах, где проживало прибалтийско-финское население, существовала так называемая децимальная система, низшей руководящей прослойкой которого были десятские. Как показывает антропонимия и ойконимия, некоторые десятские, должно быть, сами принадлежали к води и / или ижоре. Некалендарное имя и принадлежность к неславянскому населению вовсе не были препятствием для занятия должности десятского. Десятские Водской пятины жили как в многодворных селах, так и в деревнях; если деревни были однодворными – то отдельно от остальных жителей. Как показывает писцовая книга, десятские ничем не отличались от рядовых крестьян в плане повинностей: они платили оброк великому князю в денежной и натуральной форме. Это свидетельствует о том, что водские и ижорские крестьяне не отличались своей социальной организацией от славян

⁵⁰⁴ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года. С. 362.

⁵⁰⁵ Там же. С. 413.

⁵⁰⁶ НПК. Т. 3. Стб. 899.

⁵⁰⁷ Там же. Стб. 906.

и были инкорпорированы в социальную систему Новгородской земли. Как показал В. А. Кучкин, существование в Новгороде децимальной организации прослеживается не только по писцовым книгам конца XV в. Следы этой системы отмечены уже более ранний период, в XII–XIII вв.: система расширяется и укрепляется в тесной связи с развитием княжеского хозяйства⁵⁰⁸.

О водской и ижорской знати сообщает Новгородская первая летопись. Так, во время войны с немцами в 1444 г. «новгородци послаша селниковъ луских и вочких и ижерьских боярь наперед, а сами хотеша ити с ними за Нарову воевати съ княземъ Иваномъ Володимеровичемъ»⁵⁰⁹. Текст летописи интерпретируется исследователями по-разному. По мнению А. Н. Насонова, новгородцы отправили «селников луских и вочких, и ижерьских боярь», т. е. лужских и водских «сельников» с ижорскими боярами⁵¹⁰. П. В. Лукин интерпретировал известие иначе, как отправку новгородцами «селников луских, и вочких и ижерьских боярь», т. е. лужских жителей (но не крестьян или сельских жителей) с водскими и ижорскими боярами⁵¹¹. Этот вариант представляется более корректным, поскольку в Новгородской земле известно Лужское село. В 1383 г. оно было передано вместе с Орешком, Корелой и половиной Копорья в кормление князю Патрикию Наримантовичу⁵¹².

То, что жители Лужского села названы «сельниками», вовсе не означает, что все они были крестьянами. Во-первых, слово «сельник» в древнерусских

⁵⁰⁸ Кучкин В. А. Десятские и сотские Древней Руси // Горский А. А. и др. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 328, 424. Он же. Десятские средневековой Руси // Средневековая Русь: Сб. статей. М., 2004. Вып. 4. С. 229.

⁵⁰⁹ НПЛ. С. 424.

⁵¹⁰ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства... С. 120.

⁵¹¹ Лукин П. В. Существовало ли в Древней Руси народное ополчение? Некоторые сравнительно-исторические наблюдения // Средневековая Русь: Сб. статей. М., 2011. Вып. 9. С. 65.

⁵¹² НПЛ. С. 379.

текстах может иметь широкое значение «житель»⁵¹³. Во-вторых, поход 1444 г. задумывался как дальний, с переходом более одного дня. В таком походе предпочтение отдавалось коннице и воинам с хорошим вооружением, а не крестьянской пехоте. Это подтверждается словами летописи о том, что «начаша кони мрети в городе и по волостем велми много», так что в итоге поход был отложен⁵¹⁴. Как показал А. В. Быков, военные сборы «до последнего пешца» в XV веке был явлением крайне редким и экстренным⁵¹⁵. С военной точки зрения набор крестьян в ополчение себя не оправдывал ввиду низкого уровня профессионализма. Таким образом, жители Лужского села, упомянутые вместе с водскими и ижорскими боярами, вряд ли все были крестьянами. Среди них, должно быть, преобладали «вятские мужи», способные обеспечить себя боевым конем и вооружением. Однако есть известия, что у Новгорода все же были планы по использованию пеших воинов в походе 1444 г. Так, письмо наместника Выборга Карла Кнутссона от 20 мая 1444 г. сообщает, что новгородцы готовили морской поход против Нарвы, собираясь послать туда на ладьях 2500 человек⁵¹⁶.

Из приведенного летописного отрывка следует ряд важных выводов. Во-первых, в середине XV в. у води и ижоры имеется своя знать, которая именуется по древнерусскому (новгородскому) образцу «боярами». Во-вторых, эта знать наряду с жителями, сидевшими по реке Луге, оказывается инкорпорированной в новгородскую военную и, следовательно, социально-политическую систему. В-третьих, место финноязычной знати и лужских «сельников» определяется как подчиненное по сравнению с горожанами Новгорода. Войском

⁵¹³ Сельник // Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 2000. Вып. 24. С. 49.

⁵¹⁴ НПЛ. С. 424.

⁵¹⁵ Быков А. В. Новгородское войско XI–XV веков: дисс. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2006. С. 73.

⁵¹⁶ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Л., 1975. С. 68.

распоряжаются именно новгородцы, а жители Лужского села и знать исполняют принятое решение. В этой ситуации не приходится говорить о войске, состоящем из равноправных «общинников»⁵¹⁷.

По мнению Д. В. Верховцева, известие о водских и ижорских боярах носит не этнокультурные, а административно-территориальные коннотации⁵¹⁸. Теоретически наличие таких коннотаций возможно, но в данном случае это мнение не подкреплено конкретными аргументами. Между тем, наличие знати и военной организации прослеживается у прибалтийско-финских этносов гораздо ранее, причем не только у води и ижоры, но и у эстов. Так, в 1344 г. «бысть мятежь за Наровою великъ: избиша Чюдь своихъ боярьъ земьскихъ, и въ Колываньской земли и в Ругодивской волости, 300 их»⁵¹⁹. Поэтому можно усматривать в летописных водских и ижорских боярах неславянскую знать.

Таким образом, анализ описания Копорского, Ямского и Новгородского уездов Водской пятины позволяет сделать вывод, что прибалтийско-финская ономастическая традиция концентрировалась прежде всего в Толдожском и Каргальском погостах. Эта область ограничивается долинами рек Толдоги, Сумы и Систы, северо-западной частью Ижорского плато и Сойкинскими высотами. Толдожский, соседний Ополецкий и отчасти Каргальский погосты, судя по археологическим данным, были местом компактного расселения води. Тезис о том, что водь была немногочисленным и в географическом плане «окраинным» этносом Новгородской земли был поддержан Н. В. Хвоцинской и продемонстрирован на обширном археологическом материале⁵²⁰.

⁵¹⁷ Лукин П. В. Существовало ли в Древней Руси народное ополчение... С. 65.

⁵¹⁸ Верховцев Д. В. Ускользящий этноним: ижора в письменных источниках // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт: Сб. статей. СПб., 2016. С. 72.

⁵¹⁹ НПЛ. С. 357.

⁵²⁰ Хвоцинская Н. В. Племя водь и его культура в составе Новгородской земли // Великий Новгород и средневековая Русь: К 80-летию академика В. Л. Янина. М., 2009. С. 306–307.

§ 3. Этнические прозвища на территории Водской пятины

Особую категорию древнерусских антропонимов составляют прозвища, образованные от этнонимов. В писцовой книге Водской пятины 1500 г. встречаются такие прозвища, как *Чудин*, *Ижерянин*, *Корелянин*, *Литвин*, *Немчин*, *Лопин*, *Вожко* / *Вошко*. Прозвище *Чудин* концентрируется главным образом на территориях «чудских» погостов. А. Г. Новожилов отметил присутствие этого прозвища в Каргальском, Толдожском и Ополецком погостах, а также в Ямском околородье⁵²¹. Однако его вывод не точен. Писцовая книга вовсе не фиксирует *Чудинов* в Ополецком погосте. В городе Яма были записаны два человека с прозвищем *Чудин*. В Заверяжье и Кречневском погосте проживало по одному носителю этого прозвища⁵²².

В Ямском уезде насчитывается 11 человек с прозвищем *Чудин*. Из них 5 проживали в Ямском околородье, 4 – в Толдожском погосте «в чуди», 2 – в самом городе Яма. Меньше носителей этого прозвища находилось в Копорском уезде – 6 человек. Все они проживали на территории Каргальского погоста, который, как и Толдожский погост, был местом концентрации прибалтийско-финской антропонимии. В Новгородском уезде зафиксированы всего 2 носителя этого прозвища. В Ладожском, Ореховском и Корельском уездах прозвище *Чудин* отсутствует.

Значение прозвища *Чудин* проясняется на конкретных примерах. Обращает на себя внимание упоминание в Толдожском погосте «*Юречи Чудина*, домника». В его прозвище можно усматривать указание на этническую принадлежность, если учитывать то, что его сын (*Игала Юречин*) назван древним прибалтийско-финским именем *Ihala*. В Толдожском погосте записаны еще 3 носителя прозвища *Чудин*: среди них *Вишуй Чудин* являлся носителем прибал-

⁵²¹ Новожилов А. Г. Этническая ситуация... С. 85.

⁵²² НПК. Т. 3. Стб. 24, 229.

тийско-финского личного имени, остальные проживали в «сельце» с прибалтийско-финским названием *Рудъела Старая* в окружении соседей, также носивших прибалтийско-финские имена («*Тимуй Савин... да брат Тимув Гридка, Емельяно Чюдин, Ермолка Тошов, Ивашко Чюдин*») ⁵²³. Таким образом, можно предположить, что в Толдожском погосте носители прозвища *Чюдин* принадлежали к «чудской» прибалтийско-финской общности.

Показательны прозвища в Каргальском погосте. Здесь *Чюдины* либо сами имеют некалендарное имя, либо проживают в окружении носителей таких имен. Например: «селцо Прикупля: дв. *Тошуй* Лентиев, дв. Савка *Мелтиев*, дв. Онашка *Тойвалов*, дв. *Игамас Чюдин*», «селцо Нежново, на реце на Систи: дв. *Иллуй* Дмитров, дв. Федко *Игамов*, дв. Игнат *Игамов*, дв. *Яшко Чюдин*, дв. Васко *Игандуев*, дв. Фомка *Ивуев*, Стехно *Ивуев*, Дементий *Игандов*», «селцо Вотской Конец: дв. *Игалко* Олешков, дв. Андрейко *Вихтуев* да сын его Васко, дв. Ивашко Игнатов да сын его *Игалко*, дв. *Ивашко Чюдин* да сын его Исачко» ⁵²⁴.

Тойват Чюдин из Ямского окологородья был носителем древнего прибалтийско-финского имени *Toivottu*, а его прозвище могло быть уточнителем этнической принадлежности. Неслучайно он проживал в одном дворе с *Ондрейкой Вилло*, по-видимому, вожанином. В Ямском окологородье некоторые *Чюдины* проживали по соседству с носителями прибалтийско-финских имен, например: «деревня Стехнов Котел: дв. Федко *Каубин*, дв. Ивашко *Каубин*, сын его Онкиф, Юшка *Каубин*, *Куземка Чюдин*, сын его Власко, Захарко *Лембитов*, Стехно Улика *Тойвutow*, Ондрейка *Игамасов*, сын его Лучка, *Лембик Толжанин*», «д. Орел на Лузе: дв. *Ивашко и Андрейко Чюдины*, *Игалтас Осташов*, Петрок да Васко *Выишуевы*, Степанко *Игалтасов*, сын его Федко» ⁵²⁵.

⁵²³ НПК. Т. 3. Стб. 909, 929, 932.

⁵²⁴ Там же. Стб. 508, 514, 521.

⁵²⁵ Там же. Стб. 890, 891.

География прозвища *Чудин* такова: это Сойкинский полуостров, район городов Ямы и Копорья, долина реки Систы, на нижней Луге и в верховьях реки Вальи. Как было показано выше, именно на этих территориях концентрировалась прибалтийско-финская антропонимия и ойконимия; там же выявлены комплексы захоронений с водскими предметами. Таким образом, в *Чудинах* можно усматривать представителей воды.

Крупная группа этнонимических прозвищ представлена антропонимом *Ижерянин*. Как известно, «Ижорская земля» отчасти охватывала территорию Приневья, где в ряде погостов встречаются ареалы концентрации прибалтийско-финского ономастикона – это, прежде всего, Ижорский и Дудоровский погосты. В этом смысле под «Ижорской землей» можно понимать не просто географическую область – долину реки Ижоры, – но и регион со специфическим этническим элементом, представленным, прежде всего, ижорой. Подсчеты количества этих прозвищ, проведенные исследователями, различаются. А. Г. Новожилов в целом отмечает 14 прозвищ в Водской пятине, привязывая их к географическим объектам⁵²⁶. О. И. Конькова, напротив, фиксирует прозвища в поселениях и погостах, но ни приводит общего количества прозвищ, ни привязывает их к географическим объектам⁵²⁷.

Наибольшая в количественном отношении группа *Ижерян* (6 человек) наблюдается на территории Каргальского погоста Копорского уезда, располагавшегося в долине реки Систы и на Сойкинском полуострове. В этом же погосте записаны деревни *Изори у монастыря* (1) и *Изоринское* (2)⁵²⁸. Названия этих деревень, возможно, восходят к этнониму «ижора». Необходимо разде-

⁵²⁶ Новожилов А. Г. Этническая ситуация... С. 88.

⁵²⁷ Конькова О. И. Ижора... С. 56.

⁵²⁸ НПК. Т. 3. Стб. 527, 548, 551.

лить эти ойконимы с названием *Изорники*, которое, вероятно, имеет не этническую, а социальную природу⁵²⁹. Меньше *Ижсрян* (4) зафиксировано в Городенском погосте Новгородского уезда – на юге Водской пятины. Отмечены носители прозвища в верховьях реки Коваши в Дятелинском погосте (1) и в долине Ижоры в Кипенском погосте (2). По одному прозвищу встречается в Солецком, Тигодском, Гдитцком и Будковском погостах Новгородского уезда. В Будковском погосте записаны 3 деревни с названием *Изори*⁵³⁰. Некоторые носители прозвища *Ижсряннин* имели некалендарное прибалтийско-финское имя, например: «В дер. в Домницах: дв. Пантелейко *Иртов*, ...*Иголка Ижсряннин*», ««д. Заозерье: *Игнатко да Ригуй Ижсряне*»⁵³¹.

Картографирование прозвищной антропонимии писцовых книг иллюстрирует предположительную границу проживания *Ижсрян*: это бассейны южных притоков Невы и рек юго-восточного побережья Финского залива. В административном отношении граница условно была очерчена Ижорским, Дудоровским и Ярвосольским погостами – они как раз и составляли анклав неславянской антропонимии и ойконимии, а также ижорских древностей. В этом случае есть основания считать *Ижсрян* представителями ижоры.

Однако говорить о твердых этнических границах на основании письменных источников невозможно. В этой связи интересна ситуация, например, на территории Каргальского погоста: здесь помимо 7 прозвищ *Чюдин* писцы отметили 6 прозвищ *Ижсряннин*. Особенность состоит в компактном и одновременно чересполосном расположении представителей разных этнических групп: «селцо Прикупля: дв. *Игамас Чюдин*», «селцо Заполье Воблучье: дв. *Стехно Чюдин*», «село Воронкино: дв. *Игнатко Чюдин*», «селцо Нежново: дв. *Яшко Чюдин*», «селцо Урмизно: дв. *Олекса Ижсряннин*, дв. *Царко Ижсряннин*»,

⁵²⁹ НПК. Т. 3. Стб. 648; Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года. С. 323, 328.

⁵³⁰ НПК. Т. 3. Стб. 301, 322, 325.

⁵³¹ Там же. Стб. 387, 550.

«селцо Вотской Конец: дв. Ивашко Чюдин да сын его Исачко», «селцо на Сипиных горах у моря: дв. Тараско Чюдин... Ивашко Ижерянин... дв. Остахно Ижерянин», «д. Заозерье: Игнатко да Ригуй Ижеряне»⁵³². По-видимому, здесь наблюдалось размывание этнических границ ижоры, в пользу чего говорит использование прозвищ *Чюдин* и *Ижерянин*. Примечательно также, что *Ивашко Чюдин* с сыном проживали в сельце *Вотской Конец*, что еще раз позволяет связать прозвище *Чюдин* с водью.

В 1534 г. архиепископ Новгородский Макарий написал грамоту духовенству Водской пятины «въ Чудь, въ Толдожский погость, и въ Ижорский погость, и в Дудоровский погост, и въ Замошский погость, и въ Егорьевский погость, и въ Ополецкий погость, и въ Кипенский погость». В 1548 г. архиепископ Феодосий написал аналогичную грамоту «въ Чюдь, въ Толдожский погость, и въ Ижеру, въ Каргальский погость, и въ Ижерский погост, и въ Дудоровский погост...и въ Спаской погость въ Зарецкой»⁵³³. Важно то, что «чудь» здесь по смыслу привязывается к Толдожскому погосту, а ижора – к Каргальскому, Ижорскому, Дудоровскому и иным погостам, где концентрируется прибалтийско-финская антропонимия и ойконимия. Архиепископы Макарий и Феодосий акцентировали внимание в своих посланиях на сохранении языческих традиций в перечисленных погостах, призывая духовенство к тому, чтобы «молбища везде отнюдь въ конец истреблении и поправки были». Видимо, эти языческие традиции непосредственно связаны с их носителями – «чудью» и ижорой.

Нельзя полностью согласиться с точкой зрения Е. А. Рябина, который утверждал, что само появление прозвищ с этнонимической основой связано с

⁵³² НПК. Т. 3. Стб. 508, 509, 511, 514, 520, 521, 550.

⁵³³ Грамота Новгородского архиепископа Макария в Водскую пятину. Стб. 27; Грамота Новгородского архиепископа Феодосия в Водскую пятину // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1846. Т. 1. Стб. 57.

подселением отдельных представителей чуди или ижоры в деревни с иным ведущим этносом. Эта точка зрения имеет широкое распространение среди исследователей этнической истории Новгородской земли, хотя и претерпевает некоторые поправки⁵³⁴.

Во-первых, на основании одной прибалтийско-финской антропонимии невозможно сделать вывод о преобладании той или иной этнической группы на территории поселения из-за сходства антропонимов. Здесь достаточно сравнить антропонимиконы «чудских», «ижорских» и «корельских» погостов. Они имеют сходства в перечне имен, поскольку основаны на древних прибалтийско-финских именах и на адаптированных в прибалтийско-финских языках календарных антропонимах. Их носителями были разные этнические группы – водь, ижора, карелы и саамы. «Этническая идентификация» территорий становится возможной благодаря археологическому материалу, взятому из конкретных погостов.

Во-вторых, со стороны исследователей нет объяснения тому факту, что прозвище *Чудин* встречается в Толдожском «чудском» погосте, где не зафиксированы иные «этнические» прозвища. Для примера можно привести описание ряда поселений: «селцо Рудьела Старая: дв. Тимуй Савин... Емельялко *Чюдин*, Ермолка Тошов, Ивашко *Чюдин*, дети его Ивашко да Кирилко», «деревня над озером над Валгомом: дв. Юреча *Чюдин*, сын Петруша, домники, Игала Юречин», «д. Лужыцы: дв. Вишуй *Чюдин*»⁵³⁵. Наличие прозвищ у некоторых жителей погоста можно объяснить, с одной стороны, усилением роли календарного антропонимикона в Водской пятине и, с другой стороны, желанием и / или необходимостью идентификации (в том числе и самоидентификации) человека как представителя определенной этнической группы. По-

⁵³⁴ *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси... С. 42; *Конькова О. И.* Водь... С. 39; *Новожилов А. Г.* Этническая ситуация... С. 86.

⁵³⁵ НПК. Т. 3. С. 909, 929.

этому сложно говорить об использовании прозвищ в ситуации, когда одна этническая группа преобладает над другой. Достаточно указать на то, что этническая неоднородность отдельных поселений являлась серьезным основанием для появления этнических прозвищ.

С водской группой прибалтийско-финского населения северо-запада Новгородской земли можно косвенно связать прозвище *Вожко / Вошко*, т. е. «вожанин». Такое значение прозвища следует не только из его бытования в Водской пятине. В грамоте архиепископа Макария говорится о языческих традициях «въ Чюди, и въ Ижере, и въ Вошкехъ». Архиепископ Феодосий написал аналогичную грамоту «въ Чудь, и въ Ижеру, и въ Вошки»⁵³⁶. За термином *Вошки* можно видеть этническую группу – вoдь.

А. Г. Новожилов указывал на одного «вожанина» – *Ивашко Вошко* из Озерецкого погоста⁵³⁷. Между тем, антропоним встречается также в Егорьевском Лужском (2) и Коломенском погосте (1)⁵³⁸. По косвенным данным А. Г. Новожилов располагал территорию проживания «вожан» в Зарецком погосте⁵³⁹, но эти выводы базируются на более поздних текстах – посланиях в Водскую землю архиепископов Макария и Феодосия. Послания не содержат прямой информации о территории проживания вoди. Вряд ли возможно с точностью локализовать район проживания вoди по материалам письменных источников. Антропоним *Вожко / Вошко* может указывать лишь на проживание *Вожан* в иноэтничной среде.

Носители прозвища *Корелянин* фиксируются в погостах, находящихся неподалеку от Великого Новгорода – в Будковском (1), Гдитцком (2) и Лужском (2) погостах Новгородского уезда. Единственный раз упоминается прозвище *Немчин*: *Матюк Немчин* был записан в деревне Подборовье Солецкого

⁵³⁶ Грамота Новгородского архиепископа Макария в Водскую пятину. Стб. 29; Грамота Новгородского архиепископа Феодосия в Водскую пятину. Стб. 57.

⁵³⁷ НПК. Т. 3. Стб. 717.

⁵³⁸ Там же. Стб. 30, 44, 469.

⁵³⁹ Новожилов А. Г. Этническая ситуация... С. 88.

погоста на Волхове⁵⁴⁰. Возможно, он действительно был выходцем из Европы, либо славянином, проживавшим на Западе какое-то время.

Писцовая книга Водской пятины содержит единичные тюркские антропонимы. В Волочке Сванском проживал *Трофимко Нурза Максимов*, по статусу относящийся к «рядовым людям»⁵⁴¹. Антропонимы *Булатов* и *Булгаков*⁵⁴², носителями которых являются помещики (в целом 5 человек), имеют тюркскую основу.

Появление прозвищ «этнического» характера (особенно в Новгородском уезде) можно теоретически связывать с миграциями населения и поселением в иноэтнических местах. Миграционные процессы в Водской пятине были обеспечены наличием здесь густой и разветвленной сети дорог, пригодных как для передвижения больших масс людей, так и перемещения грузов в летнее и зимнее время⁵⁴³. К 1500 г. уже действовала Ореховская дорога, которая совпадала с Ивангородской дорогой на протяжении пути от Новгорода до Лусского яма и затем продолжалась далее на север под названием Корельской⁵⁴⁴. Корельская дорога соединяла Орешек и Корелу. Первые сведения о Корельской дороге относятся к 1539 г., однако, по мнению А. А. Селина, ямская служба была установлена на ней гораздо раньше⁵⁴⁵. Существовал также водный и санный путь

⁵⁴⁰ НПК. Т. 3. Стб. 437.

⁵⁴¹ Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года. (Продолжение). С. 7.

⁵⁴² НПК. Т. 3. Стб. 380, 399, 579.

⁵⁴³ *Голубцов И. А.* Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI–XVII вв. и отражение их на русской карте середины XVII века // Вопросы географии. 1950. № 20. С. 271.

⁵⁴⁴ *Фролов А. А.* «Географический фактор» в организации государственных поземельных описаний конца XV – середины XVII в. // Книга картины земли: Сб. статей в честь И. Г. Коноваловой. М., 2014. С. 279.

⁵⁴⁵ *Селин А. А.* Магистральные дороги Северо-Запада Новгородской земли в XVI–XVII вв. // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 93.

из Новгорода в Ладогу и обратно. Этот участок известен как одна из частей «пути из варяг в греки». Волхов представлял собой наиболее прямую и короткую магистраль, связывавшую эти два города. Сухопутная дорога вдоль левого берега Волхова появилась лишь в XVI в.⁵⁴⁶

Причиной внутренних миграций славян, води и ижоры могли быть природно-климатические изменения, например – засуха. Между 1484 г. и 1498 гг. было две крупные засухи. Первая относится к 1485 г. и упоминается во Пскове⁵⁴⁷. Засушливыми были 1486, 1488 и 1491 гг. После перерыва засуха возобновилась в 1499 г.⁵⁴⁸ В условиях отсутствия на Ижорском плато открытой воды и увлажненных почв засуха могла привести к голоду. Население переселялось в долины рек или переносило свои посевы и покосы на увлажненные почвы.

Таким образом, анализ антропонимического и ойконимического материала позволяет сделать вывод о существовании в Водской пятине нескольких центров, где концентрировалась прибалтийско-финская ономастическая традиция – это, прежде всего, Толдожский, Каргальский, Дудоровский и Ижорский погосты. Погосты располагались двумя анклавами. Толдожский и Каргальский погосты находились на юго-западном побережье Финского залива. Эта область ограничивается долинами рек Толдоги, Сумы и Систы, северо-западной частью Ижорского плато и Сойкинскими высотами (см. приложения 7 и 8). Толдожский, соседний Ополецкий и отчасти Каргальский погосты, судя по археологическим данным, были местом компактного расселения води. Дудоровский и Ижорский погосты занимали территорию от юго-восточного берега Финского залива по южному берегу Невы. Здесь, видимо, проживала ижора. Кроме того, по ономастическим и археологическим данным ижора

⁵⁴⁶ Селин А. А. Магистральные дороги... С. 91.

⁵⁴⁷ ПСРЛ. Т. 5, вып. 2. С. 67.

⁵⁴⁸ Бараш С. И. История неурожаев и погоды в Европе. М., 1989. С. 168–175.

фиксируется в северном Приневье, южном Приладожье и на севере Новгородского уезда.

В городах неславянские антропонимы и «этнические» прозвища немногочисленны, но их разнообразие было выше: в городах встречаются носители прибалтийско-финской и тюркской антропонимии, а также различных «этнических» прозвищ. Если носителями прибалтийско-финских имен были преимущественно крестьяне и в гораздо меньшей степени – жители городов, то тюркские имена носили многие помещики. Тенденция к разнообразию антропонимии городского населения позволяет рассматривать города Водской пятины как полиэтничные центры.

ГЛАВА 5. НАСЕЛЕНИЕ ЮЖНЫХ ПЯТИН НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

§ 1. Состав населения Ивангорода по данным писцовой книги Шелонской пятины 1497 / 1498 г.

Шелонская пятина занимала западную и юго-западную часть Новгородской земли. На северо-западе Шелонская пятина граничила с Ливонским орденом (в нижнем течении реки Наровы). На западе пятина граничила с Псковской землей, на юге – с ржевскими землями. По реке Луге проходила граница между Шелонской и Водской пятнами, а река Ловать отделяла Шелонскую пятину от Деревской.

Весной 1492 г. по приказу великого князя Ивана Васильевича в Шелонской пятине Новгородской земли был основан город, получивший своё название по имени великого князя – Ивангород. Город изначально задумывался как русский форпост: с момента закладки он имел четырехугольную каменную стену и располагался на берегу Нарвы напротив ливонского города Ругодив (Нарва)⁵⁴⁹. Безусловно, основание нового города – мероприятие, требующее аккумуляции значительных человеческих ресурсов. В связи с этим представляется интересным вопрос, насколько этнически и регионально однородным или неоднородным было ивангородское население.

Немногие авторы обращались к данной проблематике. Так, В. Н. Бернадский отметил, что большинство ивангородских ремесленников и мелких торговцев были «местными людьми, деревенскими ремесленниками или торгующими крестьянами». Часть купцов была москвичами и новгородцами, встречались среди жителей псковичи⁵⁵⁰. Г. В. Алферова, анализируя данные

⁵⁴⁹ ПСРЛ. Т. 18. С. 276.

⁵⁵⁰ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. Л., 1966. С. 133.

об основании русских городов XVI–XVII вв., сделала вывод, что в новых городах Русского государства (в том числе в Ивангороде) широко применялась практика привлечения «охочих людей» «поместным верстанием и государевым жалованием»⁵⁵¹. Говоря о населении новгородских крепостей, А. Н. Кирпичников заметил, что московские власти собрали в Ивангороде переселенцев из разных мест и приписали к городу различные угодья и земли⁵⁵². Выводы указанных исследователей построены на полном доверии антропонимическим данным писцовой книги Шелонской пятины 1497 / 1498 г., в которой были записаны жители Ивангорода с прозвищами *Москвитин*, *Псковитин* и *Новгородец*. Однако не все исследователи антропонимии писцовых книг склонны столь однозначно интерпретировать прозвища, в связи с чем важно привлекать источники разного вида, способные пролить свет на историю ивангородского населения.

В 1497 / 1498 г. Ивангород был описан в составе писцовой книги Шелонской пятины Матвея Ивановича Валуева. Описание Ивангорода было проведено как внутри города, так и на посаде по категориям дворов – купеческим, воротничким, торговых людей и казаков. К моменту переписи внутри города и на посаде числилось 165 дворов и 198 человек⁵⁵³, среди которых явно выделяются люди, прозвища которых образованы от названий городов: так, внутри Ивангорода жили купцы *Ивашко Дехтярев Москвитин* и *Якуш Напрудцкой Москвитин*; упоминается некий *холопец Ноугородец огородник*, имя которого не сохранилось. «На подоле» горы записаны *Стехно Новгородец огородник*, *Фефилко Псковитин*, *Петруша Псковитин перевозник*, *Пантех Псковитин*, а также *Псковитин*, имя которого не сохранилось в тексте⁵⁵⁴. Подавляющее число имен в Ивангороде – календарные. Как можно заметить, у некоторых

⁵⁵¹ Алфорова Г. В. Организация строительства городов в Русском государстве в XVI–XVII вв. // Вопросы истории. 1977. № 7. С. 58.

⁵⁵² Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. С. 182.

⁵⁵³ НПК. Т. 4. Стб. 230.

⁵⁵⁴ Там же. Стб. 227–229.

«людей», проживавших на сравнительно небольшой площади города и посада, были «топонимические» прозвища, которые могли указывать на то, что люди пришли из других городов и / или земель Руси – Москвы, Великого Новгорода и его пригородов, а также Псковской земли.

Если видеть в носителях прозвищ мигрантов, то иммигрантами в Ивангороде могли быть не только славяне: в непосредственной близости от Ивангорода находилась граница Водской пятины и водско-ижорские погосты, что объясняет присутствие в Ивангороде прибалто-финнов. Граница между Шелонской и Водской пятинами проходила по реке Луге. Возможно, носители прозвища *Вошко* составляли особую группу внутри прибалтийско-финского населения Ивангорода. Как уже говорилось выше, это прозвище обозначало *вожанина*, и такое значение прозвища следует не только из его бытования в Водской пятине. В грамоте архиепископа Макария от 1534 г. говорится о языческих традициях «въ Чюди, и въ Ижере, и въ Вошкехъ». Архиепископ Феодосий написал в 1548 г. аналогичную грамоту «въ Чудь, и въ Ижеру, и въ Вошки»⁵⁵⁵. За термином *Вошки* можно видеть этническую группу – водь. Среди них «торговые люди и казаки» *Еска Вошко мясник, Кохно Вошко мясник, Ивашко Вошко швец, Минка Вошко, Клим Вошко, Палка Вошко*. Среди торговых людей и казаков отмечены также два *Чудина* – *Данилко Чудин* и *Игалко Чудин*. Важно то, что второй носил прибалтийско-финское некалендарное имя, будучи в окружении славянского населения. Некалендарное имя в сочетании с «этническим» прозвищем дает надежные основания предполагать, что их носитель действительно принадлежал к прибалтийско-финской («чудской») общности. Удастся идентифицировать ряд носителей прибалтийско-финских антропонимов, но без прозвищ: «торговые люди и казаки» *Федко*

⁵⁵⁵ Грамота Новгородского архиепископа Макария в Водскую пятину. Стб. 29; Грамота Новгородского архиепископа Феодосия в Водскую пятину. Стб. 57.

*Микуй, Еска Какуев, Ивашко Ускалов, Гришка Кигуй*⁵⁵⁶. Исходя из состава антропонимии жителей Ивангорода, можно предположить, что он был полиэтничным центром.

Как в самом Ивангороде, так и за его пределами, в сельской местности Ивангородского уезда, отмечается немногочисленная прибалтийско-финская антропонимия, что может быть связано с миграцией води и ижоры из соседней Водской пятины в Ивангород и Ивангородский уезд. Рядом с посадом Ивангорода, в селе Наровское, упоминается 11 носителей прибалтийско-финских имен. Внимание привлекают некалендарные прибалтийско-финские имена жителей села: *Никитко Артемов Галуи, Сенка Репуй, Федко Репуев сын, Тойвот Июдин, сын его Игам, Моусейко Нермуев, Игалко Микитин, Стехно Лембеев, Овсейко Мотуев, Имотей Неуев Нефедков, Игалко Ондрейков*⁵⁵⁷. Некалендарная прибалтийско-финская антропонимия жителей села и близость водско-ижорских погостов позволяют считать, что в селе Наровском компактно проживали прибалто-финны. Прозвищная антропонимия встречается только в деревне Тявзино, где жили *Васко Ижерянин* и его сын *Игнат*. Причину столь разнородного состава населения в Ивангородском уезде помогают понять свидетельства источников о русской внешней политике на северо-западном направлении.

В 1495 г. великий князь Иван Васильевич отправил многочисленное войско под Выборг. Силы русской стороны состояли из нескольких отрядов – московско-тверского во главе с князем Даниилом Щеней и новгородского под командованием Якова Захарьина; они вышли в поход в «богородицкое говение» (т. е. в Успенский пост, в первой половине августа)⁵⁵⁸. Псковичи с князем Василием Фёдоровичем Шуйским выступили 6 сентября. Русским войскам так и

⁵⁵⁶ НПК. Т. 4. Стб. 228–230.

⁵⁵⁷ Там же. Стб. 231–232.

⁵⁵⁸ ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 81; ПСРЛ. Т. 28. С. 160.

не удалось взять Выборг, однако они опустошили его округу. Псковская летопись сообщает о том, что псковичи были в походе на шведов 15 недель, т. е. до начала декабря 1495 г. В ноябре того же года князь Иван Васильевич прибыл в Великий Новгород, а в январе 1496 г. отправил войско на Швецию в «Гамьскоую землю», т. е. в направлении южной Финляндии, где проживала емь. Эта территория была опустошена русскими войсками, которые вернулись в Новгород из похода в марте. Весной 1496 г. войска находились в очередном походе, но уже на «Каянскую землю» – территорию, подвластную Швеции и заселенную как шведами, так и финнами⁵⁵⁹.

Разрушительные походы русского войска не остались без ответа со стороны шведов. 12 апреля 1496 г. в Пскове был казнен через сожжение некий *Чюхно* (т. е. *Чудин*)⁵⁶⁰, который проник на территорию кремля и совершил поджог его северной башни. *Чюхно*, по сообщению летописи, дал согласие шведам поджечь кремль после того, как те пообещали ему щедрое вознаграждение. Очевидно, преступник был прибалто-финном, но место его проживания неизвестно. Вполне возможно, что он был финном с шведской стороны⁵⁶¹.

Летописные тексты сообщают о том, что 19 или 26 августа 1496 г. к Ивангороду по Нарве подошло 70 шведских судов («бус»). Осада города была непродолжительной: воевода и наместник Ивангорода Юрий Бабич вместе со своей женой вскоре оставили город. Немногочисленность населения города, отсутствие военного командования и боеприпасов привели к тому, что крепость была вскоре взята шведами, а затем сожжена. Население Ивангорода

⁵⁵⁹ ПСРЛ. Т. 39. С. 169–170; *Шаскольский И. П.* Берестяные грамоты... С. 77.

⁵⁶⁰ *Чухно* – производное от *чудь* с экспрессивным суффиксом *-хно*. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1987. Т. 4. С. 389.

⁵⁶¹ ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 82.

было либо истреблено, либо уведено в плен. Князя Иван Брюхо и Иван Гундоров стояли недалеко от города и наблюдали за его взятием, но по неизвестным причинам в бой так и не вступили⁵⁶².

Западные источники представляют несколько иную версию. Письмо городского совета Ревеля в Любек от 16 сентября 1496 г. сообщает, что взятие Ивангорода шведами состоялось 24 августа⁵⁶³. Письмо великого магистра Тевтонского ордена Иоганна фон Тифена имперскому магистру Грумбаху содержит более подробные сведения. Действительно, штурм состоялся 24 августа, в день памяти св. Варфоломея. К Ивангороду подошло 70 кораблей с 6-тысячным шведским войском. В результате непродолжительного боя погибли все защитники крепости – таковых насчитывалось 300 человек, включая наместника города и его супругу, изображенных в летописи беглецами с неизвестной впоследствии судьбой. Великий магистр заметил, что «эту потеху комтур нашего ордена в Нарве в то время наблюдал своими глазами»⁵⁶⁴. Примечательно, что ПЛ, которая в конце XV в. представляла пример независимого историописания, о предательстве Юрия Бабича ничего не сообщает.

После взятия крепости к новому псковскому наместнику – князю Александру Владимировичу – прибыл гонец из Ивангорода. Уже 1 сентября псковские войска вышли в направлении Гдова, а через 12 недель (6 декабря) вернулись обратно в Псков. Летописец замечает, что псковичи находились все это время «на великого князя слоужбе». Такая военная активность псковичей у Ивангорода, не сопровождавшаяся боями, может быть понятна при изучении показаний других источников. Сразу после ухода шведов, в сентябре 1496 г., крепость начали восстанавливать: «посла великий князь во Иван град князя

⁵⁶² ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 82; ПСРЛ. Т. 39. С. 171 («Въ граде же не бысть воеводы и людеи бе мало, и запасоу ратного не бысть въ граде»).

⁵⁶³ Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Riga, 1900. Abt. 2. Bd. 1. S. 292.

⁵⁶⁴ Ibid. S. 289–290. Цит. по: *Бессуднова М.* Ложь и правда воеводы Бабича // *Родина*. 2012. № 8. С. 69–71.

Ивана Гундора и Михаила Кляпина», которые «люди собраша и град укрепиа»⁵⁶⁵. В декабре восстановительные работы были завершены, о чем косвенно говорит Псковская летопись – воинские отряды вернулись в Псков⁵⁶⁶.

Очередной поход псковского войска начался 2 февраля 1498 г. Предварительно на вече прибыл московский посол с грамотой от великого князя, «чтобы отчина моя мне послужили». Псковскому войску предписывалось выступить к Ивангороду с военным снаряжением. В составе войска был сам князь Александр Владимирович, два посадника, несколько бояр, а также жители Пскова и его «пригородов». Отряды стояли около Ивангорода и на реке Плюссе в течение двух недель, после чего вернулись обратно, «не оуправив ничего же»⁵⁶⁷.

Постройка Ивангорода сопровождалась колоссальными инженерными работами, о чем свидетельствуют результаты археологических изысканий. В конце 1495 г. к Ивангороду была прорублена широкая дорога, которая, вероятно, начиналась в Яме, что превращало обе крепости в единую оборонительную систему⁵⁶⁸. Археологические исследования говорят о том, что население Ивангорода в конце XV в. формировалось за счет притока выходцев из разных земель Руси – Новгородской, Псковской, Московской⁵⁶⁹. Состав ивангородской керамической коллекции в полной мере отражает этот процесс. Форма, орнаментация и размеры ивангородской посуды на рубеже XV–XVI вв. прослеживаются в керамике Великого Новгорода и его пригородов, а также в

⁵⁶⁵ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21, ч. 1: Книга степенная царского родословия. С. 571.

⁵⁶⁶ ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 83.

⁵⁶⁷ Там же. С. 82–83.

⁵⁶⁸ Курбатов А. В. Ранние оборонительные сооружения Ивангородской крепости. Археологические исследования крепости 1492 г. в 1980–2012 гг. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (охранная археология). СПб., 2014. С. 254.

⁵⁶⁹ Косточкин В. В. Крепость Ивангород // Материалы и исследования по археологии СССР. 1952. № 31. С. 224–317; Он же. Топография Ивангорода в XVI в. // Советская археология. 1961. № 3. С. 261–269.

Москве и других центральных землях Руси⁵⁷⁰. Комплекс керамики Ивангородской крепости имеет большое сходство с керамической продукцией Пскова. Так, к изделиям псковских гончаров можно относить плоские фляги, покрытые зелёной «муравчатой» поливой. Наибольшее количество таких фляг было найдено именно в Пскове⁵⁷¹. Весьма сильное влияние Пскова на материальную культуру раннего Ивангорода отмечается в кожевенном деле⁵⁷². Также надо принимать во внимание большой опыт псковских жителей и «каменных дел мастеров» в использовании выходов местных известняков для строительства в самом Пскове⁵⁷³. Таким образом, изучение древностей на территории Ивангорода позволяет предположить, что основу первоначального населения Ивангорода составляли выходцы из Пскова и его окрестных поселений.

Преобладание псковичей среди жителей крепости могло быть вызвано различными факторами. Во-первых, на западе Ивангородский уезд непосредственно граничил с Псковской землёй, что создавало благоприятные условия для притока поселенцев и работников из Псковской земли в Ивангород. Но в административном отношении уезд принадлежал Новгородской земле и входил в состав Шелонской пятины. В этом случае не вполне ясно, почему обеспечение охраны Ивангорода было возложено именно на псковичей, а не новгородцев. Видимо, решение великого князя отправить к Ивангороду псковские войска было продиктовано политическими соображениями. Псковская земля

⁵⁷⁰ Чернов С. З. К хронологии московской керамики конца XV–XVI вв. // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991. Т. 5. С. 50–59.

⁵⁷¹ Петренко В. П., Кильдюшевский В. И., Курбатов А. В. Ивангородская керамика конца XV–XVI вв. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (охранная археология). СПб., 2013. С. 253–268.

⁵⁷² Курбатов А. В. О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах // Записки ИИМК РАН. 2008. № 3. С. 210–233.

⁵⁷³ Курбатов А. В. Археологическое изучение Ивангородского посада. Раскоп № 1 // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (охранная археология). СПб., 2015. С. 89–106.

граничила на западе с Ливонским орденом – внешнеполитическим соперником Руси. Не стоит забывать, что в конце XV в. Псковская земля сохраняла свою формальную автономию несмотря на то, что наместник назначался великим князем. Интересно замечание летописца по поводу реакции псковского наместника на призыв Ивана Васильевича выступить к Ивангороду – «князь псковской не ослоушался»⁵⁷⁴. Учитывая статус Псковской земли, можно предположить, что альтернатива у наместника всё же была. В условиях наступательной политики на Северо-Западе Руси великий князь был заинтересован в однозначной внешнеполитической ориентации Пскова. Неоднократные походы псковичей к Ивангороду можно рассматривать как механизм, помещавший Псков в централизованную систему русской внешней политики. С внутривнутриполитической стороны этот же механизм постепенно втягивал автономный Псков в сферу интересов Москвы, которая к тому времени уже присоединила Новгородскую землю.

При восстановлении крепости невозможно было обойтись без жителей новообразованного Ивангородского уезда. Они, видимо, были основной рабочей силой при заготовке камня и дерева осенью–зимой 1492 г., а также при доставке материалов к месту строительства. На это могут указывать чисто практические соображения: удешевление восстановительных работ и необходимость концентрации значительных человеческих ресурсов в месте строительства. О том, что в составе жителей Ивангородского уезда были как славяне, так и прибалто-финны, говорит не только антропонимия писцовых книг. Так, в летописи под 1534 г. записано вышеупомянутое послание Новгородского архиепископа Макария о сохранявшемся язычестве в окрестностях Пскова, «в чуди и в Ижере, и около Ивангорода»⁵⁷⁵. Среди значительного списка территорий, куда предназначалась грамота, упомянуты «все Ивангородские уезды». Текст послания предназначался всем категориям духовенства

⁵⁷⁴ ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 82.

⁵⁷⁵ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 564.

в церквях и монастырях. Поскольку в документе 1534 г. упоминаются языческие традиции, есть все основания утверждать, что за 30–40 лет до написания грамоты они так же практиковались. Носителями таких традиций, очевидно, были представители води и ижоры. Важно заметить, что весной 1496 г. в Ливонском ордене знали о планах шведов не только разрушить Ивангород, но и опустошить соседнюю Ижорскую землю⁵⁷⁶.

Таким образом, факты ранней истории Ивангорода позволяют сделать несколько предположений. Во-первых, в Ивангороде и Ивангородском уезде была потребность в населении, способном не просто поддерживать жизнеспособность укрепления, но и осуществлять охрану границы. Первое столкновение шведов и русских в Ивангороде завершилось поражением осажденных, что было вызвано недостаточным количеством людей, способных участвовать в обороне города. Уже после разрушения и последующего восстановления крепости, в 1497 / 1498 г., в писцовую книгу были записаны дворы ивангородских казаков, т. е. служилых людей, несущих пограничную службу по найму. Примечательно, что некоторые казаки имели прибалтийско-финские антропонимы и этнические прозвища. Вероятно, к пограничной службе привлекалось как славянское, так и неславянское население. Сообщения летописей о периодическом появлении московско-тверского, новгородского и псковского военных отрядов в этом районе указывает на то, что Ивангород находился на одном из важных направлений русской внешней политики. Во-вторых, расположенный на Нарве, Ивангород был важным внешнеторговым центром. В писцовую книгу записаны ивангородцы, носившие топонимические прозвища – *Москвитин*, *Псковитин*, *Новгородец*, при этом некоторые из них, согласно указаниям писцовой книги, были купцами.

В-третьих, проживание в Ивангороде людей из других регионов вполне могло быть не только добровольным и бессрочным. В связи с постройкой новой Ивангородской крепости были мобилизованы значительные человеческие

⁵⁷⁶ Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Abt. 2. Bd. 1. S. 248–249.

ресурсы, так что проживание и различные работы в Ивангороде могли выступать в качестве повинности, «великого князя службы» местного населения. Охрана строящейся крепости была обязанностью псковского наместника и населения Псковской земли. Писцовая книга Шелонской пятины указывает на нескольких *Псковитян* в городе – видимо, это действительно были мигранты из Пскова или его округи. Таким образом, присутствие *Москвитян*, *Новгородцев* и *Псковитян* в писцовой книге полностью вписывается в историю города. В город привлекалось и неславянское население, проживавшее в округе, о чем говорят прозвища *Вошко*, *Чудин* и прибалтийско-финские антропонимы. Есть все основания считать, что Ивангород, оборонительный и торговый центр, был полиэтничным поселением. Можно уверенно сказать, что столь масштабные мероприятия, связанные с привлечением населения различных русских земель и этнических групп для строительства и боевых действий, были в определенной степени новшеством для Северо-Западного региона. Одновременно они вписываются в политику Ивана Васильевича, направленную на укрепление северо-западных рубежей Руси. Проявлением этой политики было значительное укрепление и расширение городов Корелы и Ладоги. Появление Ивангорода на карте Руси стало своеобразным знаком образования централизованного государства.

§ 2. Население Руси в конце XV в.

Крупнейшим пригородом и важнейшим центром солеварения Великого Новгорода была Руса. В 1497 / 1498 г. посад Русы был описан в составе писцовой книги Шелонской пятины Матвея Ивановича Валуева. Согласно переписи, посад Русы состоял из четырех концов – Середки, Рогова, Песьего и Мининского. Описание Русы проведено по концам, а внутри каждого из концов – по категориям дворов: великокняжеских, владычных, монастырских, церков-

ных и своеземческих. Иными словами, в основу описания положена владельческая принадлежность дворов. Согласно подсчетам писцов, на момент переписи в городе числилось 1133 двора и 3763 человека⁵⁷⁷.

В. Н. Бернадский отметил, что «примечательной особенностью состава населения Русы является сравнительно большое число “чужаков”: среди населения города названы новгородец, рязанец, ивангородец, несколько литвинов, карел и даже немчин»⁵⁷⁸. Причину столь разнообразного населения Русы автор усмотрел в соляном промысле. В. Н. Бернадский считал, что отличием дворов в Русе было то, что в них могли совместно проживать не только родственники, но и «люди разных народностей».

Действительно, у некоторых своеземцев, владевших дворами в Русе, были либо топонимические прозвища, либо топонимические уточнители, добавляемые к имени. Наиболее многочисленная группа прозвищ – *Рушане*: среди них в Роговом конце упоминаются *Васко Торжков Рушанин*, *Еска Олидов Рушанин*, *Ондрейко Гаврилов Рушанин*, *Фомка Трухин Рушанин*. В Мининском конце записаны *Лучка Гарманов Рушанин*, *Сенка Аврамов Рушанин*, *Дмитр да Яким Игнатовы Рушане*, *Илейка Олешков сын Рушанин*. Некоторые *Рушане* не только владели дворами в Русе, но и постоянно проживали в этом городе. На это указывает то, что они были записаны как налогоплательщики в своих дворах: «В Рогове ж конце своеземцы. ...Ески Олидова Рушанина... во дворе сам Еско Олидов», «Ондрейка Гаврилова Рушанина... во дворе сам Ондрейко», «Сенки Аврамова Рушанина: во дворе сам Сенка»⁵⁷⁹.

Менее многочисленны своеземцы из Великого Новгорода, владевшие дворами в Русе. В писцовой книге указаны конкретные улицы, где проживали новгородские своеземцы: *Гридя Пятутин из Новагорода с Нутные улицы*, *Ивашко Морозов из Новагорода с Рогатицы*, *Федко Садовсак из Новагорода*

⁵⁷⁷ Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв. С. 32.

⁵⁷⁸ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. С. 137.

⁵⁷⁹ Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв. С. 11, 31.

из *Лукины улицы*⁵⁸⁰. Всего один своеземец жил в Ивангороде – *Ивашко Холопец из Бвваня-города*⁵⁸¹. Среди тяглых жителей Русы записан *Ивашко Рязанец*. Писцовая книга указывает на то, что он проживал во дворе не один: «во дворе Васко Шапкин, брат его Иевко, пасынок его Илейка да их суседи Ивашко Рязанец да Фомка»⁵⁸². То, что *Ивашко Рязанец* был соседом, может указывать на его переезд в Русу из Рязанской земли и последующее подселение во двор. Таким образом, среди жителей Русы и собственников недвижимости, носивших календарные имена в их славянской форме, были представители различных городов и регионов Русы.

Неславянские антропонимы фиксируются в каждом из концов Русы. Сохранившийся текст писцовой книги дает нам информацию о 12 носителях неславянских антропонимов на территории города, которые распределены по концам равномерно – по три на каждый из концов. Наибольшее число и разнообразие неславянских имен жителей Русы приходится на тяглые земли великого князя, которые до «сведения» бояр принадлежали последним.

Среди жителей исторического центра Русы – конца Середка – упоминаются *Ортемьянко Литвин*, *Гришка Корела* и *Офонаско Литвин*. В Роговом конце проживали *Ивашко Немчин*, *Михал Литвин* и *Михал Вошко*, в Песьем – *Тимошка Корела*, *Офноско Вошко* и *Корелка*, в Мининском – *Кипро Вошко*, *Кондратко Вошко* и *Михал Литвин*⁵⁸³. При малом количестве выявленных в Русе носителей неславянских антропонимов можно сказать, что между предполагаемыми представителями одной этнической группы или культуры нет коренного разброса по концам города или разным владельцам земли. *Кореляне* и *Вошки* занимали в основном дворы в самых заселенных концах (Песьем и Мининском), а владельцами их земель были преимущественно монастыри и

⁵⁸⁰ Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв. С. 11, 31.

⁵⁸¹ Там же. С. 11.

⁵⁸² Там же. С. 22.

⁵⁸³ Там же. С. 4, 5, 8, 12, 16–18, 22, 23, 26.

церкви. *Литвины* и *Немчин* обитали главным образом в наименее заселенных концах (Рогов и Середка), но на землях великого князя – бывших боярских. Интересно, что носитель прозвища *Немчин* проживал на великокняжеской земле по соседству с диаконом церкви пророка Илии *Еской*, а также являлся полноценным налогоплательщиком. Учитывая столь малое количество «не-славян», сложно говорить о твердой статистике, но определенные тенденции прослеживаются. Таким образом, одна из этнических групп в Русе – прибалто-финны. В первую очередь это носители прозвища *Вошко* (т. е. *вожанин*). К прибалто-финнам могли относиться и *Кореляне*.

В описании Русы встречается великокняжеский двор, «что был борисоглебский Корельского ряду». В рядах сосредотачивались непашенные люди, занятые промыслами, ремеслом и торговлей. Проживая на земле какого-либо землевладельца, они платили ему «позем», видимо, за пользование землей⁵⁸⁴. В Русе позем выплачивался как в денежной форме, так и в «размерах» соли. Возможно, Корельский ряд объединял проживавших в Русе *Корелян*. Известно, что Корельский уезд отличался обилием диких зверей, меха которых представляли ценность для продажи и обмена. Благоприятным естественным условием Корельского уезда было наличие доступной озерной и болотной железной руды⁵⁸⁵. Солеварение в Русе не могло обойтись без железных цренов, остатки которых представляют собой типичные для Русы археологические находки⁵⁸⁶. Поселением карельских кузнецов была *Сандалакша* Кирьяжского погоста. Известны карельские топонимы, образованные от слова *roudu* «железо»: *Ровдужский* погост, деревня *Равдолакша в Железной Лахте* (*lahti* «залив») Кирьяжского погоста. Итак, есть основания считать, что карелы занимались в Русе промыслами и торговлей.

⁵⁸⁴ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. С. 118.

⁵⁸⁵ *Гадзяцкий С. С.* Карелы и Карелия в новгородское время. С. 8.

⁵⁸⁶ *Торопова Е. В.* Очень старая Старая Русса // Родина. 2012. № 9. С. 51.

Ивашко Немчин являлся единственным носителем «европейского» прозвища в Русе. А. Н. Шаламова на основе источников XI–XVII вв. показала, что прозвище *Немчин* могло указывать на европейцев немецкого, датского или шведского происхождения. К аналогичному выводу пришла И. А. Кюршунова, изучив комплекс писцовых материалов XV–XVII вв.⁵⁸⁷ В данной связи интересен сюжет, отраженный в тексте Симеоновской летописи. Зимой 1490 г. в Москву приехал Андрей, брат великой княгини Софии, в сопровождении великокняжеских послов и различных европейских мастеров. В числе последних был некий *Олберт (Альберт) Немчин*, о котором сказано, что он приехал из Любека⁵⁸⁸. Таким образом, прозвище *Немчин* могло указывать на европейца.

Предположительно, жители с прозвищем *Литвин* были мигрантами из Великого княжества Литовского. Однако вопрос с этнической принадлежностью *Литвинов* вряд ли может быть решен однозначно. В литературе высказывалось предположение, согласно которому *Литвин* – это в своей основе политоним, через который славянское население Великого княжества Литовского выражало свою принадлежность к определенному политическому целому⁵⁸⁹.

Важно понимать, что основная тенденция источников конца XV в. – генерализирующая, то есть когда Великое княжество Литовское и всё население, проживавшее на его территории, отождествлялось с *Литвой*⁵⁹⁰. Показательно, что из источников московского происхождения в XV в. исчезает обозначение русских городов и земель в составе Великого княжества Литовского как собственно «русских»: эти города и земли стали называться только «литовскими» и изображаться в качестве враждебных Руси земель вместе с их населением,

⁵⁸⁷ Немчин // Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1986. С. 179; Кюршунова И. А. Словарь... С. 372.

⁵⁸⁸ ПСРЛ. Т. 18. С. 273.

⁵⁸⁹ Этнографія беларусау. Мінск, 1985. С. 83–84.

⁵⁹⁰ Флоря Б. Н. Исторические судьбы Руси... С. 24.

включая славян⁵⁹¹. Таким образом, в случае с *Литвинами* речь идет скорее всего о славянах. При этом стоит учитывать, что их прозвище отражало представление об «инаковости» славян, живущих вне Руси, причем это представление было обусловлено во многом внешнеполитической позицией Руси по отношению к Литве.

Присутствие в Русе *Литвинов* может быть объяснено как социально-экономическими, так и политическими причинами. В мае-июне 1471 г. Новгород составил проект договора с Казимиром IV, где говорится о предоставлении Казимиру 10 варниц в Русе. Этот факт свидетельствует о существовании экономических интересов Литвы в Русе. Можно предполагать наличие соответствующей социальной базы – литовских мигрантов – для ведения торгово-ремесленной деятельности в новгородском пригороде. Примечательно, что Казимир IV был обязан «блюсти новгородця какъ и своего брата литвина», в том случае, если новгородец вступал на территории Литвы в судебные разбирательства⁵⁹². Скорее всего, понятия *новгородец* и *литвин* выступают здесь в качестве политонимов.

Такого рода переговоры новгородских властей с Казимиром IV вовсе не были новшеством. Дело в том, что Великий Новгород периодически использовал практику кормлений, причем для управления пригородами приглашались князья из Великого княжества Литовского и русских земель. Сюжет, связанный с кормлениями князей в Русе важен для понимания истории населения этого города.

События, связанные с Русой, отразились в ряде летописных текстов. Известно, что в 1383 г. в Новгород прибыл пинский князь Патрикий Наримантович. Новгородцы дали ему в управление Ореховый городок (Орешек), Корельский городок (Корелу), половину Копорья и Лужское село. После конфликта

⁵⁹¹ Литаврин Г. Г., Флоря Б. Н. Общее и особенное в этническом самосознании славян в XV веке. С. 167–168.

⁵⁹² ГВНП. С. 131.

Патрикия Наримановича с жителями Орехового и Корельского городков в 1384 г. новгородцы «отгяша у князя те города, а даша ему Русу и Ладугу»⁵⁹³. Однако во время конфликта Великого Новгорода с князем Дмитрием Ивановичем Патрикий находился в Копорье⁵⁹⁴.

В 1404 г. смоленский князь Юрий Святославич вместе с сыном Федором и вяземскими князьями – Симеоном и Владимиром Мстиславичами – бежали в Новгород. Новгородцы дали Юрию в кормление большое число городов – их насчитывается 13, включая Русу. Юрий оставался новгородским служилым князем недолго – он уехал в Москву в 1406 г., получив в кормление от великого князя Торжок⁵⁹⁵.

Александр Васильевич Черторыйский, князь из рода Гедиминовичей, прибыл в Великий Новгород в 1447 г., где пребывал до 1455 г. В 1455 г. псковский посадник Стефан Аристович и сопровождавшие его бояре отправились «бити челом князю Александру Черторизскому, в Роусу, о княжении» в Пскове⁵⁹⁶. Из текста неясно, входила ли Руса в состав кормлений литовского князя.

В ноябре 1458 г. новгородцы передали в кормление Русу, Ладугу, Орешек, Корелу, Ям и половину Копорья князю Юрию Лугвеневичу (Семёновичу). Кормление продолжалось меньше года: в августе 1459 г. Юрий Семёнович уехал в Литву⁵⁹⁷.

Лаконичны известия псковского летописания о Михаиле Олельковиче. Киевский князь прибыл в Великий Новгород 8 ноября 1470 г.⁵⁹⁸ Кормление Михаила Олельковича также продлилось недолго: уже 15 марта князь уехал в

⁵⁹³ НПЛ. С. 379.

⁵⁹⁴ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 345; ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 487.

⁵⁹⁵ ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 530.

⁵⁹⁶ ПСРЛ. Т. 5, вып. 2. С. 141.

⁵⁹⁷ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 198.

⁵⁹⁸ ПСРЛ. Т. 5, вып. 2. С. 172.

Киев. По пути им была разграблена Руса с округой: Михаил «оброки вся пограби силою»⁵⁹⁹.

О том, что литовские князья приезжали на кормление в сопровождении знати и воинов, говорят различные свидетельства. В 1412 г. из Новгорода уехал князь Лугвений Ольгердович и «наместьники сведе с пригородовъ новгородчких»⁶⁰⁰. В 1459 г. князь Юрий Семёнович уехал в Литву вместе «съ своею княгинею и своими бояры»⁶⁰¹. В феврале 1461 г. из псковского кормления в Литву отправился князь Александр Черторыйский в сопровождении «двора его кованой рати боевых людеи 300 человекъ, опричь кошовых»⁶⁰². В ноябре 1470 г. в Великий Новгород прибыл Михаил Олелькович, с ним «на похвалоу людеи много силно»⁶⁰³.

Итак, с последней четверти XIV в. Руса наряду с другими пригородами Новгорода несколько раз в течение непродолжительного времени находилась в управлении приглашенных литовских кормленщиков. Летописные свидетельства говорят о том, что литовские князья приезжали в Новгородскую землю вместе со своим войском и представителями знати, из числа которых, видимо, могли назначаться наместники в новгородские пригороды. Это создавало условия для этнокультурных контактов населения Новгородской земли и подданных Великого княжества Литовского. Такого рода контакты могли носить временный характер в силу периодичности и непродолжительности литовских кормлений.

Некоторые подробности истории населения Русы освещают археологические источники. Материалы исследований Старорусской археологической экспедиции показывают, что XV в. был временем экономического расцвета Русы. Вещевой комплекс этого пригорода в целом демонстрирует единство с

⁵⁹⁹ ПСРЛ. Т. 5, вып. 2. С. 175.

⁶⁰⁰ НПЛ. С. 403.

⁶⁰¹ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 200.

⁶⁰² ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. С. 58.

⁶⁰³ ПСРЛ. Т. 5, вып. 2. С. 172.

материальной культурой других пригородов Великого Новгорода, за исключением специфичного для Руси набора предметов, связанного с солеваренным производством⁶⁰⁴. Жители активно занимались ремеслами и участвовали в торговле с Ганзой. О международных торговых сделках говорит целый ряд находок. Так, владелец одной из усадеб в конце Середка (Пятницкий раскоп) участвовал в торговых операциях, о чем свидетельствует коллекция фрагментов импортного текстиля и товарные пломбы из Европы (возможно, из Фландрии)⁶⁰⁵.

Западноевропейские товарные пломбы в Русе весьма многочисленны – таковых насчитываются десятки⁶⁰⁶. Среди интересных находок, иллюстриру-

⁶⁰⁴ *Торопова Е. В.* Очень старая Старая Русса. С. 51.

⁶⁰⁵ *Торопова Е. В. и др.* Археологические исследования в Старой Руссе // Вестник РГНФ. 2011. № 1. С. 163.

⁶⁰⁶ Подробнее см.: *Колосницын П. П.* Отчет об археологических исследованиях на Курортном IV раскопе в г. Старая Русса в 2014 г. Великий Новгород, 2015. С. 11; *Торопова Е. В.* Отчет об археологических исследованиях на Пятницком раскопе в г. Старая Русса Новгородской области в 2005 г. Великий Новгород, 2005. С. 12; *Она же.* Отчет об археологических исследованиях на Пятницком-II раскопе в г. Старая Русса Новгородской области в 2013 г.: в 2 ч. Великий Новгород, 2014. Ч. 1. С. 188; *Она же.* Отчет об археологических исследованиях на участке строительства физкультурно-оздоровительного комплекса (Курортный раскоп): в 10 т. Великий Новгород, 2014. Т. 1. С. 4; *Она же.* Отчет об исследованиях на Пятницком раскопе в г. Старая Русса в 2014 г.: в 4 т. Великий Новгород, 2015. Т. 1. С. 8.

ющих экономические связи населения Руси с Западом, – чаша первой половины XII в. и кожаная туфля западноевропейского покрова XV в.⁶⁰⁷ Не исключено, что чаша попала в Русу через Готланд⁶⁰⁸. Несмотря на то, что археологами изучена малая часть всей площади древнего города (1 %)⁶⁰⁹, материальная культура Руси подтверждает тесные экономические связи населения города со странами Запада. Безусловно, такие связи не могли существовать в отрыве от межэтнических контактов.

Таким образом, факты истории Руси позволяют сделать несколько выводов. В писцовой книге отмечены жители и владельцы дворов из различных регионов Руси – Великого Новгорода, Ивангорода, Рязани, Корельского уезда и, возможно, водских погостов. Следовательно, среди жителей Руси могли встречаться не только славяне, но и представители прибалтийско-финских этнических групп.

Длительные политические взаимоотношения Новгородской земли и Литвы проявились в том, что в конце XV в. в Русе неоднократно встречаются мигранты из Великого княжества Литовского, вошедшие в состав тяглого населения города. Появление в Русе переселенцев из «немецких» областей также неслучайно. Здесь важны экономический и географический факторы. Некоторые горожане, проживавшие в Русе, активно занимались торговлей с Ганзой. В географическом отношении Шелонская пятина на северо-западе (в нижнем течении реки Наровы) граничила с Ливонским Орденом, что создавало условия для торговли и миграции.

⁶⁰⁷ *Торопова Е. В.* Отчет об исследованиях на Пятницком раскопе в г. Старая Русса в 2014 г. Т. 1. С. 3.

⁶⁰⁸ *Торопова Е. В.* Западноевропейская чаша XII в. из раскопок в Старой Руссе // Вестник Новгородского государственного университета. 2013. № 73. Т. 1. С. 111–113.

⁶⁰⁹ *Торопова Е. В.* Археологическое изучение культурного слоя Старой Руссы: основные результаты и перспективы // Средневековая археология Восточной Европы: Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб., 2011. С. 194.

Могло быть несколько факторов внутренней и внешней миграции населения на территорию Русы. Во-первых, наличие крупного центра солеварения и близость более мелких ремесленных центров давали возможность систематического заработка. Во-вторых, через Русу шла проторенная дорога, соединявшая северо-запад Новгородской земли и Северо-Восточную Русь. Руса имела прямые связи с важнейшими городами⁶¹⁰. В-третьих, Старорусский уезд был благоприятен в плане повинностей, поскольку уровень таковых был ниже именно на великокняжеских землях. Присутствие большинства носителей неславянских имен и прозвищ именно на великокняжеских землях вписывается в контекст развития Русского уезда: так, число дворов здесь увеличилось на 12, 2 % именно на оброчных землях, в то время как на прочих землях прироста не наблюдалось⁶¹¹. Таким образом, есть все основания считать, что Руса, крупный торговый центр Новгородской земли, была полиэтничным поселением.

§ 3. Сельское население Шелонской, Деревской и Бежецкой пятин

Среди неславянских антропонимов, встречающихся в описаниях погостов Шелонской пятины, особенно часто фиксируется прозвище *Вожко* и патроним *Вожков*. Прозвище *Вожко* встречается в деревнях Шелонской пятины 7 раз: в Новгородском уезде были записаны *Никитка Вожко* (деревня Буино Турского погоста), *Куземка Вожко* (деревня Забродье Меньшее Лукинского погоста), *Селиванко Вожко* (село Троицкое Лукинского погоста), *Купро Вожко* (деревня Железное Которского погоста), *Филат Вожко* (деревня Любонега Ильменского погоста, великокняжеская волость Лари) и *Ивашко*

⁶¹⁰ Голубцов И. А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI–XVII вв. и отражение их на русской карте середины XVII века // Вопросы географии. 1950. № 20. С. 272.

⁶¹¹ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. С. 124.

Вожко (сельцо Вержица Коростынского погоста). В деревне Золотово Черенчицкого погоста Русского уезда был записан *Фофанко Вожко*. Патроним *Вожков / Вошков* встречается в Турском (деревня Дуброва, *Демид Вошков*) и Березском (непашенный человек *Вошков Алексей*) погостах Новгородского уезда, а также в Околорусье (своеземец *Сергей Демидов Вошков*)⁶¹². Итак, прозвища, косвенно указывающие на водь, и прибалтийско-финские патронимы преобладают в Новгородском уезде. *Кореляне* зафиксированы писцами в двух располагавшихся рядом погостах Порховского уезда – Дубровенском (деревня Заречье, *Юрка Корелянин*) и Ручьевском погостах (починок Богово, *Ивашко Корелянин*), а также в Васильевском погосте Новгородского уезда (деревня Горка, *Ермак Корелянин*). Дважды зафиксированы *Чудины* – *Ивашко Чудин* (деревня Заборовье Болчинского погоста) и *Сидор Чудин* (сельцо Горки Коростынского погоста). *Ижерянин* отмечен единственный раз – в Дремятцком погосте Новгородского уезда (деревня Стороннее, *Яшко Ижерянин*) (см. приложение 10)⁶¹³.

Присутствие прибалто-финнов на территории Шелонской пятины подтверждает ойконимия. В Сумерском погосте Новгородского уезда зафиксированы названия помещичьих деревень, образованные от этнонима *чудь* – *Чюдская гора* (3), *Чудиново* и *Чюдка*⁶¹⁴. Именно в Сумерском погосте записано наибольшее число деэтнонимичных названий, причём все они происходят от этнонима *чудь* и прозвища *Чудин*. Южнее, в Быстреевском погосте, записаны деревни *Чудково* и *Игаево*. Второй ойконим, вероятно, был образован от древнего прибалтийско-финского имени *Iha*. К юго-востоку находился Турский погост, где отмечается деревня *Чудско*. В Дретонском погосте была записана деревня *Чухново*, название которой было образовано от прозвища *Чухно*, т. е.

⁶¹² НПК. Т. 4. Стб. 64, 68, 122; Там же. Т. 5. Стб. 169, 222, 297, 298, 305, 409.

⁶¹³ НПК. Т. 4. Стб. 133, 159, 200, 214; Там же. Т. 5. Стб. 297, 410.

⁶¹⁴ НПК. Т. 5. Стб. 138, 140, 149.

Чудин. Скопление «чудских» ойконимов наблюдается в северной части Шелонской пятины, на границе Сумерского погоста с Никольским Ястребинским погостом Копорского уезда Водской пятины. В свою очередь, с Ястребинским погостом граничили Ямское околородье и Ополецкий погост «в чуди», где писцовые книги зафиксировали прибалтийско-финскую антропонимию. Это позволяет думать, что северная часть Шелонской пятины включала в себя часть территорий, где проживала «чудь» и иные прибалтийско-финские этнические группы. Стоит также заметить, что граница Шелонской и Водской пятин была чисто географической, а не этнической, и проходила по реке Луге. Этнический состав населения не учитывался при определении пограничья пятин. Таким образом, среди основателей / жителей деревень с названиями, производными от этнонима *чудь* или прозвища *Чудин*, вполне могли находиться представители «чуди» или, по крайней мере, выходцы из «чудских» погостов.

Единичны названия поселений, образованные от прибалтийско-финских имен. Среди них – ойконим *Волбола Гора* в Хмерском погосте и *Вильяка* в Карачунском погосте. Первый ойконим имел *-l*-овый формант, указывающий на связь топонима с конкретным человеком. В этом случае интересно замечание А. М. Андрияшева, что существовал ойконим *Волбова Гора*, имевший очевидные славянские черты⁶¹⁵. Название деревни *Вильяка* также является деантропонимным прибалтийско-финским ойконимом. Писцовая книга Водской пятины неоднократно сообщает о носителях имени *Вильяк / Вильят / Вильяч*. Они записаны в Каргальском (5 человек), Толдожском (2 человека) и Дудоровском погостах (1 человек), которые были территорией компактного проживания прибалтийских финнов.

Отдельную группу ойконимов составляли наименования, связанные с водой. В Щирском погосте находилась деревня *Вотицкое*. Существовал целый

⁶¹⁵ Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. М., 1914. Т. 1. С. 64.

ряд ойконимов *Вошково*, отмеченных в погосте Медведь, Околорусье, Заверяжье, Дретонском, Опотцком и Дубровенском погостах. Единичные ойконимы связаны с неславянскими этническими группами и другими регионами Новгородской земли: деревня *Корелово* (Бельский погост), селище *Изори* (Поозерье), деревня *Мамаево* (Околорусье). Последний ойконим имел тюркские антропонимические корни (см. приложение 9)⁶¹⁶.

В случае миграции прибалто-финнов на территорию Шелонской пятины основным путем сообщения здесь была Ивангородская дорога. Самые ранние сведения о Водском пути, или Ивангородской дороге, относятся к концу XIV – началу XV в. Водская дорога – это более позднее наименование Ивангородской дороги, восходящее к XVI в. Данное название встречалось в районах, расположенных близко от Великого Новгорода⁶¹⁷. Это коррелирует с проживанием носителей прозвища *Вожко* / *Вошко* в Новгородском уезде вдоль этой дороги.

Среди условно «западных» прозвищ можно выделить антропонимы *Ляшко* / *Лятчко*, *Пан*, *Литвин* / *Литвинов*. *Гридка Пан* – крестьянин Буряжского погоста; возможно, он был выходцем из Польши, Литвы или русских земель в составе Великого княжества Литовского⁶¹⁸. В сельце Юровичи Поозерья в Новгородском уезде записан *Петрушка Лятчко*. Он был «человеком» помещика Андрея Фёдорова и проживал в «большом дворе» сельца, т. е. вместе с помещиком. В Петровском погосте Новгородского уезда проживала помещица *Мария*, супруга *Ивана Литвинова*, который, возможно, был сам выходцем из Литвы, либо его отец был таковым⁶¹⁹. Записаны также 2 деревни с названием *Литвиново* – в Турском и Дретонском погостах, т. е. в южной части

⁶¹⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. С. 565.

⁶¹⁷ Селин А. А. Ивангородская дорога [Электронный ресурс] // Academia. URL: https://www.academia.edu/1894069/Ивангородская_дорога (дата обращения: 06.08.2015).

⁶¹⁸ Пан // Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1988. Вып. 14. С. 143.

⁶¹⁹ НПК. Т. 4. Стб. 7, 29; Там же. Т. 5. Стб. 26.

пятины. Дретонский погост находился на Смоленской дороге, ведущей в Русу и затем в Новгород.

Особая группа этнотопонимов – названия *Пруссы* / *Прусское*, которые зафиксированы в Быстреевском, Хмерском и Карачунском погостах. Исторические названия сохранились в современных деревнях *Прусси* близ районного центра Плюсса и *Пруссы* к югу от Порхова. Причин появления данного ойконима может быть несколько: во-первых, в Великом Новгороде известна Прусская улица. Впервые она упомянута в летописи в связи с голодом 1230 г.⁶²⁰ Ранее, под 1215, 1219 и 1220 гг. упомянуты *прусы* – жители Прусской улицы⁶²¹. Историки активно обращались к изучению названия Прусской улицы, сопоставляя его с наименованием западнобалтийского народа *прусы*. Впрочем, конкретно-исторические факторы появления прусов в Великом Новгороде дискуссионны⁶²². Таким образом, можно допустить, что ойконимы *Пруссы* / *Прусово* могли быть связаны с жителями Прусской улицы в Великом Новгороде. Во-вторых, существовало личное имя *Прус* от этнонимического происхождения. Новгородская берестяная грамота № 439 (1190–1200-е гг.) сообщает, вероятно, о купце по имени *Прус*. Грамота № 38 из Старой Руссы (1150–1180-е гг.) упоминает *Прусовую*, т. е. жену *Пруса*⁶²³. Таким образом, личное

⁶²⁰ НПЛ. С. 70.

⁶²¹ Там же. С. 54, 58, 60.

⁶²² См.: *Алешковский М. Х.* Социальные основы формирования территории Новгорода IX – XV вв. // Советская археология. 1974. № 3. С. 101–103; *Аничков И. В.* Историческое значение названия Прусской улицы для Новгорода Великого. Новгород, 1916. С. 6; *Антоневич Е.* «Пруссы» в топонимике Северной Польши и Новгородской Руси // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 258–259; *Кулаков В. И.* Пруссы и восточные славяне // Тезисы докладов советской делегации на V международном конгрессе славянской археологии. М., 1985. С. 37–39.

⁶²³ *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. С. 436, 456.

имя *Прус* было известно в Новгородской земле. Вполне возможно, что ойконимы *Прус* / *Прусово* были образованы от личного имени, лишь косвенно связанного с этнической группой пруссов.

Деревская пятина занимала южную часть Новгородской земли и имела четкие границы по рекам Мсте и Ловати и озеру Ильмень. Она граничила на западе с Шелонской, на севере с Обонежской, на востоке с Бежецкой пятнами, а на юге – с волостями Торжка и Ржевы. Писцовая книга Деревской пятины 1495 / 1496 г. сохранила единичные прибалтийско-финские имена и различные отэтнонимические прозвища. Прибалтийско-финские имена зафиксированы здесь преимущественно в виде патронимов. Среди их носителей – только крестьяне Деревской пятины, проживавшие в различных ее частях. В деревне Данилово волости Пирос упоминаются *Гридька Пакуев* и *Офромейко Пикуев*, в деревне Ляпышево Бельского погоста проживал *Никоник Хонен*, в деревне Онтушово того же погоста проживал *Епимашко Пикал* (возможно, от *rikki* – маленький), в деревне Лентеево Нерецкого погоста записан *Митрофаник Рукулкин*. Эти области находились на северо-востоке и востоке Деревской пятины. Возможно, происходила миграция прибалто-финнов из Водской пятины и Обонежья по Бельской, Дубецкой и большой Московской дорогам⁶²⁴. Волость Пирос до земельных конфискаций была в собственности Новгородского архиепископа, но затем перешла в разряд дворцовых земель⁶²⁵. Экономическое положение крестьян дворцовых земель было более выгодным, что могло быть фактором миграции на эти земли⁶²⁶. На юго-западе Деревской пятины, в Холмском погосте, проживал *Тойват Ряданов*. О его вероятном прибалтийско-финском происхождении свидетельствует некалендарное имя *Toivottu*.

⁶²⁴ *Фролов А. А.* Дубецкая дорога (к истории путей сообщения между Новгородом Великим и Северо-Восточной Русью) // *Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы конференции.* Новгород, 1998. С. 81.

⁶²⁵ ПКНЗ. Т. 1. С. 30.

⁶²⁶ *Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в.* С. 124.

На юго-востоке пятины, в деревне *Ельник* Михайловского погоста, расположенного на большой Московской дороге, упоминается *Ивашко Чудин* – это единственное упоминание о *Чудинах* в Деревской пятине. Носители прозвища *Вожко* / *Вошко* встречаются в описании пятины несколько чаще. К юго-востоку от озера Ильмень располагался Влажинский погост, где в деревне Мясница был записан *Софронко Вожко*. В деревне Яблоново Борковского погоста отмечен «непашенный человек» *Сидко Вожко*. Наконец, в волости Морева на юго-западе Деревской пятины зафиксирован крестьянин *Ондрейко Вожко*. Присутствие вожан в этих местах, во-первых, выстраивается в единую линию – от озера Ильмень до волости Морева; во-вторых, эта линия с незначительными отклонениями соотносится с ключевыми дорогами Деревской пятины: от Великого Новгорода вдоль восточного побережья озера Ильмень к Влажинскому и Борковскому погосту с дальнейшим выходом на Смоленскую дорогу. Этот путь миграции был более удобен для выходцев из Водской пятины – с северо-запада на юго-восток по Водской дороге, затем, огибая Ильмень, к погостам Деревской пятины.

В деревне Ожегово Нерецкого погоста, расположенного на большой Московской дороге, записан крестьянин по имени *Моравин*. Прозвище и присутствие этого человека на «стратегической» дороге Новгородской земли косвенно указывают на то, что он, возможно, являлся мигрантом: нельзя исключить то, что *Моравин* был выходцем из волости Морева. Этнические прозвища Деревской пятины представлены также антропонимами *Литвин* и *Немчин*. *Пахомко Литвин* отмечен в Молвятицком погосте недалеко от Смоленской дороги. К юго-западу от Молвятицкого погоста находилась волость Велилы, где в погосте проживал *Ивашко Литвинко*. Относительно его статуса можно заметить, что он перечислен среди 6 других крестьян, с которых «дохода нет», т. е. он не платил налогов, следовательно, его проживание в Велилах могло быть временным. Близость мест их поселения к юго-западной границе Деревской пятины и Смоленской дороге позволяет предположить, что *Литвины* были мигрантами из Великого княжества Литовского. Дважды в Деревской пятине в

помещичьих деревнях встречаются носители прозвища *Немчин*. Первый отмечен в Устьволомском погосте на севере пятины, который располагался недалеко от Великого Новгорода на Бельской дороге. Второй проживал на юго-западе Деревской пятины в Курском погосте, расположенном вдоль Смоленской дороги.

Тюркские антропонимы в писцовой книге Деревской пятины также единичны. В волости Велилы, на юго-западе Деревской пятины, помещик по имени *Измалко* проживал в одном дворе со своим «дворовым человеком» *Мурзой*. Помещик и его дворовый человек проживали на «большом дворе»;⁶²⁷ их личные имена косвенно свидетельствуют в пользу того, что они были одной этнической принадлежности, возможно – татарами. В Михайловском погосте в числе помещиков упоминается *Ондрейко Татарин*, а помещик *Степан Татаров* владел деревнями в Листовском и Локотском погостах. Среди крестьян Городенского погоста числился *Якуш Татарин*. Все перечисленные здесь носители прозвищ *Татарин* / *Татаров* проживали и / или владели деревнями в погостах, расположенных по большой Московской дороге. Вполне вероятно, что прозвище *Татарин* указывало на этническую принадлежность его носителя.

В летописных текстах неоднократно встречаются носители прозвища *Татарин*, причем личные имена имеют тюркское происхождение: *Амурат Татарин*, *Ачисан Татарин*, *Кирей Кривой Татарин*, *Товрул Татарин*, князь *Тювеш Татарин*⁶²⁸. Если в летописях говорится о некрещеных татарах, то писцовые книги упоминают по преимуществу крещеных татар. Они не только носили христианские имена, но и входили в социально-политическую систему Новгородской земли: владели землей / дворами и являлись налогоплательщиками.

⁶²⁷ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. С. 136.

⁶²⁸ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 460; ПСРЛ. Т. 18. С. 60, 194, 224, 235.

В волости Пирос, находившейся у большой Московской дороги, на дворовых землях проживал *Левоник Армян* с сыновьями. Н. Д. Чечулин указывал, что этническое прозвище *Армян* относилось только к служилым людям⁶²⁹, хотя, как показывает этот факт, носителем его мог быть и крестьянин. Антропоним *Левоник* встречается также при описании Молвятицкого погоста, где деревней Озерца владел *Левоник Федков*.

Среди жителей Деревской пятины упоминается ряд людей с топонимическими прозвищами. Наиболее многочисленны носители прозвища *Тверитин*, связанного с Тверью и Тверской землей: это крестьяне *Дмитрок Тверитин*, *Сенка Тверитин* (Локотской погост), *Михал Тверитин* (Яжелбицкий погост) и *Федко Тверитин* из Наволоцкого погоста. *Парфенко Тверитин* проживал в городке Курско⁶³⁰. С Бежецким Верхом и Бежецкой пятиной связано прозвище *Бежичанин*. Оно отмечается у жителей Островского (*Илейка Бежичанин*, *Микифорко Бежичанин*) и Еглинского (*Степанко Бежичанин*) погостов, а также городка Курско (*Ефремко Бежичанин*)⁶³¹. *Новоторжане* упоминаются дважды: в городе Деман (*Калинка Новоторжанин*) и Бельском погосте (*Филиппко Новоторжанин*). В Жабенском погосте проживал *Матвей Новоторжец*⁶³². Прозвища *Новоторжанин* и *Новоторжец* являются производными от топонима *Новый Торг*. Вероятно, приведенные топонимические прозвища показывают, где ранее проживали их носители (см. приложение 12).

Перепись Деревской пятины зафиксировала различные ойконимы, образованные от деэтнонимичных прозвищ. Наиболее многочисленную группу таких ойконимов составляют названия *Литвинково* / *Литвиново*. Ойконим *Литвинково* зафиксирован единственный раз в великокняжеской волости рядом с городком Деман. Деревень с названием *Литвиново* насчитывается в Деревской

⁶²⁹ Чечулин Н. Д. Личные имена в писцовых книгах XVI века... С. 8.

⁶³⁰ НПК. Т. 1. Стб. 840; Там же. Т. 2. Стб. 33, 97, 452, 683.

⁶³¹ НПК. Т. 1. Стб. 870; Там же. Т. 2. Стб. 100, 106, 645.

⁶³² НПК. Т. 1. Стб. 613; Там же. Т. 2. Стб. 424, 516.

пятиве 11: они находились в Локотском (3), Яжелбицком (2), Пиросском, Нерецком, Сеглинском, Жабенском, Семеновском и Полицском погостах. Надо полагать, антропоним *Литвин* и ойконим *Литвиново* в Деревской пятиве отражали реальные взаимоотношения Руси и Великого княжества Литовского. Известно, что городок Демон Деревской пяивы был передан в 1482 г. во владение князю Федору Ивановичу Бельскому, который «прибежалъ из Литвы к великомуу князю Ивану Васильевичю от короля Казимера... а жены с собою не поспел взяти. И князь великы его пожаловалъ, далъ емоу городъ Демонъ в вотчину да Моревою и с многими волостьми»⁶³³.

Несколько меньше ойконимов, образованных от этнонима и антропонима *Лях*: *Ляхино* (Пиросский погост), *Ляховичи* (Черенчицкий погост и Велилы), *Ляховицы* (Велилы), *Ляшково* (Шегринский погост). В Велилах находился также *Ляховицкий десяток*. Все указанные деревни располагались преимущественно в восточной части Деревской пяивы, между большой Московской и Дубецкой дорогами.

Фиксируются немногочисленные названия поселений, образованные от прозвищ, косвенно связанных с тюрками. Это деревни *Казарка* (Наволоцкий погост), *Татарина* (Великопорожский (2) и Оксоцкий погосты), *Татарское* (Бельский погост), *Татарщина* (Молвятицкий погост). Эти деревни находились на границе Деревской и Бежецкой пяивы, фактически вдоль Бельской и Дубецкой дорог. Самая немногочисленная группа ойконимов – названия *Чудинково* / *Чудиново*. Они фиксируются в Холмском, Посонском и Бологовском погостах, то есть в южной и юго-западной части Деревской пяивы (см. приложение 11).

Таким образом, материалы писцовой книги Деревской пяивы содержат немногочисленные неславянские антропонимы. Патронимов и ойконимов, образованных от этнических прозвищ, значительно больше. Однако и эта инфор-

⁶³³ ПСРЛ. Т. 39. С. 162.

мация существенна: так, подавляющее большинство носителей деэтнонимических прозвищ проживало в погостах и волостях, расположенных в непосредственной близости от важнейших дорог Новгородской земли. В Деревской пятиине такими дорогами были большая Московская, Бельская, Дубецкая и Смоленская. Рядом с крупными дорогами располагались и деревни, названия которых образованы от этнических прозвищ.

Бежецкая пятина занимала юго-восточную часть Новгородской земли. Фиксация населения была проведена здесь таким образом, что записывались в основном лишь личные имена, прозвищ практически нет. Можно отметить два случая, когда писцовая книга сообщает «этнические» прозвища человека. Так, в Богородицком погосте упоминаются деревни помещика *Матюка Литвинова*, а в Ивановском – *Матюка Семенова сына Литвинова*⁶³⁴. Можно предположить, что это был один и тот же человек. Прибалтийско-финских имен в ранней писцовой книге Бежецкой пятины не содержится, хотя известно, что с северо-запада пятина граничила с Обонежской пятииной от места впадения р. Мды в р. Мсту до верховьев р. Колпи, что создавало предпосылки для миграции из Обонежья. Однако плохая сохранность источника и ограниченные данные антропонимии не позволяют сделать однозначных выводов. Можно встретить два ойконима, косвенно связанных с прибалто-финнами. Это деревни *Вошково* и *Кукуево* волости Белой Никольского погоста в Шереховичах. Оба ойконима, видимо, были образованы от антропонимов *Вошко* / *Вошков* и *Кукуй* / *Кукуев* соответственно. Антропоним *Кукуй* имеет прибалтийско-финское происхождение (*kukko* – петух) и отмечен в карельской, финской и вепсской системах именовании⁶³⁵. Расположение Никольского погоста на границе с Обонежской пятииной позволяет предположить, что в Бежецкой пятиине, особенно в ее северной части, проживали вепсы. Однако ойконимия, в отличие от антропонимии, не позволяет уточнить время этого проживания. В писцовой

⁶³⁴ НПК. Т. 6. Стб. 20–21; ПКНЗ. Т. 1. С. 234.

⁶³⁵ Кюришнова И. А. Словарь... С. 284.

книге 1545 г. упоминается погост Егорьевский в «Чудинах», расположенный на северо-западе Бежецкой пятины. Писцовые книги Бежецкой пятины середины XVI в. содержат такие тюркские антропонимы, как *Бахтеяр* (1), *Булгак* (4), *Казарин* (1), *Курбатко* (1), *Мурза* (3), *Татарин* (1), *Ушак* (12), *Чубар* (1) – их носителями были крестьяне. Встречаются и помещичьи антропонимы – *Баскаков* (7), *Муратов* (2), *Татаринов* (7), *Черкаской* (1) / *Черкасов* (4). К сожалению, такой информации нет по концу XV в.

Таким образом, население Шелонской, Деревской и Бежецкой пятин было по преимуществу славянским, о чем говорит преобладание в этих частях Новгородской земли ойконимии и антропонимии славянского происхождения. Полиэтническим было население городов Ивангорода и Русы. Ивангород был важным оборонительным центром, что требовало аккумуляции значительных человеческих ресурсов в этом регионе. Руса, в свою очередь, представляла экономический интерес, причем не только для населения Руси, но и жителей ряда европейских государств. В северных районах Шелонской и Бежецкой пятин прослеживается скопление прибалтийско-финской ойконимии. Можно предположить, что это связано с присутствием водского населения на севере Шелонской пятины и вепского – в Бежецкой пятине.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, по материалам ономастики, а также по свидетельствам письменных и археологических источников, Новгородская земля в XV в. имела ярко выраженный полиэтнический характер: здесь были представлены славяне, прибалтийско-финские и тюркские народы, жестких границ между которыми не было. По имеющимся данным топонимии и антропонимии писцовых книг невозможно дать точную этническую характеристику населения Новгородской земли. Статистические показатели неславянских имен в конце XV в. невысоки, однако их нельзя напрямую соотносить с реальной численностью саамов, вепсов, карелов, ижоры, води или представителей тюркских народов. Безусловно, их было существенно больше той численности, которая определяется по личным именам, отчествам или прозвищам.

В XV веке, как и в более ранние периоды, оказывал влияние ряд факторов лингвистического и экстралингвистического характера. Прежде всего необходимо учитывать огромную роль длительных взаимоотношений славян с прибалтийско-финским населением. Христианизация и последующее принятие православия представителями прибалтийско-финских этнических групп привели к тому, что в ономастическую систему прибалтийско-финских народов стали проникать календарные имена. В ряде одних случаев эти имена адаптировались прибалтийско-финскими языками в соответствии с их фонетическими нормами, в ряде других они функционировали непосредственно в славянской форме. Второй путь усвоения календарного антропонимикона славян прибалто-финнами, судя по писцовым книгам, явно преобладал. Важной тенденцией является то, что прибалтийско-финские антропонимы функционировали в конце XV в. преимущественно в форме патронимов, но не личных имен. Это означает, что неславянские личные имена в предыдущем поколении были более актуальны.

Писцовые книги неоднократно фиксируют жителей с прозваниями, образованными от этнонимов и катойконимов. Исследование географии распространения таких прозвищ позволяет говорить о том, что их действительно могли носить люди, относившиеся к определенной этнической группе. Однако среди этнонимов и прозваний прослеживается иерархия. Так, значение именованья *Новгородец / новгородцы* зависело от контекста: в широком смысле оно могло применяться для обозначения населения Новгородской земли в целом, а в узком смысле прилагалось к славянам-жителям Великого Новгорода и Новгородской земли, которые противопоставлялись *кореле, чуди, ижерамям, литвинам* или *немцам*. Этнические прозвища, такие как *Корелянин, Чудин, Ижерамянин* и *Вожко* использовались только неславянским населением. Что касается славян, то у них были более распространены прозвания, образованные от названий городов или земель – *Ладожанин, Тверитин, Москвитин, Псковитин* и т.д. Прозвища использовались для идентификации (в том числе самоидентификации) жителей по этническому или территориальному признаку.

По данным ономастики можно проследить специфику в этнической картине отдельных регионов Новгородской земли. Её северная часть – Кольский полуостров – в начале XVI в. именовался «Лопской землей», получившей такое наименование по населявшей её *лопи*, под которой средневековые источники подразумевают саамов. Существовало разделение на «дикую» и «лешую» лопь: если дикая лопь проживала на Кольском полуострове, то лешая – по рекам бассейна Белого моря. Во второй четверти XVI в. активизировалась миссионерская деятельность Великого Новгорода среди саамов: в 1530 / 1531 г. состоялось крещение некоторых представителей лопи Кольского полуострова. Помимо саамов, территорию Кольского полуострова освоили карелы и славяне.

Обонежье было регионом, где проживали главным образом славяне, карелы и вепсы. Последние могли именоваться в источниках *чудью*. В Заонежье, на Олонецком перешейке и в юго-западном Прионежье прослеживается присутствие карелов, что связано с их постепенным оттоком из Приладожья.

Вепсы проживали на более обширных территориях: в Заонежье, юго-восточном и юго-западном Прионежье, в бассейне реки Свири и на Оште. Этнографические исследования показывают, что многие вепские поселения сохранились с конца XV до середины XX – начала XXI в. Славяне проживали в конце XV в. на всем пространстве Обонежья.

Территория Корельского уезда была освоена преимущественно карельским населением (*корелой / Корелянами*), особенно в северной части уезда – Задней Кореле. Под воздействием внешней угрозы в лице шведов карельское население постепенно мигрирует как в северную часть Корельского уезда, так и на юг – в Приневье и южное Приладожье. К рубежу XV–XVI в. в уезде проживала значительная доля славян. В конце XIV–XV в. источники фиксируют наличие у карелов местной знати, известной под именем «корельских детей» и состоявшей из пяти родов. Корельские дети представляли собой землевладельцев, обладавших относительно крупной собственностью в Беломорье и юго-восточном Обонежье. Под влиянием христианских традиций славян большинство детей корельских носило календарные имена в славянской форме и было крещено в православии. В условиях распространения власти Новгорода на территорию корелы местная знать «встраивалась» в социально-политическую систему Великого Новгорода. Условием успешной инкорпорации иноэтничных элементов с высоким социальным статусом в систему Новгородской республики была, конечно, христианизация. Неслучайно имена корельской знати были уже христианскими.

Ранние сведения об инкорпорации водской и ижорской знати и их военной организации в новгородскую военную и, если говорить шире, социально-политическую систему могут быть отнесены к середине XIII в. В условиях внешней опасности водь и ижора перестают быть для Новгорода периферийными народами, начинают систематически участвовать в новгородских внешнеполитических акциях и затем оказываются внутри новгородских границ, закрепленных международными договорами и обозначенных линией городов-

крепостей. Одним из условий такой инкорпорации было принятие православия. Местная знать прослеживается у води и ижоры в середине XV в. и именуется по славянскому образцу «боярами».

В южной части Водской пятины существовало нескольких центров, где концентрировались представители прибалтийско-финских народов. На юго-западном побережье Финского залива – в долинах рек Толдоги, Сумы и Систы, а также в северо-западной части Ижорского плато и на Сойкинских высотах компактно проживала водь, именуемая в источниках *чудью*. На территории от юго-восточного берега Финского залива по южному берегу Невы проживала ижора. Некоторые представители этой этнической группы получали прозвище *Ижерянин*. Кроме того, ижора фиксируется в северном Приневье, южном Приладожье и на севере Новгородского уезда. Славяне проживали во всех погостах юга Водской пятины, особенно в ближайшем к Великому Новгороду Новгородском уезде, где абсолютное большинство населения носило календарные имена, а названия поселений, за некоторыми исключениями, имели славянское происхождение.

Шелонская пятина отличалась наличием большего числа городов по сравнению с другими пятинами Новгородской земли. Особую роль играли построенный в конце XV в. Ивангород и Руса – крупный экономический центр. В Ивангороде и Ивангородском уезде была потребность в населении, способном поддерживать жизнеспособность укрепления и осуществлять охрану границы. К пограничной службе привлекалось как славянское, так и неславянское население. В связи с постройкой новой Ивангородской крепости были мобилизованы значительные человеческие ресурсы, так что проживание и различные работы в Ивангороде могли выступать в качестве повинности местного населения. Столь масштабные мероприятия, связанные с привлечением населения различных этнических групп и русских земель для строительства и боевых действий, были новшеством для Северо-Западного региона. Появление Ивангорода на карте Руси стало своеобразным знаком образования централизованного государства.

В составе населения Русы отмечены жители и владельцы дворов из различных регионов Руси – Великого Новгорода, Ивангорода, Рязани, Корельского уезда и, возможно, водских погостов. Длительные политические взаимоотношения Новгородской земли и Литвы проявились в том, что в конце XV в. в Русе неоднократно встречаются мигранты из Великого княжества Литовского, вошедшие в состав тяглого населения города.

Антропонимические и топонимические данные писцовых книг свидетельствуют о том, что сельское население Шелонской, Деревской и Бежецкой пятин было по преимуществу славянским. В северных районах Шелонской и Бежецкой пятин прослеживается скопление прибалтийско-финской ойконимии. По всей видимости, это связано с присутствием водского элемента на севере Шелонской пятины и вепсского – в Бежецкой пятине. Это подтверждает то, что административно-территориальное деление не учитывало этнических границ. Кроме того, именно в южных пятинах встречается большинство тюркских имен и прозваний. Невысокая численность имен, которые можно включить в тюркскую группу, связана с тем, что прямые, непосредственные контакты с тюркским населением проходили по преимуществу в новгородских областях, примыкающих к землям Северо-Восточной Руси, где этнокультурные контакты с тюркскими народами были более тесными.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Список источников

1. Возгрин, В. Е. Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле / В. Е. Возгрин, И. П. Шаскольский, Т. А. Шрадер // Вспомогательные исторические дисциплины. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – Т. 26. – С. 125–135.
2. Грамота Новгородского архиепископа Макария в Водскую пятину // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846. – Т. 1. – Стб. 27–30.
3. Грамота Новгородского архиепископа Феодосия в Водскую пятину // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846. – Т. 1. – Стб. 57–60.
4. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.; Л.: АН СССР, 1949. – 407 с.
5. Зимин, А. А. Два отрывка из Новгородской писцовой книги / А. А. Зимин // Исторический архив. – 1959. – № 1. – С. 155–159.
6. Конявская, Е. Л. Новгородская летопись XVI в. из собрания Т. Ф. Большакова / Е. Л. Конявская // Новгородский исторический сборник. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. – С. 322–383.
7. Кочуркина, С. И. Письменные известия о карелах (X–XVI вв.) / С. И. Кочуркина, А. М. Спиридонов, Т. Н. Джаксон. – Петрозаводск: Карелия, 1990. – 140 с.
8. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 720 с.
9. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. – СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1859. – Т. 1: Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года: Первая половина. – 906 стб.

10. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. – СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1862. – Т. 2: Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года: Вторая половина. – 890 стб.
11. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. – СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1868. – Т. 3: Переписная оброчная книга Водской пятины, 1500 года: Первая половина. – 960 стб.
12. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. – СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1886. – Т. 4: Переписные оброчные книги Шелонской пятины. – 584 стб.
13. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. – СПб.: Сенатская тип., 1905. – Т. 5: Книги Шелонской пятины. – 696 стб.
14. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. – СПб.: Сенатская тип., 1910. – Т. 6: Книги Бежецкой пятины. – 1074 стб.
15. Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года // Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских. – М.: Университетская тип., 1851. – Кн. 11. – С. 1–464.
16. Переписная окладная книга по Новгороду Водской пятины. 7008 года (Продолжение) // Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских. – М.: Университетская тип., 1852. – Кн. 12. – С. 1–188.
17. Петрова, Р. Г. Отрывок из Писцовой книги конца XV в. / Р. Г. Петрова // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1979. – М.: Наука, 1980. – С. 238–275.
18. Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 554 с.
19. Писцовые книги Новгородской земли. – М.: Археографический центр, Древлехранилище, 1999. – Т. 1: Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги природных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. – 432 с.

20. Писцовые книги Новгородской земли. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – Т. 2: Писцовые книги Обонежской пятины XVI века. – 363 с.
21. Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. – Л.: АН СССР, 1930. – 268 с.
22. Полное собрание русских летописей. – Л.: АН СССР, 1927. – Т. 1, вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. – 488 стб.
23. Полное собрание русских летописей. – М.: Языки русской культуры, 2000. – Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. – 728 с.
24. Полное собрание русских летописей. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1851. – Т. 5: Псковские и Софийские летописи. – 286 с.
25. Полное собрание русских летописей. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – Т. 5, вып. 1: Псковские летописи. – 148 с.
26. Полное собрание русских летописей. – М.: Языки русской культуры, 2000. – Т. 5, вып. 2: Псковские летописи. – 366 с.
27. Полное собрание русских летописей. – М.: Языки русской культуры, 2000. – Т. 6, вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. – 312 с.
28. Полное собрание русских летописей. – М.: Знак, 2007. – Т. 18: Симеоновская летопись. – 316 с.
29. Полное собрание русских летописей. – СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. – Т. 21, ч. 1: Книга степенная царского родословия. – 342 с.
30. Полное собрание русских летописей. – М.; Л.: АН СССР, 1949. – Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. – 462 с.
31. Полное собрание русских летописей. – М.: АН СССР, 1963. – Т. 28: Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). – 410 с.
32. Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1994. – Т. 39: Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. – 204 с.
33. Полное собрание русских летописей. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. – Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. – 221 с.

34. Самоквасов, Д. Я. Архивный материал: в 2 т. Т. 2: Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV–XVII вв. / Д. Я. Самоквасов. – М.: Министерство Юстиции, 1909. – 590 с.
35. Смирнова, Д. Д. К публикации послания Новгородского архиепископа Маркария (1542–1551) к новопросвещенным лопяном / Д. Д. Смирнова // Вестник Удмуртского университета: История и филология. – 2014. – Вып. 1. – С. 154–159.
36. Щапов, Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Я. Н. Щапов. – М.: Наука, 1976. – 240 с.
37. Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. – Riga, Moskau: [S. n.], 1900. – Abt. 2. Bd. 1: 1494 ende Mai – 1500. – 933 s.

Список литературы

1. Агапитов, В. А. О происхождении названий заонежских деревень Вороний Остров, Фоймогуба, Мягрозеро, Сайпелда и Мунозеро / В. А. Агапитов // Кижский вестник. – 2001. – № 6. – С. 51–64.
2. Агеева, Р. А. Гидронимия русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации / Р. А. Агеева. – М.: Наука, 1989. – 256 с.
3. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. – Л.: Наука, 1971. – 402 с.
4. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития северо-запада. – Л.: Наука, 1978. – 220 с.
5. Алферова, Г. В. Организация строительства городов в Русском государстве в XVI–XVII вв. // Вопросы истории. – 1977. – № 7. – С. 50–67.
6. Андрияшев, А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли: Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг.: в 2 т. / А. М. Андрияшев. – М.: Тип. Г. Лисснера, 1914. – 2 т.
7. Андрияшев, А. М. О необходимости предварительного изучения текстов писцовых книг / А. М. Андрияшев // Русский исторический журнал. – Пг.: Новое время, 1917. – Т. 1. – С. 103–110.

8. Бараш, С. И. История неурожаев и погоды в Европе / С. И. Бараш. – М.: Гидрометеиздат, 1989. – 236 с.
9. Барсов, Е. В. Преподобные Обонежские пустынножители / Е. В. Барсов // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–1869. – Петрозаводск: Губернская тип., 1869. – С. 3–68.
10. Баскаков, Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения / Н. А. Баскаков. – М.: Наука, 1979. – 280 с.
11. Бегунов, Ю. К. Древнерусские источники об ижорце Пелгусии-Филиппе, участнике Невской битвы 1240 г. / Ю. К. Бегунов // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования: 1982 г. – М.: Наука, 1984. – С. 76–85.
12. Безус, Н. Б. Северные погосты Деревской пятины в конце XV–XVI вв.: расселение и землевладение: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Безус Наталья Болеславовна. – Великий Новгород, 2002. – 499 с.
13. Бельский, С. В. Могильник Кюлолахти Калмистомяки в северо-западном Приладожье (археологические исследования 2006–2009 гг.) / С. В. Бельский. – СПб.: Наука, 2012. – 240 с.
14. Бельский, С. В. Хронология погребальных памятников Карельского перешейка и Северного Приладожья XI–XV вв. / С. В. Бельский // *Stratum plus*. 2014. № 5. С. 317–332.
15. Бернадский, В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке / В. Н. Бернадский. – М.; Л.: АН СССР, 1961. – 399 с.
16. Бобров, А. Г. Летопись Авраамки: проблемы изучения / А. Г. Бобров, А. М. Введенский // *Русская литература: Историко-литературный журнал*. – 2017. – № 4. – С. 126–142.
17. Богданов, Н. И. К истории вепсов: по материалам топонимики / Н. И. Богданов // *Известия Карело-Финского филиала АН СССР 1951 / 52 г.* – Петрозаводск: КФФ АН СССР, 1951. – С. 24–31.
18. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.

19. Быков, А. В. Новгородское войско XI–XV веков: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Быков Александр Владимирович. – Великий Новгород, 2006. – 318 с.
20. Васильев, В. Л. Архаическая топонимия Новгородской земли: Древнеславянские деантропонимные образования / В. Л. Васильев. – Великий Новгород: НовГУ, 2005. – 464 с.
21. Васильев, В. Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли / В. Л. Васильев. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – 813 с.
22. Васильев, М. И. Маршруты походов великих князей на Новгород в XII–XV вв. (к вопросу о сухопутных путях сообщений между Великим Новгородом и Низовскими землями в эпоху средневековья) / М. И. Васильев // Новгород и новгородская земля: История и археология. Великий Новгород: НовГУ, 2001. Вып. 15. С. 271–282.
23. Верховцев, Д. В. Ускользящий этноним: ижора в письменных источниках / Д. В. Верховцев // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт: Сб. статей. – СПб.: Европейский дом, 2016. – С. 70–77.
24. Веселовский, С. Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С. Б. Веселовский. – М.: Наука, 1974. – 382 с.
25. Винокурова, И. Ю. Карелы и вепсы: этапы и территории этнокультурного взаимодействия / И. Ю. Винокурова // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада. IV Шёгреновские чтения: Материалы конференции. – СПб.: СПбГУ, 2011. – С. 92–107.
26. Винокурова, И. Ю. Прионежье: этническая история ареала / И. Ю. Винокурова // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 310–324.
27. Витов, М. В. Гнездовой тип расселения на русском севере и его происхождение / М. В. Витов // Советская этнография. – 1955. – № 2. – С. 27–40.
28. Витов, М. В. Историко-географический очерк Заонежья XVI–XVII вв.: Из истории сельских поселений / М. В. Витов. – М.: МГУ, 1962. – 290 с.

29. Витов, М. В. Севернорусская топонимия XV–XVIII вв. (К постановке топонимического источниковедения) / М. В. Витов // Вопросы языкознания. – 1967. – № 4. – С. 75–90.
30. Витов, М. В. Этнические компоненты русского населения Севера (в связи с историей колонизации XII–XVII вв.) / М. В. Витов. – М.: Наука, 1964. – 10 с.
31. Войтович, М. Древнерусская антропонимия XIV–XV вв.: Северо-Восточная Русь / М. Войтович. – Poznan: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, 1986. – 305 с.
32. Волковицкий, А. И. Новые средневековые находки в южном Приладожье / А. И. Волковицкий, Н. В. Григорьева, А. А. Селин // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. – СПб.: ИИМК РАН, 2008. – Вып. 2. Древности Ижорской земли. – С. 147–156.
33. Востоков, А. Х. Задача любителям этимологии / А. Х. Востоков // Санкт-Петербургский вестник. – 1812. – Т. 1. – № 2. – С. 204–214.
34. Гадзяцкий, С. С. Ижорская земля в начале XVII в. / С. С. Гадзяцкий // Исторические записки. – М.: АН СССР, 1947. – Т. 21. – С. 3–42.
35. Гадзяцкий, С. С. Карелы и Карелия в Новгородское время / С. С. Гадзяцкий. – Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1941. – 196 с.
36. Гимон, Т. В. К вопросу о статусе финноязычных «племен» в составе новгородской политики (XII – первая половина XIV в.) / Т. В. Гимон // Единая российская нация: Проблемы формирования её идентичности: Сб. ст. участников Всероссийской научно-практической конференции, 25–27 октября 2017 г. – Арзамас; Саров: [Б. и.], 2017. – С. 51–56.
37. Голубцов, И. А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI–XVII вв. и отражение их на русской карте середины XVII века / И. А. Голубцов // Вопросы географии. – 1950. – № 20. – С. 271–302.
38. Гончарова, Н. Н. Антропология словен новгородских и их генетические связи: дисс. ... канд. биол. наук: 03.00.14 / Гончарова Наталья Николаевна. – М., 1995. – 205 с.

39. Данилевский, И. Н. Древнерусская государственность и «народ Русь»: возможности и пути корректного описания / И. Н. Данилевский // *Ab Imperio*. – 2001. – № 3. – С. 147–168.
40. Данилова, Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. / Л. В. Данилова. – М.: АН СССР, 1955. – 439 с.
41. Дмитриев, А. В. Водская топонимика в историко-культурном аспекте / А. В. Дмитриев // *Псковский регионологический журнал*. – 2007. – № 4. – С. 110–118.
42. Дмитриев, А. В. Проблемы водской топонимии в свете русских и зарубежных источников XI–XX вв. / А. В. Дмитриев // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика*. – 2008. – № 4 (1). – С. 55–60.
43. Егоров, С. Б. Традиционная культура южных вепсов: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Егоров Сергей Борисович. – СПб., 2014. – 226 с.
44. Жуков, А. Ю. Правовое положение саами и вепсов в системе российской государственности IX–XVII вв. / А. Ю. Жуков // *Финно-угорская мозаика: Сб. статей*. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016. – С. 292–307.
45. Жуков, А. Ю. Приладожье в 1500 году / А. Ю. Жуков // *Вуокса: Приозерский краеведческий альманах, 2002–2003*. – СПб.: Комплекс, 2003. – Вып. 3. – С. 104–114.
46. Жуков, А. Ю. Саами в XIII–XVII вв. (публикация источников и комментариев) / А. Ю. Жуков // *Антропологический форум. Современные тенденции в антропологических исследованиях*. – 2004. – № 1. – С. 298–322.
47. Жуков, А. Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII – начале XVII в. / А. Ю. Жуков. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. – 492 с.
48. Жуков, А. Ю. Формирование границ Карелии: крестьянское освоение территории и государство (XII–XVII вв.) / А. Ю. Жуков // *Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов: Гуманитарные исследования*. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. – Вып. 1. – С. 7–19.

49. Зализняк, А. А. Древненовгородский диалект / А. А. Зализняк. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 872 с.
50. Захарова, Е. В. Вепское прошлое Восточного Обонежья по данным топонимии / Захарова Е. В. // Вепские ареальные исследования: Сб. статей. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. С. 144–155.
51. Захарова, Е. В. Интеграция субстратных прибалтийско-финских топонимов в русскую топонимическую систему Восточного Обонежья: дис. ... канд. филол. наук: 10.00.02 / Захарова Екатерина Владимировна. – Петрозаводск, 2015. – 234 с.
52. Захарова, Е. В. О некоторых ойконимных моделях Восточного Обонежья / Е. В. Захарова // Вопросы ономастики. – 2014. – № 1 (16). – С. 34–49.
53. Зимин, А. А. Два отрывка из Новгородской писцовой книги конца XV в. / А. А. Зимин // Исторический архив. – 1959. – № 1. – С. 155–159.
54. История и культура Сямозерья. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2008. – 816 с.
55. История Карелии с древнейших времен до наших дней. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2001. – 944 с.
56. Йоалайд, М. Вепские погосты в XV–XVI вв. / М. Йоалайд // Традиционная культура финно-угров и соседних народов. Проблемы комплексного изучения: Тезисы докладов. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1997. – С. 61–62.
57. Йоалайд, М. Топонимия писцовых книг как источник этнической истории / М. Йоалайд // Массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв.: Материалы конференции. – Архангельск: Правда Севера, 2002. – С. 133–138.
58. Йоалайд, М. Этническая территория вепсов в прошлом / М. Йоалайд // Проблемы истории и культуры вепсской народности. – Петрозаводск: КФ АН СССР, 1989. – С. 76–83.
59. Кабинина, Н. В. Ижора: к проблеме этимологизации / Н. В. Кабинина // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003». – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2003. – С. 115–118.
60. Карелы Карельской АССР. – Петрозаводск: Карелия, 1983. – 288 с.

61. Кузнецов, С. К. Русская историческая география / С. К. Кузнецов. – М.: Синодальная тип., 1910. – 197 с.
62. Казакова, Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения / Н. А. Казакова. – Л.: Наука, 1975. – 357 с.
63. Карлова, О. Л. Карельская антропонимия нехристианского происхождения (на материале писцовой книги Водской пятины 1500 г.) / О. Л. Карлова // V Всероссийская конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России»: материалы конференции. – Петрозаводск: [Б. и.], 2014. – С. 33–36.
64. Карлова, О. Л. -L-овая модель в топонимии Карелии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Карлова Ольга Леонидовна. – Петрозаводск, 2004. – 23 с.
65. Керт, Г. М. Некоторые саамские топонимические названия на территории Карельской АССР / Г. М. Керт // Вопросы языкознания. – 1969. – № 2. – С. 86–92.
66. Керт, Г. М. Саамская топонимная лексика / Г. М. Керт. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. – 179 с.
67. Керт, Г. М. Саамские элементы в топонимии Карелии / Г. М. Керт // Рябининские чтения: Сб. докладов. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1995. – С. 195–200.
68. Керт, Г. М. Саамы / Г. М. Керт // Прибалтийско-финские народы России. – М.: Наука, 2003. – С. 39–57.
69. Керт, Г. М. Субстратная топонимика Терского берега Кольского полуострова / Г. М. Керт // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы лексикологии и лексикографии. – Л.: АН СССР, 1981. – С. 64–68.
70. Кильдюшевский, В. И. Карельские вещи из раскопок древнего Орешка / В. И. Кильдюшевский // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. – СПб.: ИИМК РАН, 2008. – Вып. 2. Древности Ижорской земли. – С. 75–87.

71. Кириллин, В. М. Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия» / В. М. Кириллин // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2004. – № 1 (15). – С. 102–120.
72. Киришева, Т. И. Русская топонимия финно-угорского происхождения на территории Онежского полуострова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Киришева Тамара Игоревна. – Екатеринбург, 2006. – 19 с.
73. Кирпичников, А. Н. Каменные крепости Новгородской земли / А. Н. Кирпичников. – Л.: Наука, 1984. – 273 с.
74. Кирпичников, А. Н. Приладожская лопь / А. Н. Кирпичников // Новое в археологии СССР и Финляндии: Сб. докладов III советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 11–15 мая 1981 г. – Л.: Наука, 1984. – С. 137–144.
75. Кирпичников, А. Н. Тиверский городок / А. Н. Кирпичников, В. П. Петренко // Краткие сообщения Института археологии. – М.: Наука, 1974. – Вып. 139. – С. 106–113.
76. Кирпичников, А. Н. Финно-угорские племена в составе Новгородской земли (некоторые итоги новых исследований) / А. Н. Кирпичников, Е. А. Рябинин // Советская археология. – 1982. – № 3. – С. 47–62.
77. Кирсанов, Н. О. Предшественники *ы* в русской топонимии Ингерманландии / Н. О. Кирсанов // *Linguistica Uralica* XLIII. – 2007. – № 3. – С. 211–217.
78. Ключевский, В. О. Разбор исследования г. Чечулина. Города Московского государства в XVI в. / В. О. Ключевский. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1892. – 40 с.
79. Ключевский, В. О. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае / В. О. Ключевский. – М.: Университетская тип., 1867. – 37 с.
80. Кобрин В. Б. Опричина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды / В. Б. Кобрин. – М.: РГГУ, 2008. – С. 169–198.
81. Колмогоров, А. Н. Новгородское землевладение XV в. / А. Н. Колмогоров, Л. А. Бассалыго, В. Л. Янин. – М.: Наука, 1994. – 125 с.

82. Конькова, О. И. Водь: Очерки истории и культуры / О. И. Конькова. – СПб.: МАЭ РАН, 2009. – 252 с.
83. Конькова, О. И. Ижора: Очерки истории и культуры / О. И. Конькова. – СПб.: МАЭ РАН, 2009. – 248 с.
84. Конькова, О. И. Ижора и корела / О. И. Конькова // Русский Север: Сб. статей. – СПб.: Кунсткамера, 1995. – С. 43–62.
85. Конькова, О. И. Этнический состав средневекового населения Ижорского плато (постановка проблемы) / О. И. Конькова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. – 2007. – № 1. – С. 226–239.
86. Косточкин, В. В. Крепость Ивангород / В. В. Косточкин // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1952. – № 31. – С. 224–317.
87. Косточкин, В. В. Топография Ивангорода в XVI в. / В. В. Косточкин // Советская археология. – 1961. – № 3. – С. 261–269.
88. Кочкуркина, С. И. Археологические памятники корелы: V–XV вв. / С. И. Кочкуркина. – Л.: Наука, 1981. – 160 с.
89. Кочкуркина, С. И. Древнекарельские городища эпохи средневековья / С. И. Кочкуркина. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. – 262 с.
90. Кочкуркина, С. И. Древние карелы / С. И. Кочкуркина. – Петрозаводск: Карелия, 1987. – 71 с.
91. Кочкуркина, С. И. Древняя корела / С. И. Кочкуркина. – Л.: Наука, 1982. – 216 с.
92. Кочкуркина, С. И. Карельские земли в XII–XV вв. / С. И. Кочкуркина // Прибалтийско-финские народы России. – М.: Наука, 2003. – С. 168–172.
93. Кочкуркина, С. И. Корела и Русь / С. И. Кочкуркина. – Л.: Наука, 1986. – 141 с.
94. Кочкуркина, С. И. Курганы летописной веси X – начала XIII вв. / С. И. Кочкуркина. – Петрозаводск: Карелия, 1985. – 222 с.
95. Кочкуркина, С. И. Народы Карелии: история и культура / С. И. Кочкуркина. – Петрозаводск: Карелия, 2004. – 207 с.

96. Кочкуркина, С. И. Территория летописной Корелы в XII–XIV вв. (по археологическим данным) / С. И. Кочкуркина // Средневековые поселения Карелии и Приладожья: Сб. статей. – Петрозаводск: КФ АН СССР, 1978. – С. 41–70.
97. Кочкуркина, С. И. Этнокультурные контакты древних карел и вепсов в эпоху средневековья / С. И. Кочкуркина // Древности славян и финно-угров: Сб. статей. – СПб.: СПбГУ, 1992. – С. 124–129.
98. Кочкуркина, С. И. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. / С. И. Кочкуркина. – Л.: Наука, 1973. – 150 с.
99. Кулешов, В. С. Колбяги и Ладожское ярлство (заметки к теме) / В. С. Кулешов // Северная Русь и Балтика в середине XII столетия: Сб. статей по материалам конференции 28–29 апреля 2014 г. – СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2014. – С. 129–139.
100. Курбатов, А. В. Археологическое изучение Ивангородского посада. Раскоп № 1 / А. В. Курбатов // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (охранная археология). – СПб.: Периферия, 2015. – С. 89–106.
101. Курбатов, А. В. О внестратиграфическом датировании комплексов кожаных изделий в русских средневековых городах / А. В. Курбатов // Записки ИИМК РАН. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. – Вып. 3. – С. 210–233.
102. Курбатов, А. В. Ранние оборонительные сооружения Ивангородской крепости. Археологические исследования крепости 1492 г. в 1980–2012 гг. / А. В. Курбатов // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (охранная археология). – СПб.: Периферия, 2014. – С. 251–270.
103. Кучкин, В. А. Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси / В. А. Кучкин // Отечественная история. – 1996. – № 5. – С. 18–33.
104. Кучкин, В. А. Десятские и сотские Древней Руси / В. А. Кучкин // А. А. Горский, В. А. Кучкин, П. В. Лукин, П. С. Стефанович. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. – М.: Индрик, 2008. – С. 270–425.

105. Кучкин, В. А. Десятские средневековой Руси / В. А. Кучкин // Средневековая Русь: Сб. статей. – М.: Индрик, 2004. – Вып. 4. – С. 171–251.
106. Кюршунова, И. А. Антропозоонимы в полиэтничном пространстве Карелии XV–XVII вв. / И. А. Кюршунова // Ученые записки ПетрГУ. – 2013. – № 7. – Т. 2. – С. 43–49.
107. Кюршунова, И. А. Историческая антропонимия Карелии в новых парадигмах лингвистического знания: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Кюршунова Ирина Алексеевна. – Петрозаводск, 2017. – 358 с.
108. Кюршунова, И. А. Календарные имена средневековой Карелии в когнитивном аспекте / И. А. Кюршунова // Вопросы ономастики. – 2013. – № 2. – С. 108–127.
109. Кюршунова, И. А. Отражение процессов этнического взаимодействия в антропонимиконе Карелии донационального периода / И. А. Кюршунова // Carelica. – 2014. – № 2. – С. 22–30.
110. Кюршунова, И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. / И. А. Кюршунова. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. – 672 с.
111. Ленсу, Я. Я. Материалы по говорам води // Западнофинский сборник. Вып. 16. Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. – Л.: АН СССР, 1930. – С. 201–305.
112. Литаврин, Г. Г. Общее и особенное в этническом самосознании славян в XV веке / Г. Г. Литаврин, Б. Н. Флоря // Этническое самосознание славян в XV столетии. – М.: Наука, 1995. – С. 216–217.
113. Лихачев, Д. С. Национальное самосознание Древней Руси: Очерки из области русской литературы XI–XVII вв. / Д. С. Лихачев. – М.; Л.: АН СССР, 1945. – 119 с.
114. Лукин, П. В. Новгородское вече / П. В. Лукин. – М.: Академический проект, 2018. – 674 с.

115. Лукин, П. В. Существовало ли в Древней Руси народное ополчение? Некоторые сравнительно-исторические наблюдения / П. В. Лукин // Средневековая Русь: Сб. статей. – М.: Индрик, 2011. – Вып. 9. – С. 47–98.
116. Макаров, Н. А. Население русского Севера в XI–XIII вв.: По материалам могильников восточного Прионежья / Н. А. Макаров. – М.: Наука, 1990. – 214 с.
117. Матвеев, А. К. Субстратная топонимия Русского Севера: в 2 ч. / А. К. Матвеев. – Екатеринбург: Уральский университет, 2001. – Ч. 1. – 346 с.
118. Мачинский, Д. А. Колбяги / Д. А. Мачинский, В. С. Кулешов // Ладога и Глеб Лебедев: Сб. статей. – СПб.: Нестор-История, 2004. – С. 207–227.
119. Мирославская, А. Н. О древнерусских именах, прозвищах и прозваниях / А. Н. Мирославская // Перспективы развития славянской ономастики: Сб. ст. – М.: АН СССР, 1980. – С. 202–213.
120. Морошкин, М. Я. Славянский именовослов, или собрание славянских личных имен в алфавитном порядке / М. Я. Морошкин. – СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. – 213 с.
121. Муллонен, И. И. Вепсы Прионежья по данным топонимии / И. И. Муллонен // Проблемы истории и культуры вепсской народности: Сб. статей. – Петрозаводск: КФ АН СССР, 1989. – С. 84–90.
122. Муллонен, И. И. Гидронимия бассейна реки Ояти / И. И. Муллонен. – Петрозаводск: КФ АН СССР, 1988. 161 с.
123. Муллонен, И. И. Дороги старой Толвуи в топонимии / И. И. Муллонен // Кижский вестник. – 2002. – № 7. – С. 71–78.
124. Муллонен, И. И. Очерки вепсской топонимии / И. И. Муллонен. – СПб.: Наука, 1994. – 157 с.
125. Муллонен, И. И. «Святые гидронимы» в контексте вепско-русского контактирования / И. И. Муллонен // Ономастика Карелии: Проблемы взаимодействия разноязычных ономастических систем. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1995. – С. 17–27.

126. Муллонен, И. И. Топонимический метод в исследовании этноязыковой истории Карелии / И. И. Муллонен // Бубриховские чтения: Материалы научной конференции. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2015. – С. 247–256.
127. Муллонен, И. И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями / И. И. Муллонен. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. – 242 с.
128. Муллонен, И. И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования / И. И. Муллонен. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. – 356 с.
129. Муллонен, И. И. Топонимы как маркеры культурного ландшафта Заонежья / И. И. Муллонен // Прибалтийско-финское языкознание: лингвогеографические исследования: Сб. статей. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2005. – С. 111–125.
130. Муллонен, И. И. Этнолингвистическая история Обонежья / И. И. Муллонен // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 332–348.
131. Мюллер, Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. / Р. Б. Мюллер. – Петрозаводск: Госиздат Карело-Финской ССР, 1947. – 175 с.
132. Назаренко, А. В. Юго-Восточное Приладожье в свете данных археологических и письменных источников / А. В. Назаренко, А. А. Селин // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 232–247.
133. Насонов, А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь: История татарской политики на Руси / А. Н. Насонов. – СПб.: Наука, 2006. – 416 с.
134. Неволин, К. А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1853. – 660 с.
135. Нечай, М. Н. Топонимы-полукальки с вепскими основами в русской топонимии Вытегорского края / М. Н. Нечай // Вопросы ономастики. – 1982. – № 15. – С. 57–59.

136. Никитский, А. И. Заметки об издании новгородских писцовых книг / А. И. Никитский // Журнал Министерства народного просвещения. – 1880. – № 12. – С. 272–295.
137. Никонов, В. А. География фамилий / В. А. Никонов. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
138. Новожилов, А. Г. Новгородские писцовые книги как этнографический источник / А. Г. Новожилов // Историческая этнография. – 1993. – Вып. 4. – С. 96–100.
139. Новожилов, А. Г. Северо-западные земли Водской пятины на рубеже XV–XVI вв. / А. Г. Новожилов // Историческая этнография. Русский Север и Ингерманландия. – 1997. – Вып. 5. – С. 34–49.
140. Новожилов, А. Г. Этническая история междуречья Волхова и Наровы XV–XVI вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Новожилов Алексей Геннадьевич. – СПб., 2000. – 248 с.
141. Новожилов, А. Г. Этническая ситуация на Северо-Западе Новгородской земли в XV–XVI вв. / А. Г. Новожилов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. – 2004. – № 1–2. – С. 79–92.
142. Петренко, В. П. Ивангородская керамика конца XV–XVI вв. / В. П. Петренко, В. И. Кильдюшевский, А. В. Курбатов // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (охранная археология). – СПб.: Периферия, 2013. – С. 253–268.
143. Пименов, В. В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры / В. В. Пименов. – М.; Л.: Наука, 1965. – 264 с.
144. Пименов, В. В. Вепсы: расселение, история, проблемы этнического развития / В. В. Пименов, З. И. Строгальщикова // Проблемы истории и культуры вепсской народности: Сб. статей. – Петрозаводск: КФ АН СССР, 1989. – С. 4–26.
145. Платонов, С. Ф. Прошлое Русского севера: Очерки по истории колонизации Поморья / С. Ф. Платонов. – Пг.: Время, 1923. – 80 с.

146. Погодин, А. Л. К вопросу о древнем населении нашего Севера, лопарях и чуди / А. Л. Погодин // Журнал Министерства народного просвещения. – 1912. – № 11. – С. 94–111.
147. Попов, А. И. Географические названия (введение в топонимику) / А. И. Попов. – М.; Л.: Наука, 1965. – 182 с.
148. Попов, А. И. Прибалтийско-финские личные имена в новгородских берестяных грамотах / А. И. Попов // Труды Карельского филиала АН СССР. – 1958. – № 12. – С. 95–100.
149. Попов, А. И. Следы времён минувших: Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей / А. И. Попов. – Л.: АН СССР, 1981. – 206 с.
150. Прибалтийско-финские народы России. – М.: Наука, 2003. – 671 с.
151. Приображенский, А. В. Русская топонимия Карельского Поморья и Обонежья в историческом аспекте / А. В. Приображенский. – Петрозаводск: ПетрГУ, 2013. – 166 с.
152. Рогов, А. И. Формирование самосознания древнерусской народности (по памятникам древнерусской письменности X–XII вв.) / А. И. Рогов, Б. Н. Флоря // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. – М.: Наука, 1982. – С. 96–119.
153. Рябинин, Е. А. Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований, 1971–1991 гг.) / Е. А. Рябинин. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 259 с.
154. Рябинин, Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских культурных связей: Историко-археологический очерк / Е. А. Рябинин. – СПб.: СПбГУ, 1997. – 260 с.
155. Рябинин, Е. А. Чудь Водской пятины / Е. А. Рябинин // Древности славян и финно-угров: Сб. статей. – СПб.: СПбГУ, 1992. – С. 143–151.

156. Саарикиви, Я. Прибалтийско-финская антропонимия в субстратных названиях Русского Севера: перспективы изучения / Я. Саарикиви // Этимологические исследования: Сб. научных трудов. – Екатеринбург: УрГУ, 2003. – Вып. 8. – С. 136–148.
157. Сакса, А. И. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли / А. И. Сакса. – СПб.: Нестор–История, 2010. – 400 с.
158. Сакса, А. И. Новгород, Карелия и Ижорская земля в эпоху средневековья / А. И. Сакса // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной конференции, 15–17 ноября 2005 г. – Великий Новгород: НовГУ, 2006. – С. 15–28.
159. Санкина, С. Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии / С. Л. Санкина. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. – 207 с.
160. Седов, В. В. Ижора / В. В. Седов // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 42–43.
161. Седов, В. В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование / В. В. Седов. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 320 с.
162. Седов, В. В. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX–XIV вв.) / В. В. Седов // Советская археология. – 1953. – № 18. – С. 190–229.
163. Селин, А. А. Ивангородская дорога [Электронный ресурс] / А. А. Селин // Academia. – URL: https://www.academia.edu/1894069/Ивангородская_дорога (дата обращения: 06.08.2015).
164. Селин, А. А. Магистральные дороги Северо-Запада Новгородской земли в XVI–XVII вв. / А. А. Селин // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 86–99.
165. Сергей (Тихомиров), архимандрит. Новгородский уезд Водской пятины по писцовой книге 1500 года: Историко-экономический очерк / Сергей (Тихомиров). – М.: Университетская тип., 1900. – 119 с.

166. Смирнов, И. Н. Восточные Финны. Историко-этнографический очерк / И. Н. Смирнов. – СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1898. – 34 с.
167. Смолицкая, Г. П. Гидронимия бассейна Оки (список рек и озёр) / Г. П. Смолицкая. – М.: Наука, 1976. – 402 с.
168. Смолицкая, Г. П. Писцовые книги как источник топонимии / Г. П. Смолицкая // Вопросы топонимики СССР: Сб. статей. – М.: Наука, 1972. – С. 11–13.
169. Смит, Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Смит. – М.: Праксис, 2004. – 464 с.
170. Смольников, С. Н. Антропонимия верхнего Подвинья XVII в. как источник по истории заселения края / С. Н. Смольников // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 4. – С. 38–47.
171. Смольников, С. Н. Функциональные аспекты исторической антропонимики (на материалах деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв.): дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Смольников Сергей Николаевич. – СПб., 2005. – 426 с.
172. Соболев, А. И. Вепское прошлое Юго-Восточного Обонежья по данным ономастики / А. И. Соболев // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы исследования. – СПб.: Нестор-история, 2015. – С. 438–508.
173. Соболев, А. И. Карельское наследие в топонимии Юго-Восточного Обонежья / А. И. Соболев // Вопросы ономастики. – 2015. – №1 (18). – С. 47–68.
174. Соболев, А. И. К вопросу об этническом взаимодействии русских, вепсов и карел на территории Андомского погоста / А. И. Соболев // Studia Slavica. – 2011. – № 10. – С. 302–313.
175. Соболев, А. И. Названия населенных мест юго-восточного Обонежья в контексте формирования культурного ландшафта / А. И. Соболев // Труды Карельского научного центра РАН. – 2012. – № 4. – С. 191–196.
176. Соболев, А. И. Прибалтийско-финские кальки в топонимии юго-восточного Обонежья / А. И. Соболев // Вепские ареальные исследования: Сб. статей. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. – С. 155–165.

177. Сорокин, П. Е. Археологическое изучение средневековых памятников в Приневье. Новые данные по археологии ижоры / П. Е. Сорокин // Археологическое наследие Санкт-Петербурга: Сб. статей. – СПб.: ИИМК РАН, 2008. – Вып. 2. Древности Ижорской земли. – С. 88–127.
178. Сорокин, П. Е. О системе расселения в Приневье в допетровское время / П. Е. Сорокин // Сельская Русь в IX–XVI вв. – М.: Наука, 2008. – С. 351–362.
179. Сорокин, П. Е. Раскопки ижорских могильников в бассейне реки Невы / П. Е. Сорокин // Записки ИИМК РАН. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – Вып. 1. – С. 94–111.
180. Строгальщикова, З. И. Вепсы: Очерки истории и культуры / З. И. Строгальщикова. – СПб.: Инкери, 2014. – 264 с.
181. Темушев, С. Н. Летописные представления о даннической зависимости от Руси периферийных финно-угорских племен / С. Н. Темушев // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2017. – № 3 (69). – С. 135–136.
182. Теплов, Е. Ф. Словообразовательные модели составных топонимов (наименований населенных пунктов Обонежья в XV–XVI вв.) / Е. Ф. Теплов // Научная конференция по итогам работы за 1965 год. – Петрозаводск: КФ АН СССР, 1966. – С. 59–65.
183. Толочко, П. П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная / П. П. Толочко. – СПб.: Алетейя, 2005. – 218 с.
184. Топоров, В. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья / В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. – М.: АН СССР, 1962. – 267 с.
185. Торопова, Е. В. Западноевропейская чаша XII в. из раскопок в Старой Руссе / Е. В. Торопова // Вестник Новгородского государственного университета. – 2013. – № 73. – Т. 1. – С. 111–113.
186. Торопова, Е. В. Очень старая Старая Русса / Е. В. Торопова // Родина. – 2012. – № 9. – С. 48–51.
187. Торопова, Е. В. Археологические исследования в Старой Руссе / Е. В. Торопова, К. Г. Самойлов, С. Е. Торопов // Вестник РГНФ. – 2011. – № 1. – С. 155–166.

188. Тупиков, Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Н. М. Тупиков. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1903. – 857 с.
189. Флоря, Б. Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII–XV веках (к вопросу о зарождении восточнославянских народностей) / Б. Н. Флоря // Этническое самосознание славян в XV столетии. – М.: Наука, 1995. – С. 10–37.
190. Фролов, А. А. Административная система центральных районов Новгородской земли в X – начале XVII века в контексте истории территориальных юрисдикций / А. А. Фролов // Историческая география. – М.: ИВИ РАН, 2012. – Т. 1. – С. 110–154.
191. Фролов, А. А. «Географический фактор» в организации государственных поземельных описаний конца XV – середины XVII в. / А. А. Фролов // Книга картины земли: Сб. статей в честь И. Г. Коноваловой. – М.: Индрик, 2014. – С. 257–284.
192. Фролов, А. А. Дубецкая дорога (к истории путей сообщения между Новгородом Великим и Северо-Восточной Русью) / А. А. Фролов // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы конференции. – Новгород: НовГУ, 1998. – С. 80–82.
193. Фролов, А. А. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 гг.): в 3 т. / А. А. Фролов, Н. В. Пиотух. – М.; СПб.: Альянс–Архео, 2008. – 3 т.
194. Фролов, А. А. Новгородские писцовые книги: Источники и методы исследования / А. А. Фролов. – М., СПб: Альянс–Архео, 2017. – 648 с.
195. Хартанович, В. И. Краниология ижор / В. И. Хартанович // Расы и народы. – М.: Наука, 2004. – Вып. 30. – С. 96–124.
196. Хартанович, В. И. Новые краниологические материалы по саамам Кольского полуострова (могильник Северная Салма) / В. И. Хартанович // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез. – СПб: МАЭ РАН, 2004. – С. 108–125.

197. Харузин, Н. Н. К вопросу об употреблении некалендарных имен в допетровской Руси / Н. Н. Харузин // Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине. – Нежин: Типо-литография М. В. Глезера, 1899. – Т. 2. – С. 150–171.
198. Хвощинская, Н. В. Славяне и финны на северо-западе Древнерусского государства: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.06 / Хвощинская Наталия Вадимовна. – СПб., 2008. – 408 с.
199. Хвощинская, Н. В. Племя воль и его культура в составе Новгородской земли / Н. В. Хвощинская // Великий Новгород и средневековая Русь: К 80-летию академика В. Л. Янина. – М.: Памятники исторической мысли, 2009. – С. 300–312.
200. Чернов, С. З. К хронологии московской керамики конца XV–XVI вв. / С. З. Чернов // Московская керамика. Новые данные по хронологии. – М.: ИА РАН, 1991. – Т. 5. – С. 50–59.
201. Чечулин, Н. Д. Личные имена в писцовых книгах XVI века, не встречающиеся в православных святцах / Н. Д. Чечулин. – СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1890. – 12 с.
202. Чичагов, В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий: Вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв. / В. К. Чичагов. – М.: Учпедгиз, 1959. – 127 с.
203. Шаскольский, И. П. Берестяные грамоты как источник по внешнеполитической истории Новгорода XIV–XV веков / И. П. Шаскольский // Археографический ежегодник за 1962 г. – М.: Наука, 1963. – С. 71–79.
204. Шаскольский, И. П. Политические отношения Новгорода и карел в XII–XIV веках / И. П. Шаскольский // Новгородский исторический сборник. – 1961. – Вып. 10. – С. 117–136.
205. Шахнович, М. М. «Лопь» и «лопарские» памятники Северной и Западной Карелии / М. М. Шахнович // Кольский сборник. – СПб.: ИИМК РАН, 2007. – С. 228–246.

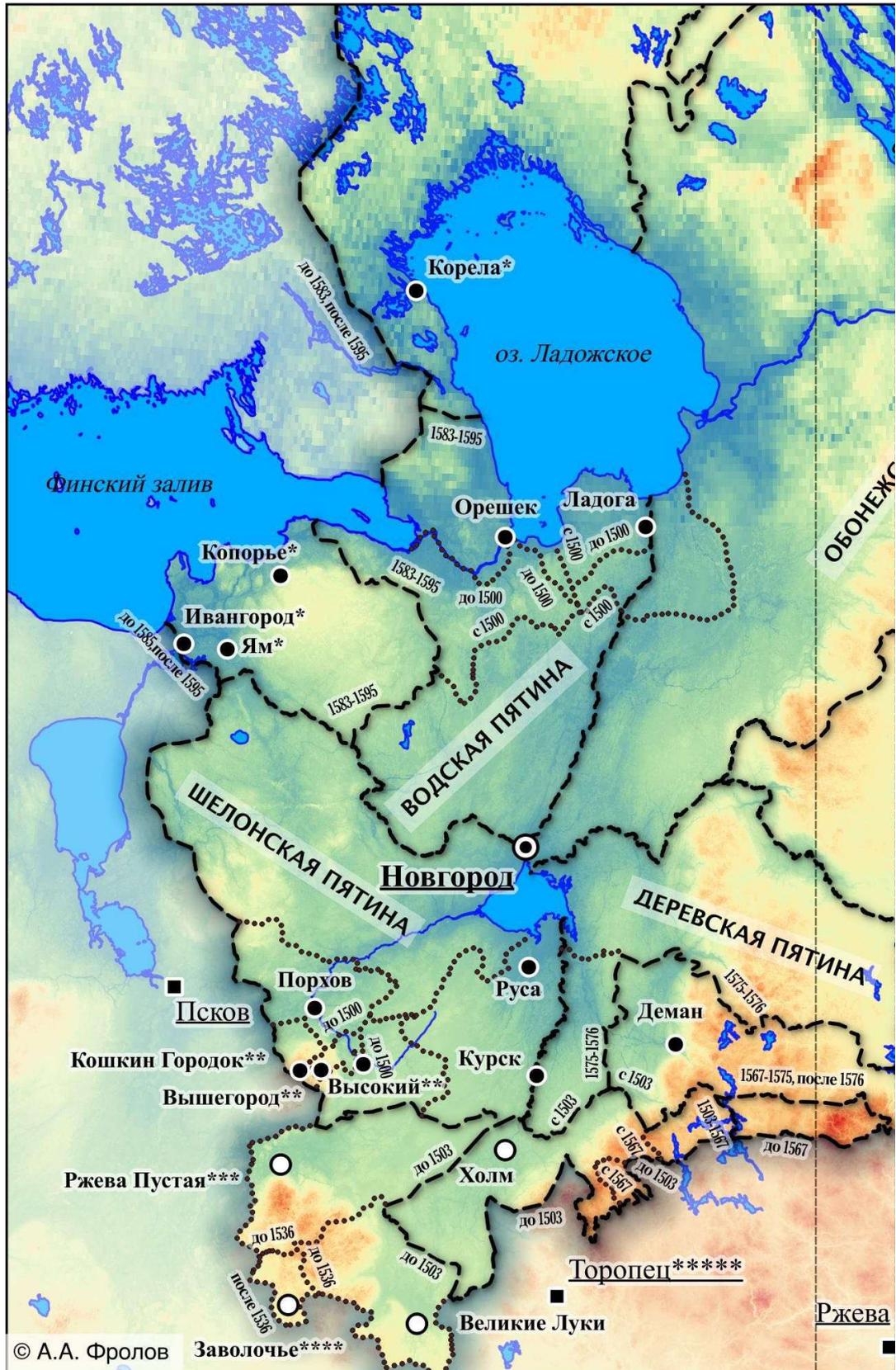
206. Шилов, А. Л. Этнонимы и неславянские антропонимы берестяных грамот / А. Л. Шилов // Вопросы ономастики. – 2010. – № 1. – С. 33–54.
207. Широбоков, И. Г. Антропологический состав позднесредневекового населения Терского берега Белого моря (по материалам раскопок некрополя Свято-Никольской церкви с. Варзуга) / И. Г. Широбоков, М. М. Шахнович // Записки ИИМК РАН. – 2013. – № 8. – С. 193–202.
208. Шумкин, В. Я. Исследования Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН в Мурманской области (район Териберской губы Баренцева моря) / В. Я. Шумкин, Е. М. Колпаков, А. И. Мурашкин // Записки ИИМК РАН. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. – Вып. 4. – С. 77–80.
209. Шурыгина, А. П. Новгородская боярская колонизация / А. П. Шурыгина // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Кафедра истории СССР. – 1948. – Вып. 78. – С. 31–62.
210. Щавелев, А. С. Русы / росы в Восточной Европе: модель инвазии и некоторые особенности интеграции в мире восточных славян (вторая половина IX–X в.) / А. С. Щавелев // Уральский исторический вестник. – 2013. – № 1. – С. 112–121.
211. Янин, В. Л. Новгородская феодальная вотчина / В. Л. Янин. – М.: Наука, 1981. – 296 с.
212. Янин, В. Л. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий / В. Л. Янин. – М.: Наука, 1991. – 385 с.
213. Этнаграфія беларусаў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1985. – 215 с.
214. Baecklund, A. Personal names in medieval Velikij Novgorod / A. Baeklund. – Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1959. – 195 p.
215. Brass, P. R. Ethnic groups and the state / P. R. Brass. – London: Croom Helm Ltd, 1985. – 352 p.
216. Brass, P. R. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison / P. R. Brass. – Newbury Park: Sage Publications, 1991. – 358 p.

217. Castrén, M. A. Bemerkungen über sawolotscheskaja Tschud / M. A. Castrén // Nordische Reisen und Forschungen. V. Kleinere Schriften. VII. – SPb.: Buchdruck. der K. Akademie der Wissenschaften, 1862. – S. 86–106.
218. Joalaid, M. Keelevahetus Novgorodimaa Äänise viiendikus / M. Joalaid // Mitmekeelisüs ja keelevaihtus õdagumeresoomõ maiõ pääl. Võro Instituudi toimõndusõq. – Tartu: Võro Institute, 2006. – L. 97–115.
219. Joalaid, M. Russian cadastral registers as a source of Vepsian Onomastics / M. Joalaid // XX International Congress of Onomastic Sciences: Abstract. – Santiago di Compostela: Universidade de Santiago di Compostela, 1999. – P. 101–102.
220. Kalima, J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen / J. Kalima // Mémoires de la Société finno-ougrienes. XLIV. – Helsingfors: [S. n.], 1919. – S. 45–65.
221. Korpela, J. North-western «Others» in medieval Russian chronicles / J. Korpela // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. – 2008. – № 2. – С. 42–55.
222. Mikkola, J. J. Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. I. Slavische Lehnwörter in den west-finnischen Sprachen / J. J. Mikkola // Mémoires de la Société finno-ougrienes. VIII. – Helsingfors: [S. n.], 1894. – S. 87–105.
223. Nissilä, V. Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö / V. Nissilä // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseurantoimiteita. – 1976. – T. I. – S. 43–172.
224. Plokhy, S. The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus / Plokhy S. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 379 p.
225. Pohl, W. Strategies of Identification. Ethnicity and Religion in Early Medieval Europe / W. Pohl, G. Heydemann. – Turnhout: Brepols Publishers, 2013. – 271 p.
226. Saarikivi, J. Finnic Personal Names on Novgorod Birch Bark Documents / J. Saarikivi // Slavica Helsingiensia. – 2007. – № 32. – P. 196–246.

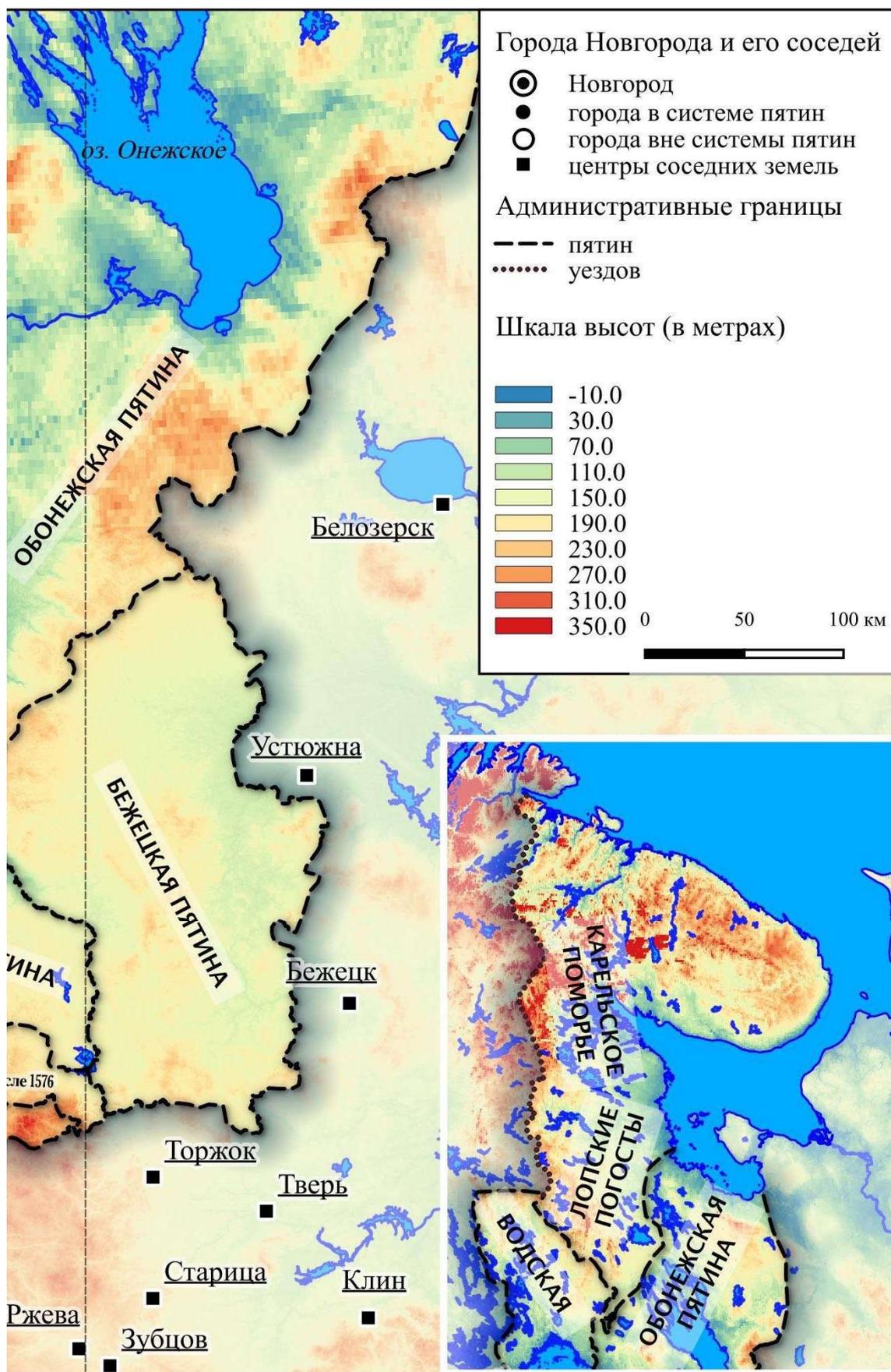
227. Sjogren, J. A. Die Syrjanen, ein historisch-statistischphilologischer Versuch / J. A. Sjogren // Gesammelte Schriften. Band I. Historisch-ethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. VII. – SPb.: [S. n.], 1861. – S. 233–459.
228. Stoebke, D.–E. Die alten ostseefinnischen Personennamen im Rahmen eines urfinnischen Namensystems / D.–E. Stoebke. – Hamburg: Leibniz-Verlag, 1964. – 181 s.
229. Vasmer, M. Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung / M. Vasmer // Preussische Akademie der Wissenschaften. Vorträge und Schriften. Heft 5. – Berlin: De Gruyter, 1941. – S. 80–99.

Справочная литература

230. Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия. – М.: Ладомир, 2014. – 992 с.
231. Зайков, П. Карельско-русский словарь / П. Зайков, Л. Ругоева. – М.: Периодика, 1999. – 216 с.
232. Зайцева, М. И. Словарь вепсского языка / М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. – Л.: Наука, 1972. – 745 с.
233. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.; СПб.: Наука, Нестор-История, 1975–2015. Вып. 1–30.
234. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
235. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986. – 4 т.

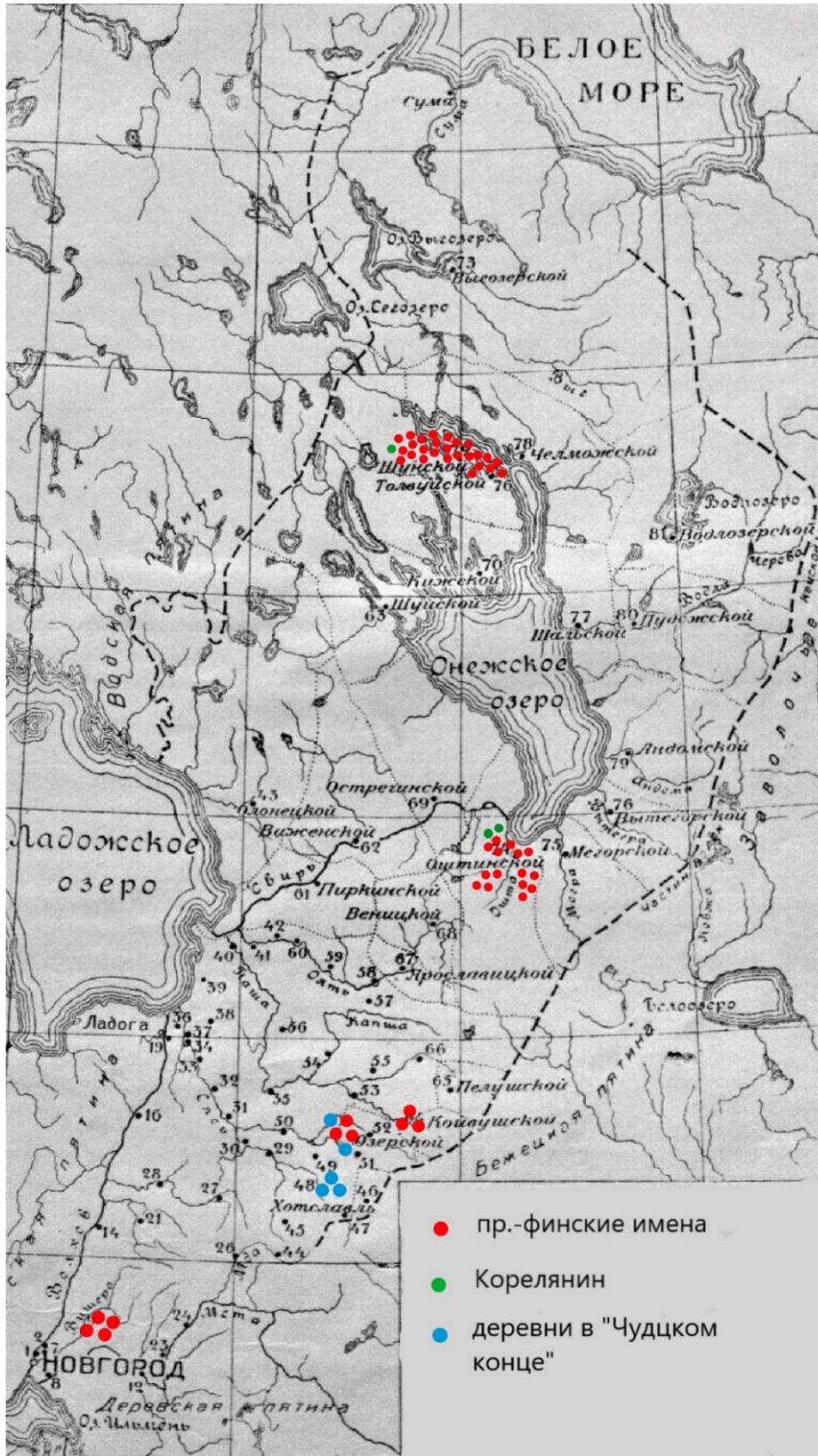
Приложение 1. Новгородская земля в конце XV–XVI в. Часть 1⁶³⁶

⁶³⁶ Фролов А. А. Новгородские писцовые книги: Источники и методы исследования. М., СПб., 2017. Цв. вклейка, илл. 2.

Приложение 2. Новгородская земля в конце XV–XVI в. Часть 2⁶³⁷

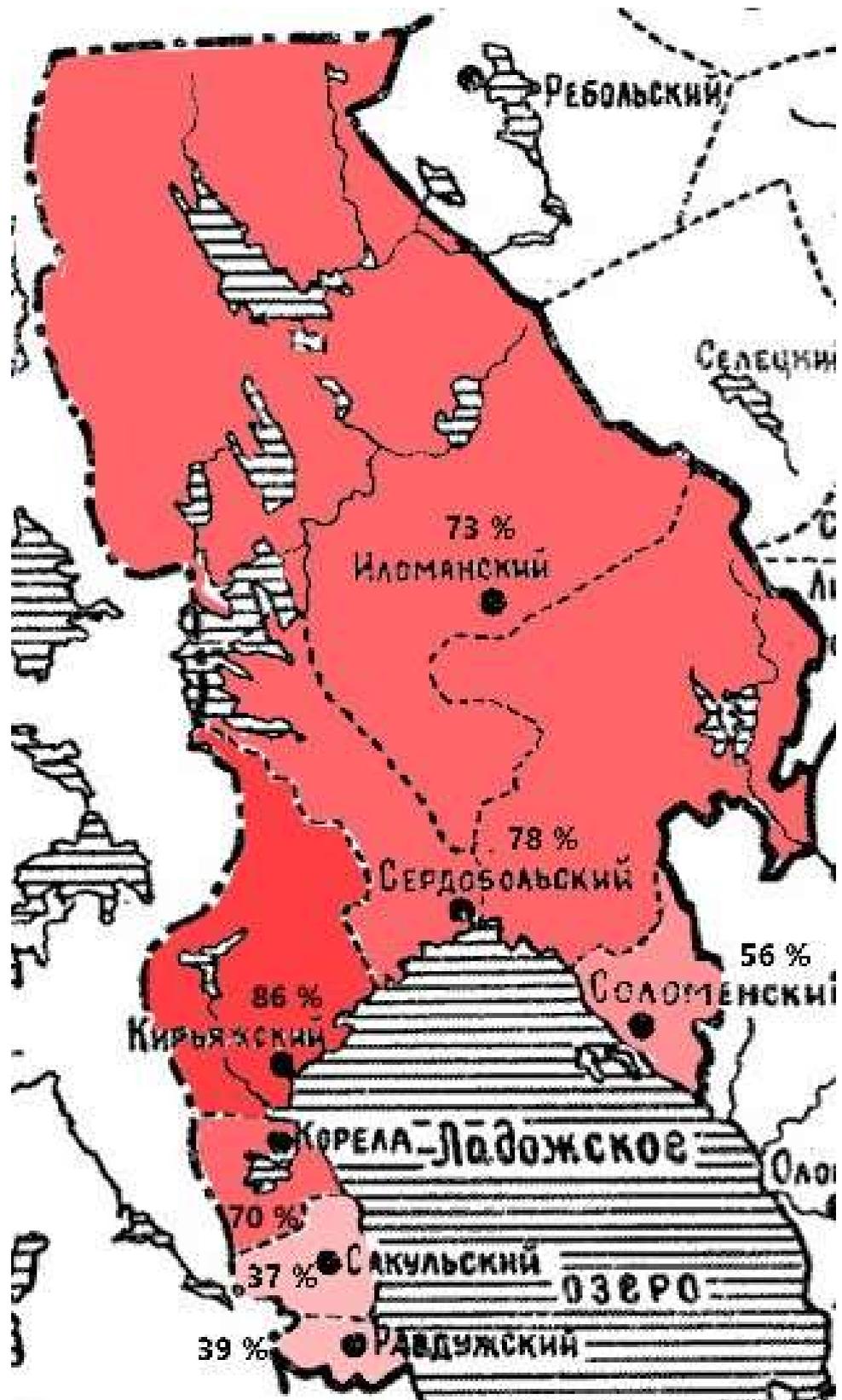
⁶³⁷ Фролов А. А. Новгородские писцовые книги... Цв. вклейка, илл. 2.

Приложение 3. Неславянская антропонимия и этнопонимия Обонежской пятины в конце XV в.⁶³⁸

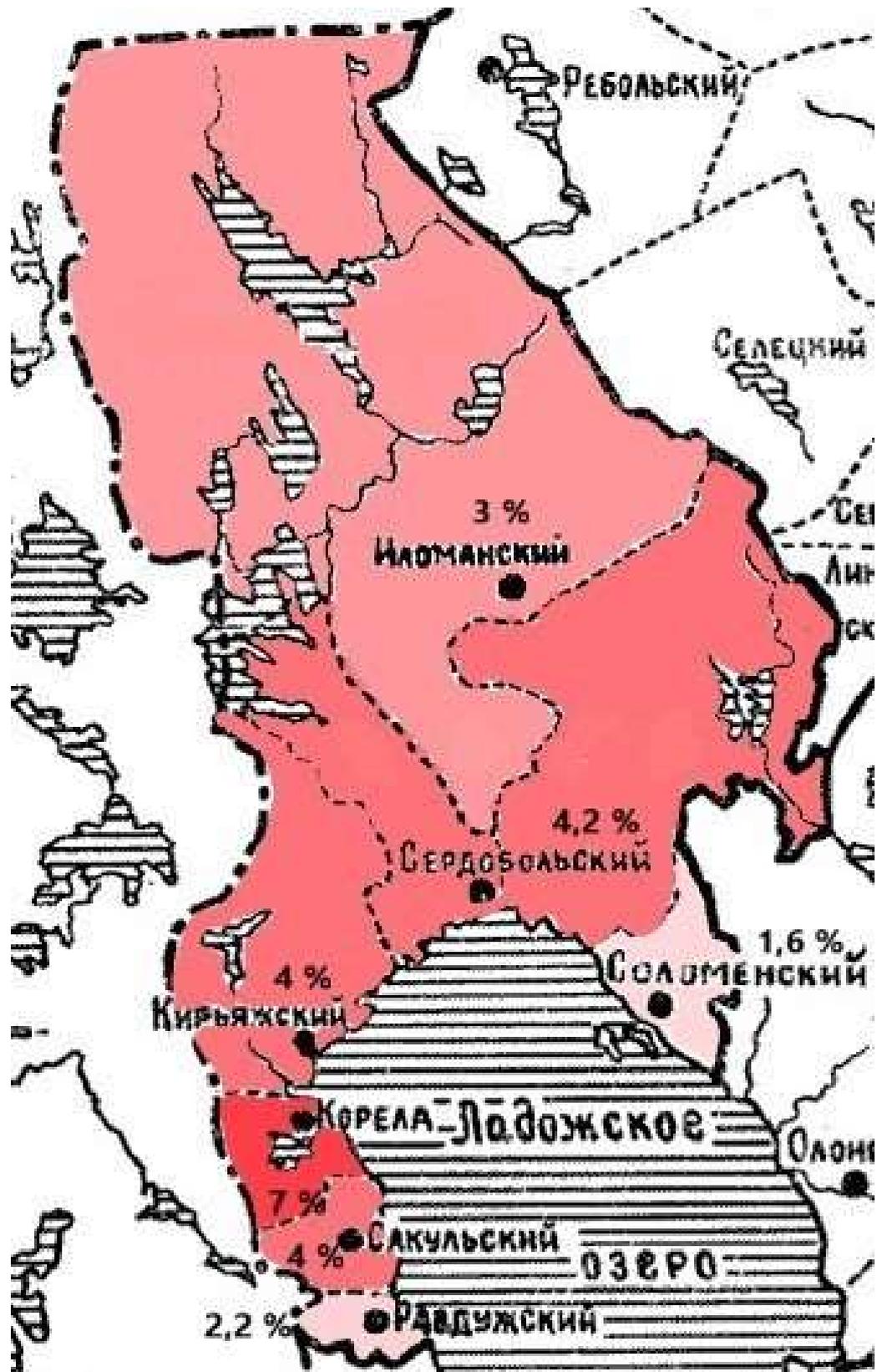
⁶³⁸ Карта: ПКОП. Прил.: карта Обонежской пятины XV и XVI вв. Сост. А. М. Андрияшев. Условные обозначения: Чибисов Б. И.

Приложение 4. Прибалтийско-финская ойконимия Корельского уезда в конце XV в.⁶³⁹

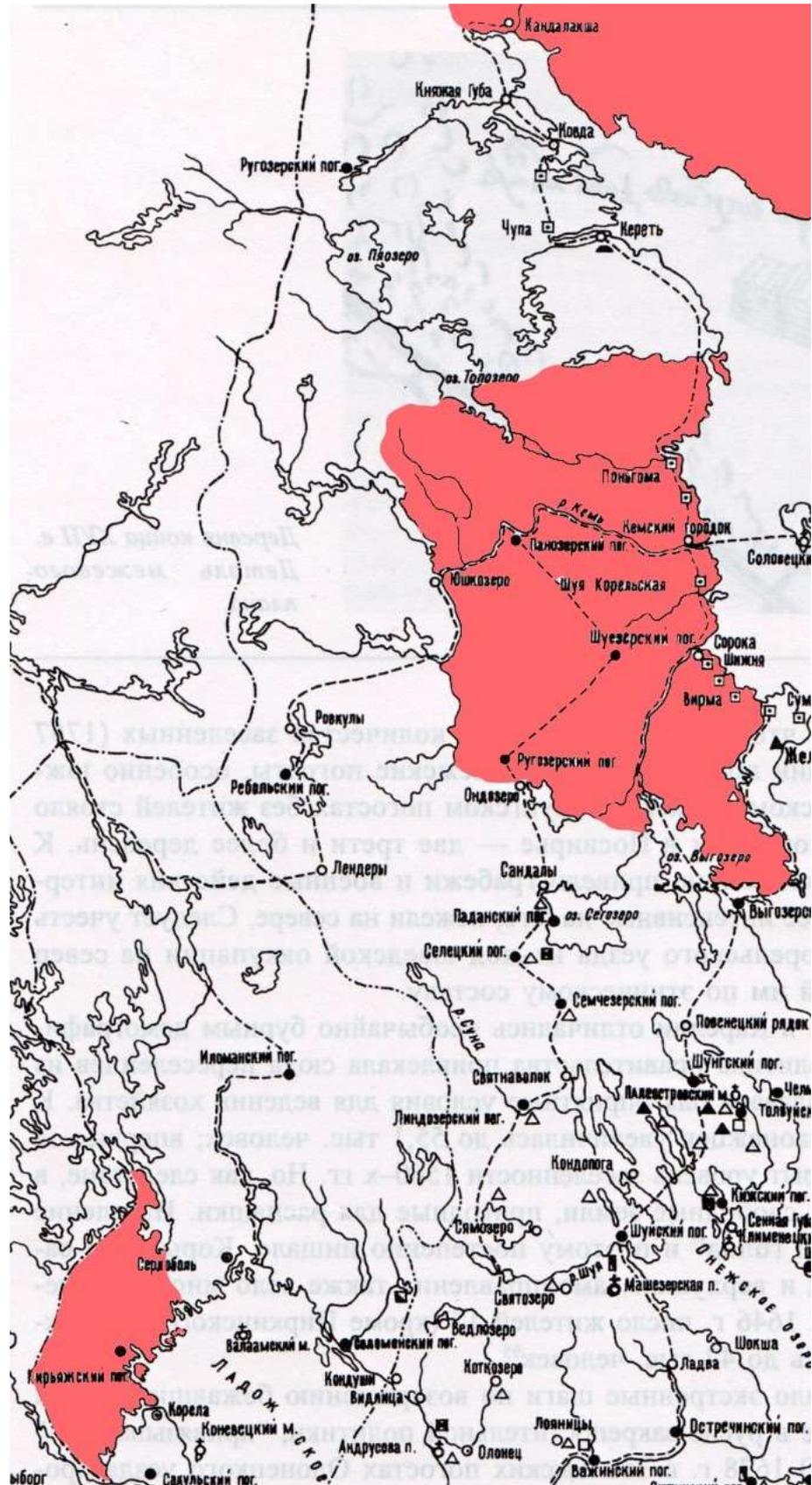
⁶³⁹ Карта: Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. Прил. Цветовое выделение и указание процентов: Чибисов Б. И.

Приложение 5. Прибалтийско-финская антропонимия Корельского уезда в конце XV в.⁶⁴⁰

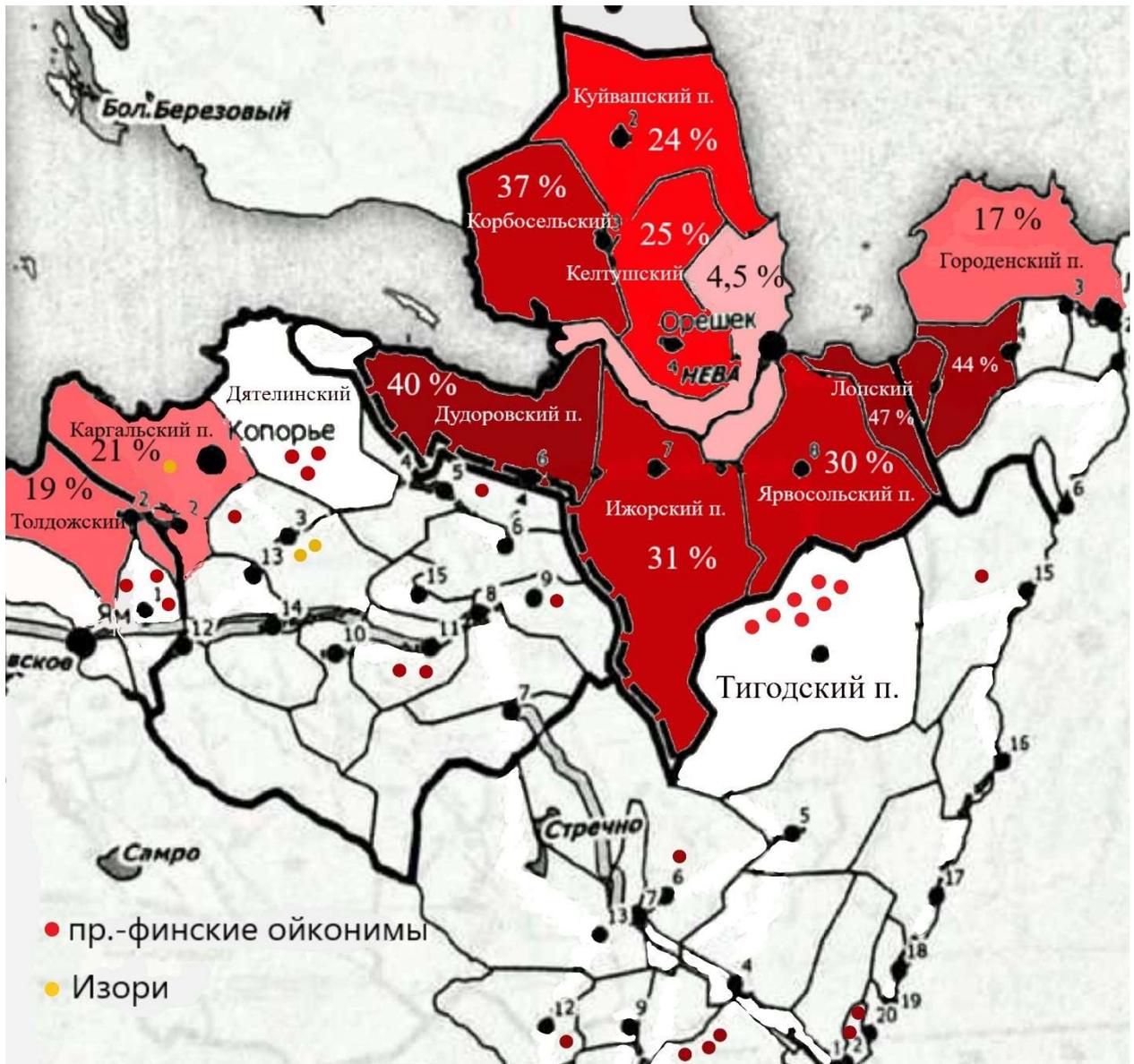
⁶⁴⁰ Карта: Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. Прил. Цветовое выделение и указание процентов: Чибисов Б. И.

Приложение 6. География земельных владений «корельских детей»⁶⁴¹

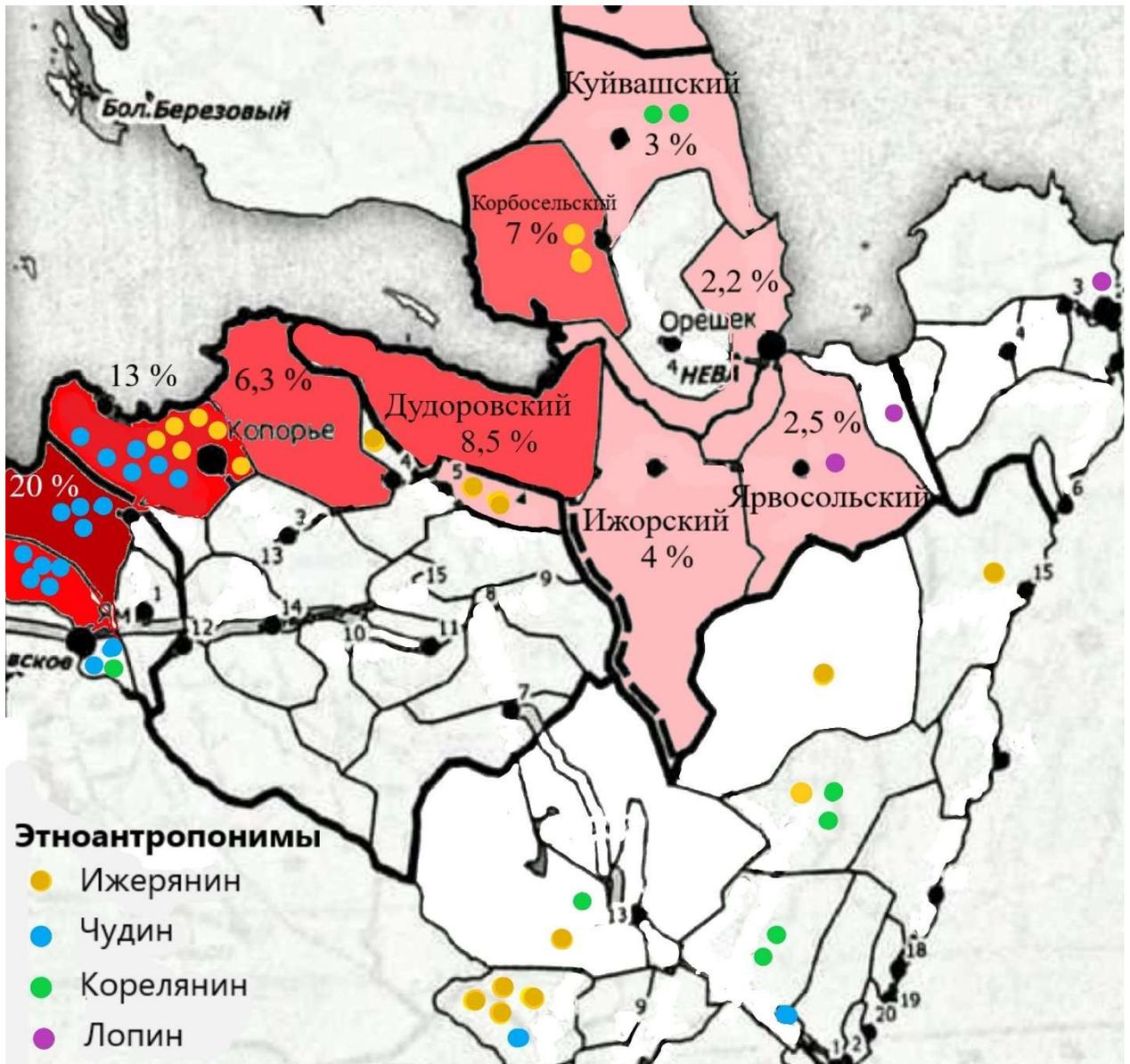
⁶⁴¹ Карта: История Карелии с древнейших времён до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 141. Цветовое выделение: Чибисов Б. И.

Приложение 7. Неславянская ойконимия северо-запада Новгородской земли⁶⁴²

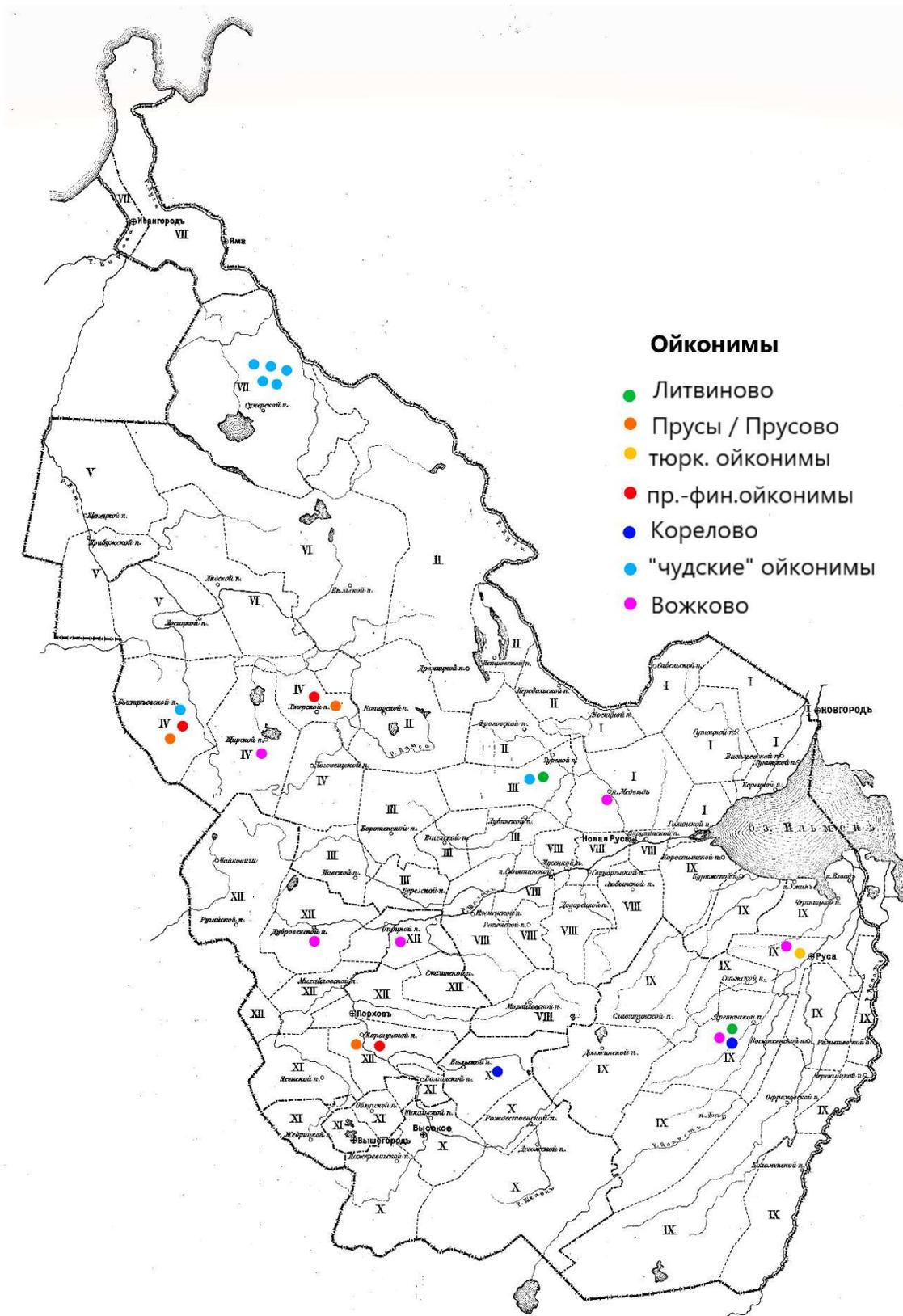

⁶⁴² Карта: Фролов А. А. Новгородские писцовые книги... С. 353. Цветовое выделение, указание процентов и условные обозначения: Чибисов Б. И.

Приложение 8. Неславянская антропонимия северо-запада Новгородской земли⁶⁴³

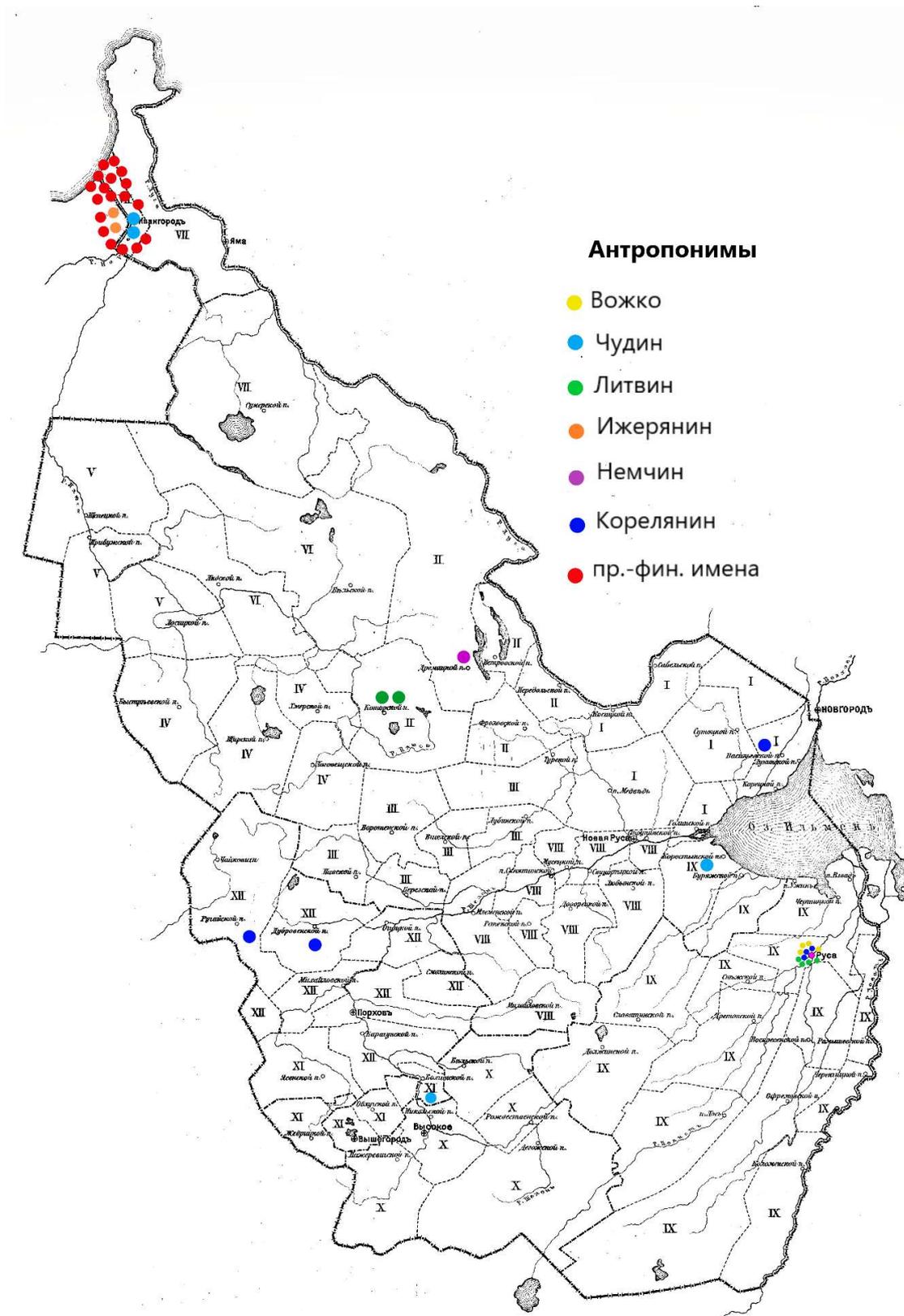
⁶⁴³ Карта: Фролов А. А. Новгородские писцовые книги... С. 353. Цветовое выделение, указание процентов и условные обозначения: Чибисов Б. И.

Приложение 9. Неславянская ойконимия Шелонской пятины в конце XV в.⁶⁴⁴

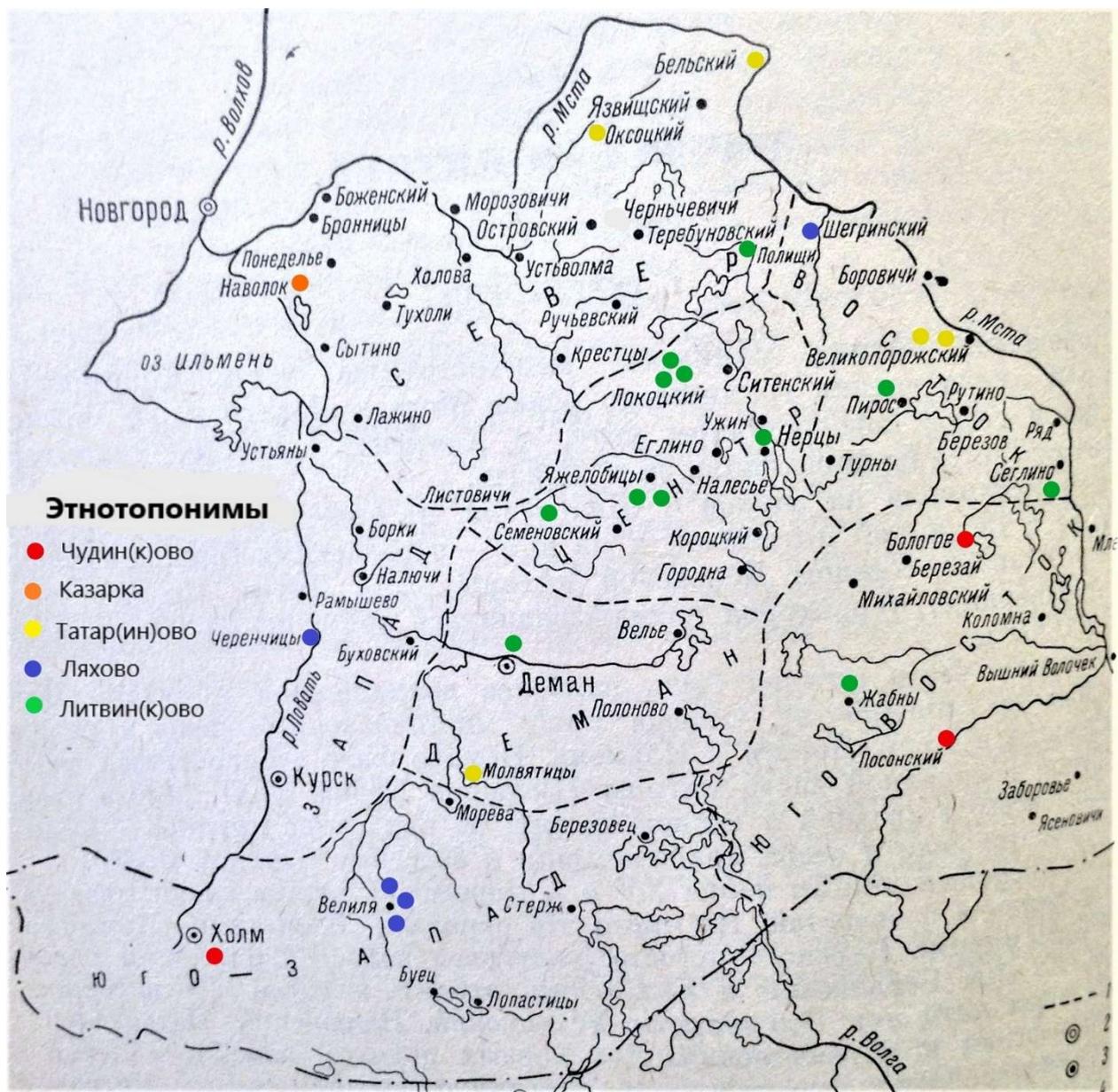
⁶⁴⁴ Карта: Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли...

Т. 2: Карты погостов. С. 2. Условные обозначения: Чибисов Б. И.

Приложение 10. Неславянская антропонимия Шелонской пятины в конце XV в.⁶⁴⁵

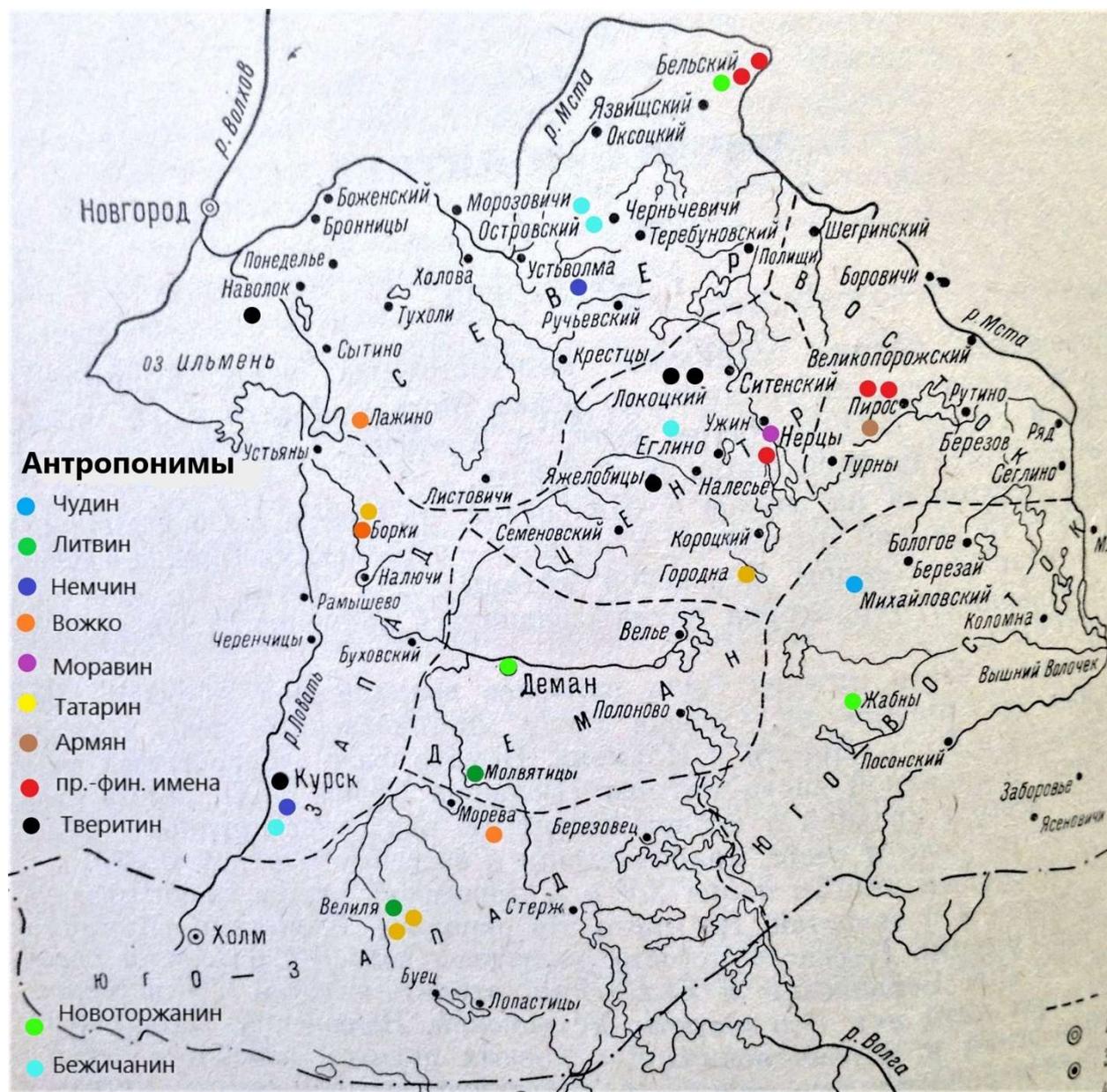

⁶⁴⁵ Карта: Андрияшев А. М. Материалы по исторической географии Новгородской земли...
Т. 2: Карты погостов. С. 2. Условные обозначения: Чибисов Б. И.

Приложение 11. Этнотопонимия Деревской пятины в конце XV в.⁶⁴⁶

⁶⁴⁶ Карта: Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. Прил. Условные обозначения: Чибисов Б. И.

Приложение 12. Неславянская и прозвищная антропонимия Деревской пятины в конце XV в.⁶⁴⁷

⁶⁴⁷ Карта: Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. Прил. Условные обозначения: Чибисов Б. И.